

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2020. № 3 (13)

Научный рецензируемый журнал

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2020

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2020. № 3 (13)

Scientific peer-reviewed journal

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2020

2020. 3 (13). Актуальные проблемы филологии

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

М. Боровски – кандидат гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени Валда Авотиня, центр развития (Латвия, Рига);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – канд. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Картинка для обложки - бесплатное фото: Amsterdam, Rijksmuseum, Netherlands. One of Amsterdam's best-kept secrets is this amazing library tucked away deep inside the Rijksmuseum. <https://unsplash.com/photos/QY0cRO1WUNg>

2020. 3 (13). Current philological problems

Editorial Board:

- Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);
- Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);
- Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);
- Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);
- Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);
- Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);
- Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);
- Alexandre Stroeve – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);
- Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);
- Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;
- Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology) (Russia, Magnitogorsk);
- Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);
- Maria Kovshova – Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);
- Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);
- Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);
- Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;
- Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);
- Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Aleksandr Soldatchenko – PhD in Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Alexej Petrov – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В этом разделе представлены материалы международной онлайн-конференции «Творчество А. П. Чехова в современном мире»

Бедрикова М. Л. ИДЕЙНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ГЕРОЕВ-ИНТЕЛЛИГЕНТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА» В СВЕТЕ ЧЕХОВСКИХ ЦЕННОСТЕЙ 12

Капшай Н. П. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДИАЛОГОВОЙ МЕТОДИКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «МАЛЬЧИКИ» 26

РАЗДЕЛ II. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

Петров А. В. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «РУССКОГО СЧАСТЬЯ» В ТРУДАХ Т. Е. АБРАМЗОН И МАГНИТОГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XIX ВЕКОВ 37

Рудакова С. В., Регеци И. К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА СЧАСТЬЯ 49

РАЗДЕЛ III. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

Никольский Е. В., Вальчак Д. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЗЛА? О МОТИВЕ ЗМЕЕБОРСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ 76

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Патроева Н. В. «ПЕТРОЗАВОДСКИЕ СЕВЕРНЫЕ ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ...» Т. В. БАЛАНДИНА В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ О «СТАРОМ» И «НОВОМ СЛОГЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА» 100

РАЗДЕЛ V. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Drozhbina A. I. TRANSLATION ISSUES OF EDUCATIONAL TERMS IN RUSSIAN, ENGLISH, SPANISH AND FRENCH USED IN DOCUMENTS OF THE ORGANIZATION OF THE UNITED NATIONS 117

- **РАЗДЕЛ VI. ФИЛОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Milenković T. THE RECEPTION OF LITERATURE ON BLOGS AND WEB-JOURNALS 126

РАЗДЕЛ VII. ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

Гараева Л. А. ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ 134

АВТОРАМ 150

CONTENTS

Part I. Scientific Life

Bedrikova M. L. IDEOLOGICAL AND MORAL SEARCH OF HEROES-INTELLECTUALS IN THE EPIC OF M. GORKY "THE LIFE OF CLIM SAMGIN" IN THE LIGHT OF CHEKHOV'S VALUES 12

Kapshai N. P. THE EFFECTIVENESS OF DIALOGUE METHODOLOGY IN STUDYING THE STORY BY A.P. CHEKHOV "BOYS" 26

Part II. National Model of the World in Literature

Petrov A. V. PHENOMENOLOGY OF «RUSSIAN HAPPINESS» IN THE WORKS OF T. E. ABRAMZON AND MAGNITOGORSK PHILOLOGICAL SCHOOL OF STUDYING RUSSIAN POETRY OF THE 18TH–19TH CENTURIES 37

Rudakova S. V. ON STUDYING THE PHENOMENON OF HAPPINESS 49

Part III. Comparativistics Today: Tasks – Ideas – Schools

Nikolsky E. V., Walczak D. THE PERSONIFICATION OF EVIL? THE MOTIF OF DRAGON-FIGHTING IN RUSSIAN CULTURE 76

Part IV. Linguistics of the Text

Patroeva N. V. T. V. BALANDIN'S «PETROZAVODSK NORTHERN EVENING CONVERSATIONS ...» IN THE MIRROR OF THE LINGUISTIC DISCUSSIONS OF THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY ABOUT THE "OLD" AND "NEW SYLOGUE OF THE RUSSIAN LANGUAGE" 100

Part V. Translation and Translation Studies

Дрожбина А. И. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ,
ИСПАНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ В ДОКУМЕНТАХ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ 117

Part VI. Philology and its Field of Research, Development Prospects

Таня Миленкович ВОСПРИЯТИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В БЛОГАХ
И ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛАХ 126

Part VII. Philology and Interdisciplinary Connections

Garaeva L. A. PHILOLOGICAL SUPPORT OF MODERN
LIBRARY PRACTICES 134

TO AUTHORS

150

РАЗДЕЛ I. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В этом разделе представлены материалы международной онлайн-конференции «Творчество А. П. Чехова в современном мире» (2 часть)

27 февраля 2020 г. состоялась международная онлайн-конференция «Творчество А. П. Чехова в современном мире», посвященная 160-летию со дня рождения **великого русского писателя, драматурга, живописца русской действительности конца XIX века А. П. Чехова**. Организовано это мероприятие Гомельским государственным университетом им. Франциска Скорины (Беларусь), Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г. И. Носова (Россия) (кафедрой языкознания и литературоведения), Ясским университетом им. Александра Иоана Куза (Румыния) при участии Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь, Российского центра науки и культуры в Гомеле и Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Казахстан).

Международная конференция стала одним из первых мероприятий, проводимых в рамках двухстороннего договора о сотрудничестве Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова и Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины.

Интерес к творчеству великого русского классика объединил 25 исследователей из 6 различных учебных заведений из 5 стран – Беларуси, России, Румынии, Казахстана, Молдовы.

2 доклада этой конференции представлены в данном номере.

М. Л. Бедрикова

**ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1**

М. Л. Бедрикова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
mlbedrikova@gmail.com*

**ИДЕЙНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ГЕРОЕВ-
ИНТЕЛЛИГЕНТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ГОРЬКОГО
«ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА» В СВЕТЕ ЧЕХОВСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ**

Статья посвящена актуальной проблеме нового прочтения произведений А. П. Чехова и М. Горького в аспекте понимания авторами гуманизма. «Чеховские ценности» – гарант сохранения русской культуры, её нравственных ценностей. В статье идейно-нравственные искания героев-интеллигентов в «Жизни Клим Самгина» Горького рассматриваются в сравнении с исканиями героев в повести «Моя жизнь» Чехова – в свете «чеховских ценностей». Существует общее «дискуссионное поле» в текстах классиков, посвященных теме интеллигенции в «переломное» время, а значит есть необходимость в его изучении. Каждый автор по-своему художественно исследует личность и судьбу интеллигента в её связях с эпохой. В свете собственной аксиологии писатели выражают предостережение современникам – об опасных последствиях для человека всякого рода косности, ограниченности, отсутствия развития, как и опасности радикальных «шагов». Преломление «чеховских ценностей» (его «святая святых») в повествовании Горького наблюдается на уровне содержания (борьба интеллигентов-народников «за свободу и культуру», против рабства во всех его проявлениях, распространение марксизма в конце XIX в.) и на уровне поэтики. В работе использован комплекс методов: историко-литературный, типологический, метод сравнительного анализа. «Матрица интерпретаций становится практически безбрежной», – таково мнение литературоведов в XXI веке [17, 19]. В статье полемически акцентируется *проблема* объективного подхода, уточнения взглядов литературоведения на феномен русской интеллигенции, специфику понимания

¹ Бедрикова Майя Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

нравственных ценностей XIX–XX вв., которые и по сей день хранит для будущих поколений великая русская литература.

Ключевые слова: М. Горький «Жизнь Клима Самгина», А. П. Чехов «Моя жизнь», гуманизм, русская интеллигенция

Введение. В XXI веке человек сталкивается с ситуациями нравственного выбора, с новыми реалиями жизни России и мира. *Актуальными* в чеховедении и горьковедении в настоящее время являются вопросы о мировоззрении, гуманистических взглядах А. П. Чехова и М. Горького, современника Русской революции 1917 г. В юбилейном 2020 году проводятся научные конференции, посвященные 160-летию А. П. Чехова, «Творчество А. П. Чехова в современном мире» [8], возникают новые направления в изучении наследия классика. В 2016 г. опубликована антология «А. П. Чехов: pro et contra» [17], а коллективная монография «Максим Горький: pro et contra, антология» увидела свет в 2018 [7]. Литературоведы, историки, философы обращались и обращаются к произведению «Жизнь Клима Самгина», чтобы осмыслить значение исторической эпохи рубежа XIX–XX вв., постичь смысл реалистически воссозданной Горьким «широкой панорамы русской жизни». Существует общая проблема «новых опытов чтения» [17, 7]. Современное чеховедение решает вопросы «освоения и присвоения Чехова русской культурой XX века» [17, 2]. И. Сухих предложил обозначить «этапы присвоения Чехова русской культурой» в виде формул: «освоение / осмысление (1886–1914); «канонизация (1914–1960); «интерпретация (1960 – ...)» [17, 19].

В XXI веке наследие Чехова и Горького, «чеховские ценности» воспринимаются как своего рода «ключ» к коду великой русской культуры. Горький представляется читателям разных поколений как восприимчивый чеховского гуманизма [11, 17], [14, 129]. Огромный интерес и к эпистолярному своду [15]. Документально запечатлён факт: писатели-гуманисты общались, были интересны друг другу, вели переписку на протяжении жизни. Чехов повлиял на становление молодого писателя Максима Горького (А. Пешкова), а сама история дружбы классиков обросла мифами, кроме того, «мифогенным» оказался и образ гуманиста, тип русского интеллигента. В данной работе поставлена цель – проанализировать идейно-нравственные искания героев-интеллигентов в произведении М. Горького «Жизнь Клима Самгина» в свете чеховских ценностей. А. П. Чехов (1860–1904) не мог знать поздние горьковские творения, но в первой трети XX в.

автор «Жизни Клим Самгина» (1927–1936) в ходе романного повествования продолжил «чеховскую линию», специально затрагивая этические проблемы, волнующие общество. Для сравнительного анализа нами выбраны тексты: повесть Горького «Жизнь Клим Самгина (Сорок лет)» (повесть – авторский жанр, первая часть) и повесть Чехова «Моя жизнь».

Специфика читательского «зрения» в процессе интерпретации образов героев Чехова и Горького определяет видение и понимание авторской позиции (в её соотнесенности с оценкой субъекта). В 1960-е годы, когда были возвращены и акцентированы гуманистические ценности, утвердилась идея их преэсменности в общественном сознании и в литературе. Концепция личности периода «оттепели» заключала в себе идейно-нравственные искания «отцов», опыт минувших поколений – в лице Чехова, Горького и их героев: «Изучение творчества А. П. Чехова готовит учащихся к тому, чтобы они поняли горьковскую философию свободного человека, могли выразить свои познания, своё понимание эстетических и нравственных принципов» [11, 18].

В «дискуссионное поле» исканий героев естественно вписывался «новый гуманизм» Горького: «Какая роль в жизненном процессе принадлежит мне? Что я и мои сверстники получили от отцов, от минувших поколений? Почему Горький называет должность «быть человеком» превосходной?» [11, 18]. В этот же период в своём Дневнике Ю. М. Нагибин усомнился в верном понимании образа Чехова: «30 августа 1969 г. Почему-то у всех писавших о Чехове при добрых намерениях не получается обаятельного образа. <...> Писали, какой он тонкий, какой деликатный, образец скромности, терпения, выдержки, такта, и всё равно ничего не получается... И вдруг я понял, что то вина не авторов, а самого Чехова. Он не был по природе своей ни добр, ни мягок, ни щедр, ни кроток, ни даже деликатен» [9, 296]; «Убеждён, что живой Чехов был во сто крат интереснее и привлекательнее во всей своей мути и непростоте елейных писаний мемуаристов» [9, 297].

В 2000-е гг. мифы о писателях нередко предстают в иронических заметках, так, заметки о Горьком стали видом литературно-критического «продукта». В соответствии с прагматичным духом времени, в своём «саркастическом отступлении» (в «Пособии по новейшей литературе», 2012) З. Прилепин «знакомит» неискущённого читателя с Горьким-ловкачом и дельцом: «Написал великое множество отличных текстов, был успешным предпринимателем, сам зарабатывал и добрую дюжину литераторов сделал очень обеспеченными людьми...» [12, 88–89]. Высказывание

говорит о начитанности интерпретатора, общей культуре, «ценностной» ориентации. Налицо противоречие: что объективно? Пафосные характеристики М. Горького-живого классика, цитируемые нами по книге методиста Е. В. Перезовой, 1968 г., Минск [11], или саркастические «перлы» о Горьком-предпринимателе – писателя и блогера З. Прилепина в 2010-е гг.? «Матрица интерпретаций становится практически безбрежной» (И. Сухих) [17, 19]. Причины – в динамике восприятия литературной классики в российском обществе, в научных сферах (по сей день чеховеды вырабатывают концепции: «Чехов – отец русской демократии <...> мизантроп / экзистенциалист <...> одинокий моралист и прочие») [17, 12]. Приведенные примеры «крайностей» в восприятии классических текстов и личностей их авторов позволяют полемически заострить вопрос – об адекватном «чтении» и понимании читателями смысла, направленности идейно-нравственных исканий русской интеллигенции в XIX–XX вв. [4], [2], сути гуманистических ценностей, которые хранит для будущих поколений русская литература и культура в целом.

1. Характеристика исследования. Чеховскому повествованию присуща «коммуникативная открытость» как основополагающий принцип. Чехов подчеркивал активную роль своего читателя, который силой воображения непременно дополнит субъективные элементы в тексте. Главной формой для воссоздания идейно-нравственных исканий литературных героев является психологизм – «это та художественная форма, в которой литература осваивает становление человеческого характера, мировоззренческих основ личности» [5, 28]. Не утратили актуальности идеи А. Б. Есина о неразрывной связи между «расцветом психологизма в XIX в. и степенью интенсивности, напряженности и глубины идейно-нравственных поисков литературных героев» [5, 29]. Горький воспринял в своё время специфические приёмы именно поэтики Чехова для создания образов героев.

1.1. Гипотеза. Для подтверждения гипотезы о существовании общего «дискуссионного поля» в произведении «Жизнь Клима Самгина» и произведениях Чехова, посвященных судьбам интеллигентов, проведем сравнительный анализ ряда фрагментов из текста эпопеи Горького и повести Чехова «Моя жизнь» – в избранном аспекте. Следует уточнить, о каких «чеховских ценностях» идёт речь, – сквозь призму этих ценностей нами будет рассмотрена позиция Самгина, мировоззрение других персонажей из интеллигентного круга. Обратимся к тексту известного письма А. П. Чехова к А. Н. Плещееву. Чехов ясно проговаривает, каких позиций придерживается, на чём основана его философская система, его «программа» русского писателя.

Итак, 4 октября 1888 года писателем отмечено: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах <...>. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святое святых – это *человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи*, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником» [15, 11]. В изображении определённых типов интеллигентов конца XIX века у Чехова и Горького наблюдаются точки «схождения», намечен общий «вектор» идейно-нравственных исканий как обязательный элемент в создании образа современника-человека умственного труда. Важно, что писатели изображают молодое поколение. Двадцатипятилетний Мисаил Полознев («Моя жизнь», 1896) относится к поколению интеллигентов конца девятнадцатого столетия, как и главный герой Самгин (ему двадцать пять – в конце первой и в начале второй части «Жизни Клима Самгина»). О рождении Клима Горький пишет развёрнуто-метафорически: «Первые годы жизни Клима совпали с годами отчаянной борьбы за свободу и культуру тех немногих людей, которые мужественно и беззащитно поставили себя «между молотом и наковальней», между правительством бездарного потомка талантливой немецкой принцессы и безграмотным народом, отупевшим в рабстве крепостного права <...>. Весной 79 года щёлкнул отчаянный выстрел Соловьёва, правительство ответило на него азиатскими репрессиями» [3, 7].

1.2. Методология исследования. В работе использован комплекс методов: историко-литературный, типологический, сравнительный анализ в избранном аспекте. Теоретической базой служат новейшие исследования горьковедов, а также труды исследователей творчества Чехова и комментарии к его письмам 1880-х годов. Базовой для статьи является концепция диалогизма М. М. Бахтина [1], а также идея О. К. Оляндер о диалогическом пространстве: «Поэтика романа «Жизнь Клима Самгина» такова, что она способна расширять, углублять, заставлять «дышать» диалогическое пространство духовной жизни России» [10, 727]. В случае сравнительного анализа сцен-дискуссий интеллигентов Чехова и Горького имеется в виду именно *единое – «диалогическое пространство духовной жизни России»* [10, 727].

1.3. *«Дискуссионное поле»: особенности изображения идейно-нравственных исканий персонажей-интеллигентов (Чехов «Моя жизнь» и Горький «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)»).* В «Жизни Клима Самгина» М. Горький «сквозь толщу времени» ведёт повествование о русской интеллигенции, воссоздавая ситуацию «порога» на рубеже веков – для него это уже прошедшее время (тридцать лет назад). Для Чехова события протекали синхронно (время «текущее»). *«Диалогическое пространство духовной жизни России»* (О. К. Оляндер) есть и в чеховских произведениях, и в «Жизни Клима Самгина». Мы называем его «дискуссионным полем». При всей условности, единое «дискуссионное поле» не беспредельно-неохватно (в отличие от «пространственности» – русский простор и др.). Дискуссии проводились интеллигентами в «системе», участники сознательно придерживались «линии» (основных тем, правил ведения полемики на общественные темы, политические и пр.). Полагаем, обычаем русских разговоров о политике «за чаем», «рамки» беседы культивировали народники: чаепитие может незаметно перетекать в интеллектуальную сферу. В процессе напряженной дискуссии интеллигенты обретают чувство «единения», *приобщения к общему делу*. В финале полемики возникает «искомое» – чувство внутренней свободы, независимости, самосознания личности, ответственной за судьбу народа, чувство гордости за Россию.

В повести А. Чехова «Моя жизнь» инициатором беседы выступает доктор Благово, участвует в беседе Мария Викторовна, дочь инженера Должикова, а главный герой интеллигент Мисаил Полознев следит за ходом развернувшейся дискуссии. Тезис выдвигает Мария Викторовна. Она говорит о разделении людей на прогрессивных и «средних». Известно, что в 1890-е гг. Чехова интересовали типы обыкновенных русских людей, его современников [13, 388]. Мария Викторовна относит себя к «средним». Чехов пишет: «Талантливые, богато одарённые натуры, <...> знают, как им жить, и идут своей дорогой; средние же люди <...> ничего не знают и ничего сами не могут; им ничего больше не остаётся, как подметить какое-нибудь глубокое «общественное течение и плыть, куда оно понесёт» [16, 558]. Проблему «среднего» человека, его реализации в жизни, вопрос о существовании того, что сам А. Чехов называл в письме А. Плещееву «тенденцией», поднимает доктор Благово: «Разве можно подметить то, чего нет? – спросил доктор <...> Так ли? Общественные течения – это новая литература выдумала. Их нет у нас. Начался спор» [16, 558]. Полознев наблюдает за ходом полемики, как отмечалось: «прежде всего преломлённой в конкретном воспринимающем сознании» [13, 386].

Ни одна дискуссия не обходится без литературных примеров, ассоциаций, прямого цитирования. Мария Викторовна Должикова, в отличие от «неопределившегося» Полознева (в детстве сверстники нарекли его «маленькая польза»), давно придумала собственный «сценарий» для своей «взрослой», самостоятельной общественно-полезной жизни. Она твёрдо идёт к намеченной цели, то есть воплощает задуманное не лично для себя, но для народа – улучшения жизни крестьян из соседней деревни Куриловка. Полознев необходим Марии Викторовне как опора, единомышленник, как человек, в котором она узрела «подлинную» сильную и самодостаточную личность. В соответствии с представлением о «богато одаренных» и «средних» людях, Должикова принимает единственно верное решение, делает выбор и соединяет судьбу с прогрессивным Полозневым. Действительно, раньше она лишь искала «общественное течение», идти за течением («плыть») было гораздо легче, нежели реально воплощать хорошо продуманный «проект». Не удивительно, что благие намерения прогрессивной женщины не принесли ожидаемого результата немедленно. Сюжетная линия любви Полознева к Марии Викторовне обрывается – из-за метаний героини, разочаровавшейся в «самостоятельности» и пожелавшей «переписать» свой сценарий жизни на другой, подходящий её эстетической натуре [6].

Черта мышления русских интеллигентов – книжность. М. Горького интересовала особенность русской ментальности – желание образованных людей постоянно что-то воображать, подобно писателям, придумывать несуществующее. Слово «выдумывать» – характерный глагол в их повседневных беседах. Почему этот глагол так часто используется писателем? Свет проливает мысль Горького в одном из писем С. Цвейгу, которую приводит Т. Р. Гавриш: «Сейчас я пишу о русских людях, которые, как никто другой, умеют *придумывать свою жизнь, придумывать самих себя*» (...15 марта 1925 г.)» [7, 795]. Обратимся к тексту – к первой части «Жизни Клима Самгина». В становлении характера Клина огромную роль сыграла его семья и друзья дома, люди, близкие Самгиным. В основном это интеллигенты-народники, разделяющие ценности своего поколения. Мальчик Клима хорошо запомнил слово «выдумать» в речи родственников, причём слово интерпретировали «по ситуации». Вот ряд примеров привычки интеллигентов «придумывать самих себя»: родители «выдумали» необыкновенность старшего сына – Клина, в то время как Дмитрия, младшего, «запрограммировали» как «обыкновенного». Горький затрагивает сложные вопросы, которые волновали и Чехова – ведь писатель не выносил подобной

искусственности, неестественности в отношениях людей, не терпел и толики фальши. Дедушка Клима заметил: «Вы все портите ребёнка, выдумываете его» [3, 12], но к его мнению родители не прислушались (старика считали «мизантропом»). Своему отцу Ивану Самгину Клим доверял больше, точнее, его тезису: «... всё хорошее выдуманно» [3, 13], на бытовом уровне выделены слова бабушки – кухарке («Выдумай сама что-нибудь» [3, 13]) и далее, на высшем уровне, реализуется: «умение придумывать свою жизнь, придумывать самих себя» [7, 795]. Как и А. Чехов, М. Горький использует несобственно-прямую внутреннюю речь для воссоздания своеобразной логики Клима. С детства герой наблюдал за взрослыми и перенял у них «выдумывание»: «И всегда нужно что-нибудь выдумать, иначе никто из взрослых не будет замечать тебя и будешь жить так, как будто тебя нет или как будто ты не Клим, а Дмитрий» [3, 13].

В первой части «Жизни Клима Самгина» в свете «чеховских ценностей» («святая святых») изображена борьба интеллигентно-народников «за свободу и культуру» – против рабства. Этой проблематике посвящены семейные воспитательные беседы и сцены-описания дискуссий в кружке писателя Нестора Катина. Нестор Катин – это псевдоним, писатель одевался «а la мужик», походил на мастерового, привыкшего «хорошо зарабатывать» и «жить весело». Центральные темы его бесед: Маркс, Толстой, интеллигенция, личность и история. Личность Катина привлекала молодёжь: он подчёркивал своё народолюбие и прогрессивность, затрагивал женский вопрос, выдавал рекомендации по обязательному «прогрессивному» чтению («История города Глупова» Салтыкова-Щедрина, проза Глеба Успенского, А. Герцена). Каждая сцена-дискуссия достаточно подробная, занимает от двух до пяти страниц. Во главу угла ораторы ставили требование «правды». Правду о жизни народа всегда говорила русская литература. Отметим, что Чехов писал об идеале писателя, об «абсолютнейшей свободе» («если бы был большим художником» [15, 11]), при этом у Антона Павловича акцентирована независимость как обязательное условие «правды». Обычно, приветствуя молодёжь, Катин вопрошал о состоянии современной литературы: «литература откололась от жизни, изменяет народу; теперь пишут красивенькие пустячки для забавы сытых; чутьё на *правду* потеряно» [3, 94]. Иронией пронизана вся сцена. Самгин внимательно наблюдает за логикой, позицией участников дискуссии и про себя тотчас уличает говорящего в «выдуманности», ходульности, схематизме – вместо «абсолютнейшей свободы». Так, персонаж, напоминающий внешне «кормилицу», после тезиса Катина, словно по обязанности, методично проговаривает

заученное: «о запросах народной души, обязанностях интеллигенции и особенно много об измене детей священным заветам отцов» [5, 94]; «народ есть субстанция, то есть первопричина», а «дети», в отличие от «отцов», привержены марксистскому учению о классах (чужому – немецкому). Убийственны детали в характеристике одного из пропагандистов: «знарок обязанностей интеллигенции <...> водку пьёт, не скрывая отвращения к ней и как бы только по обязанности» [3, 94]. В последующих сценах встреч в доме Катина речи ведутся о самом главном: «Это вопрос глубочайшего, общечеловеческого значения <...> о русской интеллигенции, о людях, чья участь – тюрьма, ссылка, каторга, пытки, виселица» [3, 97]. Слова о казнях названы «обыкновенными, ходовыми словечками» [5, 97]. У Горького само помещение – флигель, место дискуссий, это психологизированное пространство (подобно чеховскому приёму оживления предмета), его описание – развёрнутая метафора. Образ флигеля дан сквозь призму восприятия Самгина в его «конкретном воспринимающем сознании» [13, 386]. Горький приводит оценку старшего Варавки, а следом – реакцию Клина. Рассмотрим эту сцену. *«Обычная русская квасоварня. Балаган, в котором показывают фокусы, вышедшие из моды». Клим подумал, что это сказано метко, и с той поры ему показалось, что во флигель выметено из дома всё то, о чём шумели в доме лет десять тому назад»* [3, 96]. В доме десять лет назад царил дух народничества. На этот «выметенный» хлам и указывает Клим. Ещё более снижает пафос народолюбия следующая деталь: в воскресные дни у Катина серьёзные беседы сменялись вечерами отдыха, с хоровым исполнением любимых русских народных песен и танцами под гармонику. Горький использует сарказм: «Варавка сердито назвал это веселье: – Рыбьи пляски» [3, 95]. Итак, в словах Варавки «рыбьи пляски», «русская квасоварня», «балаган» выражена точка зрения об иллюзорности, истощенности различных искусственных измышлений, «сценариев» народничества по улучшению жизни и глубокий скепсис в отношении радикальных/революционных идей. Позиция старшего Варавки тождественна негативной оценке Чеховым народнических проектов. Комментарий Клина о фальши в речи интеллигентов сменяется внутренней несобственно-прямой речью. Из внутренней речи Самгина читатель узнаёт, что именно герой почерпывал для себя на посиделках: «кое-какие мысли и меткие словечки, но ещё нечто, не совсем ясное, но в чём он нуждался; он оценивал это как знание людей» [3, 96]. Чехов незримо присутствует в духовном «диалогическом пространстве» произведений Горького, чувствуется трепетное отношение автора

к старшему другу и учителю. Память об А. П. Чехове – в знаках, рассыпанных в тексте «Жизни Клима Самгина»: например, во второй части повести в развёрнутой сцене благотворительной костюмированной вечеринки у Лютова из столичной богемы был приглашён искуснейший чтец рассказов Чехова – Ермаков.

Итак, мы наблюдаем в повести «Моя жизнь» и в «Жизни Клима Самгина» общее «диалогическое пространство духовной жизни России»: Чехов и Горький исследовали вопросы об «идейно-нравственной сущности человека», его моральной ответственности за поступки. Анализ фрагментов из повести «Жизнь Клима Самгина» подтверждает идею о преемственности приёмов психологизма Чехова в поздней прозе Горького, а также идеи о значении гуманизма, духовных поисках героев литературной классики: «... в своих философско-этических поисках [герои – М. Б.] руководствуются высокими идеалами добра и справедливости <...>. Они ищут не удобную позицию в мире, а высшую, безусловную нравственную правду <...>, потому что в поисках речь идёт о счастье человека, народа, человечества» [3, 29], [4, 257].

Заключение. В результате анализа общего «дискуссионного поля» в текстах произведений «Жизнь Клима Самгина» и «Моя жизнь» установлено: обратившись к теме идейно-нравственных исканий русской интеллигенции в «переломное время», Чехов и Горький художественно исследовали тип интеллигента, конкретную судьбу в её связях с исторической эпохой. В свете собственной аксиологии писатели выразили предостережение современникам – о последствиях для человека косности, ограниченности, «недумания», отсутствия развития, и, в равной степени, опасности радикальных «шагов». Преломление «чеховских ценностей» (его «святая святых») в повествовании Горького происходит в обобщенном виде: в изображении борьбы интеллигентов-народников «за свободу и культуру», против рабства во всех его проявлениях в период распространения марксизма в капитализирующейся России конца XIX в. Чехов и Горький заняли мужественную позицию – категорического неприятия всякого небрежения к человеку, равнодушия, насилия над ним, его душой в силу уости взгляда, обывательской морали, – в свете «чеховских ценностей». Писатели подняли вопрос об ответственности «избранных» за социальные эксперименты набирающего силу марксизма, не учитывающие интересы отдельной личности, провозглашали уникальность каждой человеческой жизни как бесценного дара.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Бедрикова М. Л. О миссии поколения русской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. (М. Горький «Жизнь Клима Самгина») // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). С. 45–61.
3. Горький М. Собр. соч.: в 16 т./ сост. и общая ред. Н. Н. Жегалова. Москва: Изд-во «Правда», 1979. Т. 11: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). 576 с.
4. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Москва: Советский писатель, 1990. 400 с.
5. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: Кн. для учителя. Москва: Просвещение, 1988. 176 с.
6. Зайцева Т. Б. «Этический» и «эстетический» способы существования в повести А. П. Чехова «Моя жизнь» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 336–348.
7. Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Сост.: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. 880 с.
8. Материалы международной онлайн конференции «Творчество А. П. Чехова в современном мире» // Libri Magistri. 2020. №2 (12). С. 12–123.
9. Нагибин Ю. М. Дневник: в 2 т. Т. 1. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2020. 448 с.
10. Оляндер Л. К. Горьковская художественно-философская модель русской жизни в романе «Жизнь Клима Самгина» // Максим Горький: pro et contra: антология. Современный дискурс / Сост.: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. Санкт-Петербург: РХГА, 2018. С. 719–728.
11. Перевозная Е. В. Воспитание на уроках литературы (Из опыта). Минск: Народная асвета, 1968. 160 с.
12. Прилепин З. Книжчѐт: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастичекими отступлениями. Москва: Астрель, 2012. 444 с.
13. Русские писатели. Биобиблиогр. Словарь [в 2 ч.]. Ч. II М – Я / Редкол.: Б. Ф. Егоров и др.; под ред. П. А. Николаева. Москва: Просвещение, 1990. 448 с.
14. Сборники А. П. Чехова: межвузовский сборник / отв. ред. А. Б. Муратов. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 151 с.

15. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 3. Письма, Октябрь 1888- декабрь 1889 / Тексты подгот. и прим. И. Е. Гитович, Н. И. Гитович; ред. третьего тома З. С. Паперный. Москва: Наука, 1976. 576 с.
16. Чехов А. П. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. Повести и рассказы (1888–1896) / Тексты подгот. и прим. И. Е. Гитович, Н. И. Гитович; ред. третьего тома З. С. Паперный. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 611 с.
17. А. П. Чехов: pro et contra, антология. Т. 3. / Сост., вступ. статья, комментарии И. Н. Сухих. Санкт-Петербург: РХГА, 2016. 880 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 p.
2. Bedrikova M. L. O missii pokoleniya russkoi intelligentsii kontsa 19 —nachala 20 v. (M. Gor'kii «Zhizn' Klima Samgina») // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). Pp.45–61.
3. Gor'kii M. Sobr. soch.: v 16 t./ sost. i obshchaya red. N. N. Zhegalova. Moscow, Izd-vo «Pravda», 1979. Т. 11: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest'. 576 p.
4. Gor'kii M. Nesvoevremennye mysli: Zametki o revolyutsii i kul'ture. / M. Gor'kii. Moscow, Sovetskii pisatel', 1990. 400 p.
5. Esin A. B. Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury: Kn. dlya uchitelya. Moscow, Prosveshchenie, 1988. 176 p.
6. Zaitceva T. B. «Eticheskii» i «esteticheskii» sposoby sushchestvovaniya v povesti A. P. Chekhova «Moja zhizn'» // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2008. №22. Pp. 336-348.
7. Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremennyyi diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V. T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva. Saint Petersburg, RKhGA, 2018. 880 p.
8. Materialy mezhdunarodnoi onlain konferentsii «Tvorchestvo A. P. Chekhova v sovremennom mire» // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). 136 p.
9. Nagibin Yu. M. Dnevnik: V 2 t. T.1. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek, 2020. 448 p.
10. Olyander O. K. Gor'kovskaya khudozhestvenno-filosofskaya model' russkoi zhizni v romane «Zhizn' Klima Samgina» / Maksim Gor'kii: pro et contra, antologiya. Sovremennyyi diskurs / Sostaviteli: O. V. Bogdanova, V.T. Zakharova, L. A. Spiridonova, M. G. Urtmintseva. SPb: RKhGA, 2018. 880 p.

М. Л. Бедрикова

11. Perevoznaya E. V. *Vospitanie na urokakh literatury* (Iz opyta). Minsk: Narodnaya asveta, 1968. 160 p.
12. Prilepin Z. *Knigochet: posobie po noveishei literature s liricheskimi i sarkasticheskimi otstupleniyami*. Moscow, Astrel', 2012. 444 p.
13. *Russkie pisateli. Biobibliogr. Slovar'* [v 2 ch.]. Ch. II M – Ya / Redkol.: B. F. Egorov i dr.; pod red. P. A. Nikolaeva. Moscow, Prosveshchenie, 1990. 448 p.
14. *Sborniki A. P. Chekhova: mezhvuzovskii sbornik / otv. red. A. B. Muratov*. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. 151 p.
15. Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 3. Pis'ma, Oktyabr' 1888- dekabr' 1889 / Teksty podgot. i prim. I. E. Gitovich, N.I. Gitovich; red. tret'ego toma Z.S. Papernyi*. Moscow, Nauka, 1976. 576 p.
16. Chekhov, A.P. *Izbrannye proizvedeniya: V 3 t. T. 2. Povesti i rasskazy (1888–1896 / Teksty podgot. i prim. I. E. Gitovich, N. I. Gitovich; red. tret'ego toma Z.S. Papernyi*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1960. 611 p.
17. A. P. Chekhov: pro et contra, antologiya. T. 3. / Sost., vstup. stat'ya, kommentarii I.N. Sukhikh. Saint Petersburg, RKhGA, 2016. 880 p.

IDEOLOGICAL AND MORAL SEARCH OF HEROES-
INTELLECTUALS IN THE EPIC OF M. GORKY "THE LIFE OF CLIM
SAMGIN" IN THE LIGHT OF CHEKHOV'S VALUES

M. L. Bedrikova

Assistant Professor, Candidate of Sciences (Philology), Department
of Linguistics and Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical
University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to an important problem of a new reading of the works of A.P. Chekhov and M. Gorky, namely the authors' understanding of humanism. "Chekhov's values" are the guarantor of the preservation of Russian culture and its moral values. The article examines the ideological and moral searches of the heroes- intellectuals in Gorky's "The Life of Klim Samgin (Forty Years)" in comparison with the searches of the heroes in the story "My Life" by Chekhov – in the light of "Chekhov's values." There is a "discussion field" in the texts of the classics devoted to the "mission" of the intelligentsia in the revolutionary era, which means that there is a need to study it. Each author, in his own artistic way, depicts and comprehends the personality of a Russian intellectual and the fate of the intelligentsia in connection with the era. In the light of their own axiology, the writers express a warning

to their contemporaries – about the dangerous consequences for a person of all kinds of inertia, limitations, the lack of development, as well as the danger of radical "steps". The interpretation of "Chekhov's values" (his "holy of holies") in Gorky's narration is observed at the level of content (the struggle of the populists "for freedom and culture", against slavery in all its manifestations, the spread of Marxism at the end of the 19th century) and at the level of poetics. A complex of different methods is used in the article: a historical and literary method, a typological method and comparative analysis. "The matrix of interpretations is becoming practically boundless", – this is the opinion of literary critics of the 21st century [16, 19]. The article polemically focuses on the problem of an objective approach, clarifies the views of Russian literary criticism on the phenomenon of the Russian intelligentsia, the specifics of understanding of the moral values at the turn of the 19th-20th centuries, these values great Russian literature still preserves for future generations.

Keywords: M. Gorky, «The Life of Klim Samgin», A. P. Chekhov "My Life", humanism, Russian intelligentsia

Для цитирования: Бедрикова М. Л. Идеино-нравственные искания героев-интеллигентов в произведении М. Горького «Жизнь Клима Самгина» в свете чеховских ценностей // Libri Magistri. 2020. № 3 (14). С. 12–25.

Поступила в редакцию 09.07.2020

Н. П. Капшай

ББК 83.3(2=411.2)52-444-8(А.П.Чехов)
УДК 821.161.1- 32*А.П.Чехов

Н. П. Капшай¹
Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины
nkapshaj@gmail.com

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДИАЛОГОВОЙ МЕТОДИКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «МАЛЬЧИКИ»

Рассмотрены особенности применения диалоговой методики в изучении художественного произведения на примере анализа рассказа Антона Павловича Чехова «Мальчики». Диалоговая методика относится к инновационной и является объектом исследования многих педагогических наук. Специфика ее применения в методике преподавания русской литературы определяется, прежде всего, диалогической структурой художественных текстов. Создается методика на интеграционной основе, её базис составляет литературоведение. Метод теоретического обобщения знаний, как и экспериментальный, позволяет выдержать принцип научности и верифицировать полученный результат. Проза Чехова отличается повышенной диалогичностью, что особенно значимо в детском чтении и преподавании литературы в школе. Продуктивность применения диалоговых приемов в процессе анализа рассказа А. П. Чехова «Мальчики» доказывается многими показателями. Вырабатывается коммуникативная компетентность, центр которой составляет базовое понятие диалог. Читатель участвует в диалоге, образцово организованном на самом высоком уровне автором и открывающем возможности для активной познавательной деятельности читателя. Углубляется читательская компетентность: ученик понимает свою роль в воссоздании смысла произведения, следует алгоритмам диалогического мышления, осознает целесообразность анализа в выявлении скрытого содержания, понимает необходимость выхода за пределы имманентного разбора произведения и привлечения информации из разного типа контекстов. Процесс анализа технологизирован благодаря вырабатываемым алгоритмам

¹Капшай Наталья Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и мировой литературы Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь.

читательской деятельности, вместе с тем не теряет занимательности, так как каждая диалогическая ситуация является когнитивной.

Ключевые слова: Чехов, диалог, автор, читатель, учитель, методика, инновации, принцип системности, наука

Произведения Антона Павловича Чехова являются той прочной основой, на которой формируются духовные ценности читателя и развивается его природная потребность в диалогическом общении с миром, ставшем проблемным в современном обществе и определившем векторы преподавания русской литературы в школе и вузе. Афористически емко значимость диалога определил М. М. Бахтин: жить – «значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответственовать, соглашаться и т. п.» [1, 307]. Диалог в XXI веке «становится ведущим методом и методологией гуманитарных наук» [2, 2].

Знакомство с прозой и личностью А. П. Чехова открывает огромные возможности в развитии представлений о диалогической коммуникации. Диалогическая структура чеховского текста входит в проблемное поле исследований Г. Бердникова, В. Тюпы, М. Семановой и других. По мнению И. Сухих, у А. Чехова «особая включенность читателя в мир произведения, особая личностно-актуальная форма восприятия» [3].

Большие возможности для активизации диалогического потенциала чеховского творчества предоставляет сфера школьного образования. В нем сегодня широко внедряется диалоговая методика. Работы М. М. Бахтина, представителей рецептивной эстетики и герменевтики, ученых-дидактов – М. А. Данилова, Ю. К. Бабанского, А. В. Хуторского, психологов – Л. С. Выготского, Б. М. Теплова, А. А. Леонтьева и других – заложили фундамент, на котором выстраивается учебный диалог. Диалогическое обучение действует на протяжении всех лет школьного образования [4]. Однако педагогическое сообщество в своей деятельности, опираясь на достижения дидактики, недостаточно использует возможности диалогической структуры текста, где многое зависит «не только от интенции и творческой активности автора, но и от аналогичной активности читателя, который, извлекая из текста смысл, реконструирует его» [5, 157].

Цель статьи – на примере изучения рассказа А. П. Чехова «Мальчики» обосновать и доказать эффективность применения диалоговой методики в формировании предметной, читательской, коммуникативной компетенций. Материал проходил апробацию и верификацию в вузовской и школьной аудиториях, в подготовке

современного учителя-словесника и проведении экспериментального урока литературы. В выполнении прикладного исследования использовались методы систематизации теоретических знаний, структурно-семантического и контекстуального анализа, адаптации и демонстрации знаний, лабораторного и формирующего эксперимента.

Усвоение основ литературоведческой теории диалога современным учителем. Инновационные технологии, к которым относится диалоговая методика, создаются на основе интенсификации современных научных знаний. Теоретическую подготовленность педагога высоко ценил К. Д. Ушинский: «Пустая ни на чем не основанная теория оказывается никуда не годной вещью, как факт или опыт, из которого нельзя вывести никакой мысли, которому не предшествует и за которым не следует идея» [6, 17]. Теоретическая основа предметной деятельности современного преподавателя-словесника создается в синтезе и практической адаптации знаний из разных сфер науки – литературоведения, рецептивной эстетики, риторики, психологии, лингвистики и других. Адаптация фундаментальных знаний к массовому использованию на практике может быть проведена с помощью технологии свертывания знаний. На занятиях в вузе при подготовке будущего учителя как отправные в обучении диалоговой методике нами предлагаются следующие теоретические положения, разъяснение которых проводится избирательно и ориентировано на инвариантные смыслы.

Текст художественного произведения диалогичен по своей природе, в нем потенциально заложена возможность сотворческого взаимодействия автора и читателя. По словам Р. Барта, «тщетна всякая попытка физически разграничить произведения и тексты... Текст – поле методологических операций...» [7, 414 – 415]. **Авторская позиция маркирована: интенции автора обозначены в тексте сильными позициями, композиционной структурой, графическим оформлением, выразительными художественными приемами.** Художественное высказывание выражает «некую позицию говорящего, на которую можно ответить, в отношении которой можно занять ответную позицию» [8, 252]. **Автор и читатель сотворчески взаимодействуют в процессе художественного познания, стремясь к философскому, по смыслу, проникновению в сущность предмета эстетического изучения и самопознанию.** В «духовной встрече» с автором читатель, ведомый художником, стремится выразить себя и обогатиться новыми знаниями.

Обучение применению теории диалога студентов-филологов.

В условиях университетской лаборатории апробирован и функционирует алгоритм диалогической деятельности учителя, состоящий из следующих этапов. Первый. Устанавливаются зоны контакта автора и читателя, наиболее значимые в процессе смыслообразования. Второй. В зоне контакта должно быть актуализировано семантическое наполнение ключевых компонентов, что осуществляется в семантическом анализе слова-образа, расшифровке подтекстов. Третий. Смысл целого раскрывается во взаимодействии структурных компонентов произведения. В целостном объединении смыслов образуется идейно-тематическое единство, определяющее идейную доминанту произведения.

Выбор технологического оснащения деятельности учителя-словесника в реализации диалоговой методики. Педагог ориентируется на дидактические подходы, комбинируя их со специфическими (предметными). Главная функциональная нагрузка падает на методические приемы, продиктованные эстетической природой слова и образа. Это: игра в ассоциации и выстраивание семантического пространства, разные типы комментария и комплексный комментарий, словесное иллюстрирование и сотворческое домысливание текста, игровые приемы, нестандартные типы уроков. В вузе навыки практической деятельности формируются при выполнении специальных упражнений и ряда тренировочных заданий, разработанных в лаборатории.

Соответственно учебной программе общего среднего образования Республики Беларусь в пятом классе изучается рассказ А. П. Чехова «Мальчики». Ученик работает с текстом с выраженной диалогической системой отношений автор – читатель. Оперирование словом *диалог* естественно для учеников, уже усвоивших его в общении. Понятие *диалог* тематически вводится в учебник русского языка. Диалогическая отзывчивость младших подростков, их наивно-реалистические качества позволяют провести нестандартный урок с элементами игровой технологии – урок-диалог.

Изучение рассказа А. П. Чехова «Мальчики» в диалогическом ключе проводится с ориентацией на компетентностный подход. Перед учениками поставлены задачи: быть активными участниками диалога и понять, насколько необходимы знания, сообщаемые современному читателю классиком литературы.

В успехе диалогического общения большое значение имеет привлекательность личности собеседника. Во вводно-вступительном слове раскрывается умение Антона Павловича Чехова общаться. Чехов,

Н. П. Каншай

живший в большой семье, имевший много знакомых, по мнению М. Горького, магнетически словом притягивал окружающих: «Говорить с ним в высокой степени приятно, и давно уже я не говорил с таким удовольствием, с каким говорил с ним» [9]. Информация об адресатах, цитирование писем, художественное рассказывание о забавных розыгрышах в Мелихово, о дружеских встречах на «Белой даче» начинают формировать «горизонт ожидания» читателя, настраивающегося на волну общения с необычным собеседником.

В установлении контакта автора и читателя огромную роль играет заглавие. Заглавное слово *мальчики* у современных детей ассоциируется с активностью, непрерывной занятостью, желанием казаться взрослыми. Общие предмет разговора и тема – своеобразный контекст, сближающий участников диалога. Следуя методике проблемного обучения, вопрос «Какие качества автор открывает для читателя у мальчиков?» поставим как проблемный к уроку.

Придерживаться диалогической стратегии разбора помогает ряд ключевых слов: *диалог, автор, собеседники, слово, труд читателя*.

Разбор первого эпизода повествования закрепляет диалогический контакт автора и читателя. «... Володя уже стоял в сенях и красными, озябшими пальцами развязывал башлык <...>».

– Гав! Гав! – ревел басом Милорд, огромный черный пес, стуча хвостом по стенам и по мебели» [10, 276].

Выделим ключевые детали. Благодаря детализации, персонажи, читатели, автор – все оказались живо погружены в пространство и время, ощутимо осязая холодные вещи, обоняя запах мороза, слыша полифонию голосов.

Комментарий о сочельнике и Рождестве разъясняет современным детям сущность праздника. Непонимание означаемого словом всегда затрудняет восприятие, потому что «человек понимает только то, что он может соотнести со своими знаниями, что не противоречит его прошлому опыту» [11, 18].

Создаются предпосылки для того, чтобы сформулировать **первое правило** ведения диалога. **Всегда необходимо устанавливать и поддерживать контакт, тесную связь с собеседником.** Так, читатель непременно должен откликнуться на известие о том, что для побега мальчики выбрали Америку. Комментарий учителя разъясняет основания принятого решения. В Америке в XIX веке происходили грандиозные преобразования. На богатой, мало освоенной земле, действительно, существовали условия для обогащения человека и строительства нового типа государства.

Комментарий – наиболее востребованный методический прием в воспроизведении подтекста. Даже в пятом классе есть необходимость в применении комплексного комментария, состоящего из нескольких его видов: биографического, географического, исторического и т. д. Показателен пример расшифровки скрытой многоуровневой семантики «говорящей» фамилия Чечевицын. Автор акцентно направляет внимание читателя на её осмысление. Она комически и в повторах обыгрывается Иваном Николаевичем: *Черепицын, Чибисов*. На её значимость указывает и минус-прием: гимназист нигде не назван по имени.

В фамилии можно найти глубокий когнитивный смысл. Дополним литературоведческий комментарий лингвистическим. Фамилия *Чечевицын* образована от существительного *чечевица* с помощью суффикса *-ын*. Лексическое значение слова *чечевица* знают не все дети. Комический эффект сработал в классной аудитории: по мнению некоторых, «зернышки» во внезапно появившемся пакете с чечевицей «сохранились с древних времен». Логично предположить, что фамилия персонажа исконно русская и передана ему предками.

Читатель убеждается, что ему доверяют: он может «сам восполнить отсутствующие в рассказе скрытые, “субъективные”», то есть касающиеся авторского отношения к описываемому элементы, сам догадается, какую моральную позицию занимает автор» [12, 529]. Сформулируем **второе правило** диалога – **«правило вдумчивого чтения»**. **Взаимодействуя с автором, читатель должен умственно трудиться, стремиться быть его достойным собеседником.**

Третье правило диалога, понятное и доступное восприятию, ведет к завершению диалога. **Диалог должен быть результативным: собеседники в творческом сотрудничестве приходят к интересному результату, познавательному и поучительному.**

Школьный анализ художественного произведения всегда связан с аксиологией. При анализе рассказа вектор поиска ценностно-смыслового центра изначально задан проблемным вопросом, ведущим к пониманию сущности персонажей.

В понимании смыслового единства неизбежно возникают сложности с выделением «определенных фрагментов текста для их последующего соотнесения, когда разные фрагменты сообщают дополнительный контекстуальный смысл друг другу» [13, 35]. Использование диалоговой методики и здесь доказывает свою продуктивность. Доверяя автору, найдем переключки, на основе которых вырисовывается главная смысловая линия.

Явно выделяются моменты, в которых Чечевицын раскрывается как необычайная личность. Наиболее авторитетно представлена его

Н. П. Каншиай

фигура через призму восприятия девочек. «Это был герой, неустранимый человек...» [10, 281]. Прямо подсказан верный ориентир для понимания персонажа: как ключевое звучит слово-концепт *герой*. В тексте следуют эпитеты *необыкновенный, замечательный, неустранимый*. Высокое в герое доказывают лидерство, целеустремленность, способность быть верным идее.

Каждая педагогическая ситуация протекает в форме мини-диалога. Кульминация повествования – попытка побега – вызывает особый эмоциональный интерес. Её разрешение в диалогическом ключе обосновано теорией Бахтина: «Человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов» [8, 70].

Юный читатель начинает познавать героическое из художественного опыта, который взаимодействует с метапредметными знаниями. Важно, что Чехов-человек также совершил подвиг, когда сделал перепись на острове Сахалин. Писатель был твердо убежден в необходимости героизма. Чехов писал: «Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или Африку, совершать подвиги – это шалость, но не простая... Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига» [14, 282].

Постоянное акцентирование внимания на роли автора, оперирование лексикой диалога приводит к пониманию авторской позиции в отношении к персонажу и к читателю. Ясно, что в тексте изначально точно намечена линия развития характера, постоянно оттеняется мысль о серьезности замысла. «Но заключительный акт смыслового завершения (ответ на «правильно поставленный вопрос») автор оставляет читателю, апеллируя к его коммуникативной, эстетической и моральной ответственности» [15, 298].

Суммируя информацию, приходим к впечатляющим выводам. Позиция автора и мнение читателя совпали! В совместной деятельности открылись место и ценность героического в человеке.

Выводы. Результативность урока-диалога очевидна: раскрыта идея произведения, автор которого относится к читателю как к собеседнику. Определяются черты стиля Чехова: пишет кратко и содержательно, активно вступает в диалог с читателем. Сложные механизмы взаимодействия автора и читателя в адаптированной форме разъясняют сущность читательского труда, который по сути имеет диалоговый характер.

В подготовке будущего учителя анализ рассказа Чехова «Мальчики» является убедительным доказательством обучающей значимости художественного текста, обладающего диалоговой структурой. В системном применении диалоговой методики – это начальные опыты формирования первичного представления о диалоге как базовой потребности человека.

Современный учитель-словесник, гибко реагируя на инновационные запросы времени, поступательно и деятельностно осваивает системный подход внедрения инновации в практику. Применение диалоговой методики позволяет доступно понять важные аспекты взаимоотношения автора и читателя, осознать технологию аналитического труда читателя.

Литература

1. Бахтин М. М. План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского» // Контекст: литературно-критические исследования / отв. ред. А.С. Мясников. Москва: Наука, 1976. С. 293–316.
2. Плеханова Т. В. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов. Минск: ТетраСистем, 2011. 368 с.
3. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1987 [Электронный ресурс]. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st009.shtml> (дата обращения: 10.01.2020).
4. Король А. Д. Педагогика диалога: от методологии к методам обучения: монография. Гродно, ГрГУ, 2016. 195с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 285 с.
6. Ушинский К. Д. О пользе педагогической литературы. Собр. пед. соч.: в 2 т. Т. 2. Москва – Ленинград, 1948. С. 15–41.
7. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 416–424.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. Москва: Искусство, 1979. 424 с.
9. Горький М. О Чехове [Электронный ресурс]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/vyskazyvaniya-o-chehove.htm>. (дата обращения: 14.06.2020).
10. Чехов А. П. Мальчики // Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Москва: Изд-во «Правда», 1985. С. 276–282.

11. Знаков В. В. Психологические условия понимания мира человеком // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 16–27.

12. Манн Т. Слово о Чехове. // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Статьи, 1929–1955. Москва: Изд-во «Художественная литература», 1961. С. 514–540.

13. Эйдлин В. И. О соотношении восприятия и понимания текста // Вопросы психологии. 2012, № 1. С. 25–35.

14. Чехов А. П. Н. М. Пржевальский // Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Москва: Изд-во «Правда», 1985. С. 442–443.

15. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. фил. фак. высш. уч. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The revision plan of the book «Problems of the poetics of Dostoevsky» // Context: literary-critical research / Ed. A. S. Myasnikov. Moscow: Science, 1976. Pp. 293–316.

2. Plekhanova T. V. Discourse analysis of the text: a manual for university students. Minsk: TetraSystem, 2011. 368 p.

3. Sukhikh I. N. 'Problems of the Poetics of A. P. Chekhov'. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University, 1987 // URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st009.shtml> (accessed 14.07.2020).

4. Korol' A. D. Pedagogy of dialogue: from methodology to teaching methods: monograph'. Grodno: GrSU, 2016. 195 p.

5. Lotman Yu. M. The structure of the literary text. Moscow: Iskusstvo, 1970. 285 p.

6. Ushinsky K. D. On the benefits of pedagogical literature. Collection of pedagogical essays; In 2 vols. Moscow – Leningrad, 1948. Vol. 2. Pp. 15– 41.

7. Bart R. From the work to the text // Bart R. Selected works: Semiotics: poetics. Moscow: Progress, 1989. Pp. 416–424.

8. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. // Aesthetics of verbal creativity. S. Bocharov, compiler. Moscow: Iskusstvo, 1979. Pp. 250–296.

9. Gorky M. About Chekhov. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/vyskazyvaniya-o-chehove.htm> (accessed 14.06.2020).

10. Chekhov A. P. Boys // Chekhov A. P. Collected Works: in 12 vol. V. 6. Moscow: Publishing house 'Pravda', 1985. Pp. 276–282.

11. Znakov V. V. Psychological conditions for understanding the world by man // Voprosy psychology. 2018. № 1. Pp. 16–27.

12. Mann T. A word about Chekhov // Mann T. Collected Works: In 10 toms. T. 10. Articles, 1929–1955. Moscow: Publishing House "Fiction", 1961. Pp. 514–540.

13. Eidlin V. I. On the ratio of perception and understanding of the text // Voprosy psychology. 2012. № 1. Pp. 25–35.

14. Chekhov A. P. N. M. Przhevalsky // Chekhov A. P. Collected Works: in 12 vol. V. 6. Moscow: Publishing house 'Pravda, 1985. Pp. 442–443.

15. Tyupa V. I. Analysis of the literary text: textbook for students of philological faculty of higher educational institutions. Moscow: Academy Publishing Center, 2008. 336 p.

**THE EFFECTIVENESS OF DIALOGUE METHODOLOGY
IN STUDYING THE STORY BY A.P. CHEKHOV "BOYS"**

Natalia P. Kapshai

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
of Department of Russian and World Literature,
Francisk Skorina Gomel State University
(Gomel, Belarus)

Abstract

Peculiarities of applying the dialogue methodology of a work of art are considered using the example of the analysis of the story by Anton Pavlovich Chekhov "Boys". The dialogue technique is innovative and is the subject of research in many pedagogical sciences. The specific of its application in the methodology of Russian literature teaching is determined primarily by the dialogical structure of literary texts. The methodology is being created on an integration basis; its base is literary criticism. The method of theoretical generalization of knowledge, as well as an experiment, allows maintaining the principle of scientific character and verifying the result. Chekhov's prose is characterized by increased dialogicity, which is especially significant in children's reading and teaching literature at school. The productivity of the use of dialogue techniques in the process of analyzing A.P. Chekhov's story "Boys" is proved by many indicators. Communicative competence, the center of which is the basic concept of dialogue, is developed. The reader takes part in a dialogue which is exemplarily organized at the highest level by the author and opens up opportunities for active cognitive activity. The reader's competency is deepening: the student understands his role in reconstructing the meaning of the work, follows the algorithms of dialogical thinking, realizes the appropriateness of analysis in revealing hidden content, realizes the need to go beyond the bounds of immanent analysis of the text and to attract

Н. П. Капшай

information from different types of contexts. The analysis process is technologized thanks to the developed algorithms of readers' activity. At the same time readers do not lose interest, since each dialogical situation is cognitive.

Keywords: Chekhov, dialogue, author, reader, teacher, methodology, innovation, systematic principle, science

Для цитирования: Капшай Н. П. Эффективность диалоговой методики при изучении рассказа А. П. Чехова «Мальчики» // Libri Magistri. 2020. № 2 (12) 3. С. 26–36.

Поступила в редакцию 30.06.2020

РАЗДЕЛ II. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

ББК 83.3(2)

УДК 821.161.1

А. В. Петров¹

*доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «РУССКОГО СЧАСТЬЯ» В ТРУДАХ Т. Е. АБРАМЗОН И МАГНИТОГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XIX ВЕКОВ²

В статье представлен обзор литературоведческих работ по «истории русского счастья», написанных представителями магнитогорской филологической школы по изучению поэзии XVIII–XIX веков. Констатируется, что «дискурс счастья» возник в России в 1738 году (Кантемир и Ломоносов) как вариант общеевропейского «проекта» по достижению земного счастья. Представлен он был одической мифологемой «золотого века», т. е. счастьем «государственным»; счастьем частного человека – идиллическим «покоем»; и наконец, «блаженством», возможным лишь на небесах. В различных жанрах были выработаны соответствующие поэтические «формулы», например: «блажен, кто», «любовь к подданным», «верные сердца», «вселенная покой», «красный рай» и др. Магнитогорские исследователи указывают на существование в русской поэзии двух жанров, прямо обращенных к теме счастья. Таковы новогодние (эонические) стихи и поздравительные стихи на бракосочетание (эпиталама). Ученые обращают внимание и на индивидуальные версии единого «эвдемонистического проекта». Так, Н. М. Карамзин на протяжении всей жизни считал, что земное счастье невозможно; иногда он делал исключение для счастья в кругу друзей и семьи

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.», № 20-512-23007.

А. В. Петров

и для счастья, возможного при наслаждении произведениями искусства и природой. Современник Карамзина, князь И. М. Долгоруков, напротив, полагал земное счастье вполне реальным, причем осуществившимся в собственной жизни. О земных добродетелях как условии посмертного блаженства постоянно размышлял В. А. Жуковский в своих дневниках, письмах и стихах; между христианскими и просветительскими взглядами на счастье металась мысль Е. А. Боратынского; трагическую концепцию счастья развивали такие поэты русского романтизма, как А. В. Кольцов и Ф. И. Тютчев. Перспективными обозначены также исследования, в которых рассматривается влияние воспринятых из литературы представлений о счастье на жизнь и поведение конкретной личности.

Ключевые слова: тема счастья, исследования по истории русской поэзии XVIII–XIX веков, лирические жанры, Т. Е. Абрамзон

В 2015 г. магнитогорский исследователь Татьяна Евгеньевна Абрамзон в концептуальной статье указала на актуальность «написания истории русского счастья XVIII века» [2, 116] и в ряде своих работ предложила конкретные реализации этой идеи. В настоящей статье будет дан обзор того, что было сделано в данном направлении ученым и в целом магнитогорской филологической школой по изучению русской литературы XVIII–XIX веков.

Итак, в статье «К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века)» [2] прослежена «история счастья» и в компаративном аспекте проанализированы знаковые стихи русских поэтов в их жанровой специфике. Точкой отсчета в этой «истории» указан 1738 год, и неслучайно оба стихотворения, в которых зародился «дискурс счастья» в России, написаны за границей – Кантемиром в Англии (сатира «О истинном блаженстве»), Ломоносовым в Германии (перевод оды Фенелона 1681 г.). При этом оба автора явили себя сторонниками эскейпизма, склоняясь к горацианскому «довольству малым». Счастье, а именно счастье земное, – это проект секулярного западноевропейского Просвещения, имеющий античные корни. И этот проект не удался, утверждает исследовательница, ибо к концу XVIII века «основной концепцией счастья становится этико-религиозная модель» – с блаженными праведниками «на небесах». Но прежде чем прийти к этому инспирированному масонством фиаско, русские одические поэты, начиная с 1730-х гг. и до 1800-х гг., воспевали «золотой век, блаженство и счастье россов» под управлением династии Романовых. Фактически мифологема золотого века оказывается

концептуализацией идеи «общественного договора» [7], у истоков разработки которой стоял Ломоносов как автор од и надписей [23]. «Счастью праведному», «когда во главе государства стоит просвещённый монарх, бесконечно заботящийся о жизни своих граждан», Ломоносов и Сумароков – переводчики оды «A La Fortune» Ж.-Б. Руссо – противопоставили в 1759 г. «счастье несправедливое», «когда страной правит себялюбивый властитель, который кровью и слезами соотечественников добывает себе материальные блага» [26, 118].

В те же 1750-е гг. под влиянием поэмы «An Essay on Man» А. Попа, русские журнальные авторы станут рассуждать о «счастье-спокойствии» частного человека, обуздавшего страсти. С конца 1760-х гг. и до начала XIX в. поэты будут писать послания Счастью или о Счастье. Размышляют они о нём или серьезно, приходя в конце концов к идее покоя, или шутливо. Персонификацией последнего, «капризного» счастья становится богиня Фортуна; слово «счастье» же используется, как правило, для обозначения состояния внутреннего покоя, или «счастья истинного», блаженства, недостижимого на земле. В этом ключе, например, движутся размышления В. В. Капниста в оде «На счастье» [25]. Оригинальный взгляд на образ богини Счастья предложил Н. А. Львов. Счастье ложное, обманчивое, связанное с материальными благами он воплощает в образе Фортуны, наделяя её демоническими чертами («чертовка»). Счастье идиллическое, «домашнее» – истинное Львов персонифицирует в шутливо-ироническом образе богини Лени [5]. Другие русские поэты XVIII в. разрабатывали образ римской богини в сатирическом ключе [3].

Конденсированное выражение «дискурс счастья» находит в поэтической формуле «Блажен, кто...» / «*Beatus ille*» [1; 6]. Исследуя её столетнее бытование в русской поэзии с позиций исторической поэтики, Т. Е. Абрамзон указывает на соответствующие прецедентные тексты, которые «принадлежат различным культурам и традициям». Прежде всего это Псалтирь (псалмы 1, 31, 111, 127 и др.) и II эпод Горация; объединяет их «единый посыл – определить условия обретения блаженства, дать краткий и ясный рецепт земного счастья» [1, 371]. Разработка русскими поэтами этого «рецепта» шла в нескольких направлениях: 1) идиллическом (Кантемир, Тредиаковский, Муравьев, Державин); 2) любовном (Державин, Львов, Хемницер); 3) комплиментарном (Майков, Державин); 4) пародийном (П. Сумароков, В. Пушкин, Грибоедов); 5) философском – как «рокового блаженства» (А. Пушкин, Тютчев, Брюсов).

«Дискурс счастья» в его «государственном», одическом варианте обнаруживал себя и в ряде других «формул» и топосов.

Так, в торжественных одах первых лет царствования императрицы Елизаветы Петровны, написанных Я. Я. Штелином, Г. В. Ф. Юнкером и Ломоносовым, были найдены «общие места», которые выражали особые, «любовные» отношения между подданными и властителем, чья необыкновенная эротичность и наследование достоинств Петра Великого гарантировали россиянам благополучие и счастье [14; 20]. Среди этих формул, например, такие: «душевные доброты», «внешние красоты», «любовь к подданным», «верные сердца», «любовь во всей вселенной», «Ты Мать России всей», «сердце людских Царица», «вселенная покой», «благоприятно время», «красный рай», «времены златаы» и др. [14, 158–160; 20, 342–345].

При том что «дискурс счастья» в русской литературе XVIII–XIX вв. включал в себя несколько ключевых, общих всем писателям идей и представлений, внимания заслуживают и индивидуальные «версии» единого просветительского «эвдемонистического проекта». В рецензируемых работах в этом отношении в особенности выделены Н. М. Карамзин и И. М. Долгоруков.

Карамзин и в лирике, и в публицистике, и в «Письмах русского путешественника» придерживается одной точки зрения, инициированной масонством и западным преромантизмом: земное счастье невозможно, оно является лишь тенью блаженства истинного – небесного [4; 27]. Правда, иногда писатель делает исключение для счастья, возможного при созерцании красоты – природы и произведений искусства, и для счастья в кругу друзей и семьи. Так, в свои письма к ближайшему другу, И. И. Дмитриеву, Карамзин иногда включал стихи. В 358 письмах сохранившейся переписки содержится 18 стихотворений, образующих своеобразный «метатекст (не)счастья» [10]. Итог своим размышлениям о (не)счастье поэт подводит «платоновским» двустушием в письме от 2 января 1822 года. Его название говорит само за себя – «Дистих на тень щастья»:

Мы видим щастья тень в мечтах земнаго света.

Есть щастье где нибудь: нет тени без предмета [10, 201].

Другим «метатекстом (не)счастья» в творчестве Карамзина являются четыре его философических произведения: диалог в двух письмах «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» (1795), «Разговор о счастии. Филалет и Мелодор» (1797) и «рассуждение» «О счастливейшем времени жизни» (1803). Всегда «остро ощущавший конечность и мгновенность человеческого существования», к 35-летнему возрасту писатель обрел некий философский критерий, с которым стал подходить к любым проблемам как личной, так и общественно-исторической жизни, – *сравнение*. Оно, утверждает

Карамзин, определяет «цену всего: одно лучше другого – вот благо! одному лучше, нежели другому – вот счастье!». Для самого себя Карамзин определил «счастливейший» возраст – «за тридцать пять лет», когда, преодолев наивный юношеский гедонизм и мировоззренческий кризис, он ощутил в себе расцвет творческих сил и опору в этой бременной жизни нашел в истории и в собственном жизненном опыте [13].

По какому-то удивительному совпадению в 35-летнем возрасте о счастье задумался еще один писатель, ровесник Карамзина – князь И. М. Долгоруков. Мало того, в своей «дилогии» на начало и конец 1799 года он на несколько лет ранее своего более известного современника пришел к мысли об *относительности* всего в этом мире, в особенности счастья и времени, и о *сравнении* как способе «измерения» счастья:

Изчисля все твои кратчайшия мгновенья,
С веселыми сложив печальныя приключенья,
Когда я им итог сравнительной подвел, –
О! сколь щастливым я тогда себя нашел! [17].

Правда, в отличие от Карамзина и вообще от большинства своих современников, Долгоруков, посчитав счастливым весь прожитый им 1799 год, признал, по сути, реальность и возможность земного счастья. Насколько этот случай был уникален для писателей XVIII столетия, еще предстоит разобраться, однако в своих стихах Долгоруков высказывался в этом духе неоднократно. Так, в многочисленных своих поздравительных «стихах на случай», адресованных женщинам, он неоднократно писал о счастье и желал его им [9; 12, 211–212].

В русской литературе XVIII–XIX веков существовало как минимум два жанра, сконцентрированных на теме и образах счастья. Таковы эпиграмматические (новогодние) стихи, которым автор данной статьи посвятил ряд своих работ (см., например: [12; 15; 16; 17; 18; 19]). В стихах новогодних с самого момента появления их в русской литературе в 1700-е гг. важнейшим оказался топос «нового счастья»; в той или иной форме каждый автор новогоднего стихотворения ожидал от грядущего года счастья и удачи, или призывал их, или вспоминал о счастливых мгновениях года ушедшего. В стихах эпиграмматических, адресующих жениху и невесте свадебные поздравления, счастье мыслилось неотъемлемой частью будущей жизни молодоженов.

Исследования «дискурса счастья» в русской литературе XIX века представлено статьями Т. Е. Абрамзон, Т. М. Невской, А. В. Петрова, С. В. Рудаковой, Н. В. Яриной. В центре внимания ученых оказываются связанные с масонством идеи самосовершенствования в творчестве

Жуковского, и среди них мысль о культивировании добродетелей как условия посмертного блаженства [11]; изменчивые взгляды Боратынского на счастье, совместившие в себе концепты христианские и просветительские [8; 24]; романтические представления о счастье и разочарование в них в «последнем стихотворении» Кольцова [15]; концепция «рокового блаженства» Тютчева и поэтический ответ ему Брюсова [6]; отзвуки сентименталистских ценностей, в частности семейного счастья, в тютчевских «стихах на случай» [16].

Особым и весьма перспективным исследовательским сюжетом является изучение того, как сформированные литературой (кругом чтения) представления о любви и счастье воздействуют на реальное поведение конкретной личности [21; 22].

Литература

1.Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.

2.Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 116–133.

3.Абрамзон Т. Е. О «забавной» Фортуне в русской поэзии XVIII века // Юмор и сатира в координатах XXI века. Сб. науч. ст. по мат-лам I Междунар. научно-практ. конф. Варна: Център за научни изследвания и информация «Парадигма», 2015. С. 5–9.

4.Абрамзон Т. Е. Философия счастья в творчестве Н. М. Карамзина: в поисках истинного блаженства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 319–336.

5.Абрамзон Т. Е. Фортуна-чертовка и другие богини счастья в поэзии Н. Львова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 199–203.

6.Абрамзон Т. Е. Цицерон и Марк Антоний в поэтическом диалоге Ф. Тютчева и В. Брюсова: спор о блаженстве // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 348–354.

7.Абрамзон Т. Е., Петров А. В. Одические версии «Общественного договора» в России XVIII в. // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 2, p. 406–424.

8.Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В. Концепция счастья в лирике Е. А. Боратынского // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 4 (16). С. 1–5.

9.Ахмедова С. А. Образ счастья в стихотворениях «на случай» И. М. Долгорукова («На именины» княжны В. П. Волконской) // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2019: мат-лы междунар. студ.

- науч.-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова. С. 597–600.
10. Еськова А. С., Петров А. В. «Часто здесь в юдоли мрачной слезы льются из очей»: лирический «метатекст (не)счастья» в письмах Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву // *Мировая литература глазами современной молодежи: Сб. мат-лов III междунар. студ. науч.-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. С. 196–203.*
11. Невская Т. М., Петров А. В. Дневники и лирика В. А. Жуковского как система духовных упражнений: масонская традиция // *Мировая литература глазами современной молодежи: Сб. мат-лов III междунар. студ. науч.-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. С. 45–49.*
12. Петров А. В. Брачно-свадебная поэзия в русской литературной культуре XVIII – начала XIX веков: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 238 с.
13. Петров А. В. «Доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театре мира» (просветительская антропология и философия истории Н. М. Карамзина) // *Русская литература и философия: постижение человека: Мат-лы Второй Всероссийской науч. конф. Ч. 1. Липецк: ЛГПУ, 2004. С. 56–64.*
14. Петров А. В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII века) // *Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 152–161.*
15. Петров А. В. «На новый 1842-й год» А. В. Кольцова: опыт контекстного прочтения «последнего стихотворения» // *Libri Magistri. 2018. Вып. 5. С. 48–59.*
16. Петров А. В. Новогодние стихи Ф. И. Тютчева // *Libri Magistri. 2019. Вып. 9. С. 11–20.*
17. Петров А. В. Один год из жизни русского дворянина: концепт «Время» в стихах И. М. Долгорукова на 1799 год // *Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: междунар. сб. науч. статей. Магнитогорск: МаГУ, 2012. Вып. IV. С. 15–25.*
18. Петров А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века. Магнитогорск: МаГУ, 2005. 272 с.
19. Петров А. В. Поэтика эпиталамических циклов Г. Р. Державина 1790-х годов // *Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 25–41.*
20. Петров А. В. «Эротико-политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к словарю одических топосов) // *Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 342–346.*

А. В. Петров

21. Петров А. В., Ярина Н. В. «Если бы кто-нибудь признался мне в любви, что же вышло бы?»: роман «Отцы и дети» в восприятии Елизаветы Дьяконовой // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 4. С. 44–50.

22. Петров А. В., Ярина Н. В. «У меня теперь точно глаза открылись...», или «Остраннение» опыта чужой любви (Е. Дьяконова resp. В. Шкловский resp. В. Бутусов) // Libri Magistri. 2018. № 6. С. 109–120.

23. Пузанкова С. Н. Жанр надписи в творчестве М. В. Ломоносова: поэтика экфрасиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 24 с.

24. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.

25. Самолдина С. Р. Концепция счастья в лирике В. В. Капниста // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 5. С. 124–127.

26. Самолдина С. Р. О государственном счастье в одах «А La Fortune» Ж. Б. Руссо и «На счастье» М. В. Ломоносова // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 10 (339). Филология. Искусствоведение. Вып. 90. С. 116–118.

27. Abramzon T. The Philosophy of Happiness in Selected Works of N. M. Karamzin: the Search for True Bliss // Slavonica. 2018. Vol. 23. № 1. P. 25–41.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Blazhen, kto...» v russkoj poezii XVIII–XIX vv.: iz istorii formuly [“Blessed is the one who...” in the Russian poetry of the 18th – the 19th centuries: a history of the poetic formula] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377.

2. Abramzon T. E. K voprosu o russkom schast'e (poeziya XVIII veka) [To the question of the Russian Happiness (Eighteenth-century poetry)] // Libri Magistri. 2015. Vyp. 1. Pp. 116–133.

3. Abramzon T. E. O «zabavnoj» Fortune v russkoj poezii XVIII veka [About «amusing» Fortuna in the Russian poetry of the 18th century] // Yumor i satira v koordinatah XXI veka [Humour and satire in coordinates of the 21st century]. Sb. nauch. st. po mat-lam I Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Varna: Centr za nauchni izsledvaniya I informaciya «Paradigma», 2015. Pp. 5–9.

4. Abramzon T. E. Filosofiya schast'ya v tvorchestve N. M. Karamzina: v poiskah istinnogo blazhenstva [The philosophy of N. M. Karamzin: in search of true happiness] // Slavonica. 2018. Vol. 23. № 1. P. 25–41.

of Happiness in Karamzin's works: in search of true bliss] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2017. № 1 (55). Pp. 319–336.

5. Abramzon T. E. Fortuna-chertovka i drugie bogini schast'ya v poezii N. L'vova [Fortuna-Besom and other goddesses of happiness in N. L'vov's poetry] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 2 (48). Pp. 199–203.

6. Abramzon T. E. Ciceron i Mark Antonij v poeticheskom dialoge F. Tyutcheva i V. Bryusova: spor o blazhenstve [Cicero and Mark Antony in a poetic dialogue between F. Tyutchev and V. Brusov: the debate about bliss] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2016. № 1 (51). Pp. 348–354.

7. Abramzon T. E., Petrov A. V. Odicheskie versii «Obshchestvennogo dogovora» v Rossii XVIII v. [Odic Versions of the 'Social Contract' in 18th-Century Russia] // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 2, pp. 406–424.

8. Abramzon T. E., Rudakova S. V. Konceptiya schast'ya v lirike E. A. Boratynskogo [The concept of Happiness in Boratinsky's lyrics] // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo [Memoirs of Novgorod State University]. 2018. № 4 (16). Pp. 1–5.

9. Ahmedova S. A. Obraz schast'ya v stihotvorenyakh «na sluchaj» I. M. Dolgorukova («Na imyaniny» knyazhny V. P. Volkonskoj) [Image of happiness in I. M. Dolgorukov's poems «on a case» («On a name-day» of the princess V. P. Volkonskaya)] // Student i nauka (gumanitarnyj tsikl) – 2019 [Student and science (humanitarian cycle) – 2019]: mat-ly mezhdunar. stud. nauch.-prakt. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova. Pp. 597–600.

10. Es'kova A. S., Petrov A. V. «Chasto zdes' v yudoli mrachnoj slezy l'yutsya iz ochej»: liricheskij «metatekst (ne)schast'ya» v pis'mah N. M. Karamzina I. I. Dmitrievu [«Often here in a vale gloomy tears are shed from eyes»: the lyrical «metatext of (not)happiness» in letters of N. M. Karamzin to I. I. Dmitriyev] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature by eyes of modern youth]: Sb. mat-lov III mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2017. Pp. 196–203.

11. Nevskaya T. M., Petrov A. V. Dnevnik i lirika V. A. Zhukovskogo kak sistema duhovnyh uprazhnenij: masonskaya tradiciya [Diaries and lyrics of V. A. Zhukovsky as system of spiritual exercises: Masonic tradition] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature by eyes of modern youth]: Sb. mat-lov III mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: MGTU

im. G. I. Nosova, 2017. Pp. 45–49.

12. Petrov A. V. Brachno-svadebnaya poeziya v russkoj literaturnoj kul'ture XVIII – nachala XIX vekov [Marriage and wedding poetry in the Russian literary culture of XVIII – the beginnings of the 19th centuries]: Monografiya. Magnitogorsk: MaGU, 2013. 238 p.

13. Petrov A. V. «Dobroe serdce, vozmushchennoe strashnymi fenomenami na teatre mira» (prosvetitel'skaya antropologiya i filosofiya istorii N. M. Karamzina) [«The kind heart revolted with terrible phenomena on theater of the world» (educational anthropology and philosophy of history of N. M. Karamzin)] // Russkaya literatura i filosofiya: postizhenie cheloveka [Russian literature and philosophy: comprehension of the person]: Mat-ly Vtoroj Vserossijskoj nauch. konf. Ch. 1. Lipetsk: LGPU, 2004. Pp. 56–64.

14. Petrov A. V. Mifopoliticheskie formuly v manifestah i odah 1741–1742 gg. («mifologiya vlasti» v politicheskoj i literaturnoj kul'turah v Rossii XVIII veka) [Mitho-politic formulas in manifestos and odes of 1741-1742 («mythology of the power» in political and literary cultures in Russia the 18th century)] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]. 2011. № 1. Pp.152–161.

15. Petrov A. V. «Na novyj 1842-j god» A. V. Kolt'sova: opyt kontekstnogo prochteniya «poslednego stihotvoreniya» [A. V. Koltsov's «On New Year 1842»: an experience of the contextual reading of «the last poem»] // Libri Magistri. 2018. Vyp. 5. Pp. 48–59.

16. Petrov A. V. Novogodnie stihy F. I. Tyutcheva [F. I. Tyutchev's New Year verses] // Libri Magistri. 2019. Vyp. 9. Pp. 11–20.

17. Petrov A. V. Odin god iz zhizni russkogo dvoryanina: koncept «Vremya» v stihah I. M. Dolgorukova na 1799 god [One year from life of the Russian nobleman: a concept «Time» in verses by I. M. Dolgorukov for 1799] // Hudozhestvennaya konceptosfera v proizvedeniyah russkikh pisatelej [Art sphere of concepts in works by the Russian writers]: mezhdunar. sb. nauch. statej. Magnitogorsk: MaGU, 2012. Vyp. IV. Pp. 15–25.

18. Petrov A. V. Ody «na Novyj god», ili Otkrytie Vremeni. Stanovlenie hudozhestvennogo istorizma v russkoj poezii XVIII veka [Odes «for the New Year», or the Opening Time: formation of Artistic Historicism in Russian Poetry of the XVIII Century]. Magnitogorsk: MaGU, 2005. 272 p.

19. Petrov A. V. Poetika epitalamicheskikh tsiklov G. R. Derzhavina 1790-h godov [Poetics of epithalamic cycles of G. R. Derzhavin of the 1790th years] // Libri Magistri. 2015. Vyp. 1. Pp. 25–41.

20. Petrov A. V. «Erotiko-politicheskie formuly» v torzhestvennyh odah 1741–1742 gg. (materialy k slovarju odicheskikh toposov) [‘Erotically political formulae’ in solemn odes of 1741–1742 (for the dictionary of ode's “loci topici”)] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History,

Philology and Culture]. 2011. № 3 (33). Pp. 342–346.

21. Petrov A. V., Yarina N. V. «Esli by kto-nibud' priznalsya mne v lyubvi, chto zhe vyshlo by?»: roman «Otcy i deti» v vospriyatii Elizavety D'yakonovoj [«If somebody made a declaration of love to me, what would leave?»: novel «Fathers and children» in Elizaveta Dyakonova's perception] // *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical researches]. 2018. T. 2. № 4. Pp. 44–50.

22. Petrov A. V., Yarina N. V. «U menya teper' tochno glaza otkrylis'...», ili «Ostrannenie» opyta chuzhoj lyubvi (E. D'yakonova resp. V. Shklovskij resp. V. Butusov) [«At me now precisely eyes opened...», or Distancing of experience of others love (E. Dyakonova resp. V. Shklovsky resp. V. Butusov)] // *Libri Magistri*. 2018. Vyp. VI. Pp. 109–120.

23. Puzankova S. N. Zhanr nadpisi v tvorchestve M. V. Lomonosova: poetika ekfrasisa [Inscription genre in M. V. Lomonosov's creativity: poetics of ekphrasis]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2013. 24 p.

24. Rudakova S. V. Filosofiya schast'ya v lirike E. A. Boratynskogo [Happiness philosophy in E. A. Boratynsky's lyrics] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Izvestia. Ural Federal University journal]. Seriya 2. «Gumanitarnye nauki». 2012. № 4 (108). Pp. 103–114.

25. Samoldina S. R. Konceptiya schast'ya v lirike V. V. Kapnista [The concept of happiness in lyrics of V. V. Kapnist] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University]. 2014. T. 20. № 5. Pp. 124–127.

26. Samoldina S. R. O gosudarstvennom schast'e v odah «A La Fortune» Zh. B. Russo i «Na schast'e» M. V. Lomonosova [About the State Happiness in odes «A La Fortune» by J.-B. Rousseau and «For Happiness» of M. V. Lomonosov] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2014. № 10 (339). *Filologiya. Iskusstvovedenie*. Vyp. 90. Pp. 116–118.

27. Abramzon T. The Philosophy of Happiness in Selected Works of N. M. Karamzin: the Search for True Bliss // *Slavonica*. 2018. Vol. 23. № 1. Pp. 25–41.

PHENOMENOLOGY OF «RUSSIAN HAPPINESS» IN THE WORKS
OF T. E. ABRAMZON AND MAGNITOGORSK PHILOLOGICAL
SCHOOL OF STUDYING RUSSIAN POETRY
OF THE 18TH–19TH CENTURIES

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor,

Department of Linguistics and Literary Studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The review of the literary works on «history of Russian Happiness» written by representatives of Magnitogorsk philological school of studying the poetry of the 18th-19th centuries is presented in the article. It is noted that «happiness discourse» appeared in Russia in 1738 (Kantemir and Lomonosov) as a version of the all-European «project» to achieve terrestrial happiness. It was presented by an odic mythologeme of «Golden Age», i.e. «State Happiness»; by happiness of the private person – idyllic «rest»; and at last, by the «Bliss» possible only in heaven. In various genres corresponding poetic «formulas» were developed, for example: «he is blissful who», «love to citizens», «stout hearts», «universe rest», «beautiful paradise», etc. Magnitogorsk researchers point to the existence of two genres which are directly turned to the subject of Happiness in Russian poetry. New Year (aeonic) verses and congratulatory verses on a wedding (epithalamion) are that. Scientists pay attention to individual versions of the uniform «eudemonistic project». For example, N. M. Karamzin all his life considered that terrestrial happiness was impossible; sometimes he made an exception for happiness with the friends and families and for happiness felt while admiring works of art and nature. Karamzin's contemporary, the prince I. M. Dolgorukov, on the contrary, believed that terrestrial happiness was quite real and happened in a person's life. V. A. Zhukovsky in the diaries, letters and verses constantly reflected on terrestrial virtues as a condition of posthumous bliss; E. A. Boratynsky's thought rushed about between Christian and educating views on happiness; the tragic concept of happiness was developed by such poets of Russian romanticism as A. V. Koltsov and F. I. Tyutchev. Also researches which examine the influence of the ideas of happiness taken in from literature on life and behavior of the specific personality are considered perspective.

Key words: theme of Happiness, researches on history of the Russian poetry of the 18-19th centuries, lyric genres, T. E. Abramzon

Для цитирования: Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.

Поступила в редакцию 16.06.2020

ББК 83.3(2)
УДК 82.94

*С. В. Рудакова¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamsu@mail.ru
И. Регеци²
Дебреценский университет
iregeci@yahoo.com*

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА СЧАСТЬЯ³

В работе представлен краткий обзор основной научной литературы по вопросу изучения счастья. Счастье представлено как одна из сложнейших категорий бытия, которая разными исследователями рассматривается под совершенно различными углами зрения. Дана краткая характеристика работ античных философов, которые задали ключевые направления размышлений относительно этого явления бытия (дана характеристика позиций Сократа, Платона, Аристотеля и других мыслителей, заложивших основы эвдемонизма, гедонизма, стоицизма, эпикуреизма). Основное внимание уделено современному состоянию вопроса. Охарактеризовано несколько определяющих научных подходов к изучению феномена счастья. Так, выделен современный подход к счастью, который имеет экономическую и социально-этическую основу, связан он с удовлетворенностью жизнью и благополучием, это счастье, которое пытаются измерить социологи, экономисты и психологи, что отражается в целом ряде рейтингов, начиная с Всемирного индекса счастья (The Happy Planet Index). Выявлена заинтересованность счастьем и бизнес сообществом. Проанализирован этический подход к изучению феномена счастья. Выделена группа работ, в которых счастье исследуется в религиозно-аксиологическом контексте. Рассмотрены исследования, в которых счастье представлено с позиций

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языковедения и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Регеци Ильдико, адъюнкт-профессор, доктор философии, доктор литературы и культурных исследований (Dr. Habil), доцент Института славистики, Дебреценский университет, г. Дебрецен, Венгрия.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

социально-этических, при этом выделены идеологические основы счастья, показан его классовый характер, социально-экономическая обусловленность, с одной стороны, а с другой – его нравственная правомерность. Отмечены работы, в которых проанализирована зависимость счастья от материального мира, связь счастья и блага. Представлена группа работ, рассматривающих счастье как философско-антропологический феномен, как важнейшую ценность бытия. Выделены исследования, в которых реализован психологический или социально-психологический подход в изучении счастья; особую группу составили работы, в которых счастье рассмотрено с социологических, психологических, экономических и философских позиций. Описаны в обзоре и исследования, в которых счастье изучено в национально-традиционных контекстах, представлен и ряд работ лингвистических и литературоведческих, в центре которых – те или иные фелицитарные теории.

Ключевые слова: счастье, категория бытия, эвдемонизм, стоицизм, эпикурейство, гедонизм, удовлетворенность, благополучие, благо, блаженство

Счастье – одна из самых ускользающих категорий бытия, та жизненная ценность, которая осознается индивидуумом, но при этом редко ставится во главу угла, однако именно в осознании счастья настоящего глубоко раскрывается широкий мировоззренческий и культурный опыт человека и социума, к которому он относится.

Актуальность темы исследования, во-первых, связана с «вневременностью» исследуемой категории, которая для любого человека, в том числе ученого, актуальна и жизненно насущна всегда; во-вторых, определяется малой теоретической изученностью данного феномена в российской и мировой науке (если говорить о том, как осмысливается счастье в литературе в разные эпохи); в-третьих, позволяет увидеть междисциплинарный характер исследуемой проблемы.

Важность изучения проблемы счастья определяется тем, что интерес к этому феномену человеческой жизни проявляют уже не только философы, поэты, писатели, психологи и педагоги. В последние годы стали активно интересоваться феноменом счастья социологи, юристы, экономисты, предпринимающие попытки найти способ измерения счастья и даже предлагающие сделать единицей успешности развития экономики не ВВП страны, а уровень счастья [20; 32; 49; 61; 65; 69; 73; 75; 76; 77; 78; 79; 80; 88; 89]. Самая известная методика по измерению уровня счастья была предложена британским исследовательским центром New Economic Foundation, который совместно с рядом международных организаций и группой

независимых экспертов разработал Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index) [20]. И с 2006 года по настоящее время создаются рейтинги стран мира по индексу счастья, один из последних был составлен в 2016 г. (в этом исследовании отражена информация по 140 странам), и мы видим, что самыми «счастливыми» по этому рейтингу оказываются отнюдь не самые успешные в области экономики страны: это Коста-Рика, Мексика, Колумбия. Швейцария же, к примеру, стоит в данном рейтинге на 24 месте, Россия же занимает 116 позицию из 140 [20]. Один из современных исследователей даже озвучивает в чем-то смелую, а во многом в духе обозначенных тенденций идею: «Всякий прогресс, ведущий к уменьшению счастья или к увеличению страдания, – не есть прогресс» [61, 512].

Задумываются о счастье и современные российские (и не только) бизнесмены, так, в декабре 2018 г. в Москве при поддержке Международной конфедерация обществ потребителей (КонфОП) состоялся Общероссийский гражданский форум, одна из центральных дискуссий которого была посвящена проблеме «Счастливые потребители в эпоху четвертой индустриальной революции» [32].

С 2000 издается журнал «Journal of Happiness Studies» («Исследования счастья») [81], в котором публикуются теоретические и эмпирические работы, касающиеся вопросов субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, счастья. Рут Винховен, главный редактор этого журнала, также печатает в своем издании статьи, в которых представлен анализ фелицитарных теорий. Он предлагает рассматривать счастье как главнейшую цель государственной политики. У этого ученого есть и ряд интересных работ, например, «The Cross-National Pattern of Happiness: Test of predictions implied in three theories of happiness» [89], исследователь выделяет три теории счастья – теорию сравнения, фольклорную теорию и теорию жизни; счастье рассматривается им как категория, соотносимая с социальной жизнью, связанная с удовлетворенностью и качеством жизни.

Счастье как одно из ключевых понятий, связанных с осмыслением человеческой жизни, неоднократно становилось предметом научных исследований. Вопрос о счастье, рассматриваемом как главная жизненная цель, как высшее благо, как возможное и достижимое состояние человеческой жизни, с древности привлекал внимание многих философов и писателей, начиная с античных времен. Вопросы счастья осмысливались уже философами античности – Сократом, Платоном, Аристотелем, разработавшими философию эвдемонизма, Эпикуром, создавшим эпикурейскую философию, Аристиппом, стоящим у истоков гедонизма, стоиками – Эпиктетом, Сенекой, Марком Аврелием.

Так, например, Сократ в своих рассуждениях о счастье пришёл к выводу, что счастье – это одна из важных составляющих жизни человека, по мнению философа, счастье состояло не обладании чем-то и даже не в поисках чего-то, оно проявлялось в способности человека радоваться тому малому, что он имеет. В системе рассуждений Сократа счастье оказывалось подчинено морали, зависимо от добродетельности человека. По-настоящему счастливым, по мнению этого мыслителя, мог быть только добродетельный человек, не совершающий зла, следующий за справедливостью, руководствующийся в своих поступках разумом [53]. Сократ стал одним из первых, кто заговорил о том, что счастье искать нужно не во вне, а в собственной душе.

Платон, будучи учеником Сократа, во многом стал продолжателем его идей; основой его эвдемонизма оказалось утверждение мысли, что достижение счастья – это высшее благо для человека. Платон также был убежден, что счастье определяется личностным ростом человека и его заботой о счастье других [30, 310], но, кроме того, в отличие от своего учителя, он рассматривал счастье в контексте социальной жизни, считая, что «идеальное государство» должно создать условия для счастливой жизни своих сограждан [54].

Аристотель, вобравший в свою философию идеи предшественников-учителей, Платона и Сократа, в основу эвдемонизма положил идеи о необходимости внутренней самореализации и стремлении к добродетели, именно они определяли достижение человеком состояния счастья. Аристотель, признававший существование богов, но рассматривавший их как некую «удаленную сущность» (поддерживающую мироздание в движении и уже не обнаруживающую особую заинтересованность в человеке, то есть не стремящуюся проявить заботу о его благоденствии, наказывать за пороки или награждать за добродетели), за человеком оставлял право брать на себя ответственность за собственное счастье. Аристотель, как Сократ и Платон, выражал уверенность, что счастье отнюдь не в материальном достатке и не в социальном благополучии, оно, по его мнению, заключалось в особом внутреннем состоянии ума и души, к которому можно прийти только в процессе созидательной деятельности, напряженной духовной работы и в результате обретения добродетели; счастье мыслилось философом высшей целью человеческой жизни: «Итак, счастье как цель действий – это, очевидно, нечто совершенное, [полное, конечное] и самодостаточное» [10, 63]. Аристотель рассматривал счастье как главную цель жизни и как прекрасное благо, дарующее человеку блаженство: «Счастье – это высшее и самое прекрасное благо, доставляющее величайшее удовольствие» [10, 67]». И в одном из главных трудов, где полнее всего раскрыта его философия эвдемонизма, он дал характеристику того,

кто никогда не станет счастливым: «Никто не назовет счастливым того, в ком нет ни мужества, ни благоразумия, ни справедливости, ни рассудительности, кто, напротив, страшится всякой мимолетной мухи, кто, томимый голодом или жаждою, не останавливается ни перед каким из самых крайних средств, кто из-за четверти оболы губит самых близких друзей...» [11, 588]. Эвдемония рассматривается античными мыслителями как добродетельное поведение, приносящее удовлетворение. Подобный подход оказался вновь востребован в современном мире, аристотелевское видение счастье «берется на вооружение» многими современными психологами, среди них, например, Э. Холл [64], учитывается подобное оценивание счастья и современными юристами [49].

В античности формируется и представление о богине счастья Фортуне, включающее комплекс мотивов (могущество; власть над всем миром; способность изменять жизнь людей любого класса, сословия, ранга в лучшую или худшую сторону; зависимость мира людей от воли или капризов богини; несовпадение людских желаний с действиями Фортуны, но главное – изменчивость и неожиданность милости или гнева богини). Каждый из философов античности носит свою лепту в осознании места и роли идеи счастья в греко-римской картине мира.

В средние века христианской церковной догматикой счастье с земли как будто «изгоняется»: работы средневековых философов переполняет чувство вины за греховную жизнь, эсхатологические страхи, единственно возможный путь, что видят они для человека, – страдание как необходимое условие райского блаженства после смерти.

После античности вновь интерес к проблеме счастья проявился в эпоху Возрождения, размышляют о нем Леонардо Бруни, Аретино, Марсилио Фичино, Дж. Бруно, связывая счастье с волей и достоинством человека. В Новое время обращались к этому вопросу такие философы, как Дж. Локк (в трактате «Опыт о человеческом разумении»), Спиноза. В период же Просвещения вопросами счастья интересовались прежде всего Ламетри (в трактате «Против Сенеки, или Рассуждение о счастье»), А. Поуп (в своей поэме «Опыт о человеке»), Гольбах (в работе «Система природы»), К.-А. Гельвеций (в поэме «Счастье»), Вольтер (в своих трактатах и повестях), Дидро, Руссо. Феномен счастья осмысливается во многих философских и художественных текстах европейских мыслителей эпохи Просвещения; исследователей интересуют философские, социокультурные черты различных видов счастья (личного/коллективного, истинного/ложного, государственного/интимного, всеобщего счастья) и их национальные особенности; понятие счастья оказывается так или иначе соотносимо с другими базовыми понятиями Просвещения.

В новую романтическую эпоху свой взгляд на счастье предложили Кант, Фихте, Фейербах, Шопенгауэр. Интересны европейские размышления о чувственном счастье, что можно обнаружить в «Письмах о сочинениях и характере Руссо» Сталь (1788), трактатах Сталь («О влиянии страстей на счастье отдельных лиц и целых народов», 1796), Сенанкура («Мечтания о естественной природе человека», 1799), Балланша («О чувстве, рассмотренном в отношении к литературе и искусству», 1801), в разделе «О смутности страстей» в «Гении христианства» (1802) Шатобриана.

Серьезные размышления о счастье представлены в работах философов рубежа XIX-XX вв. – Н. Бердяева, Л. Шестова, В. Розанова, В. Соловьева, С. Франка и др., проецирующих образ счастья на взаимоотношения трансцендентального и социального субъектов. Мыслители первой половины XX века – Ж.-П. Сартр, А. Камю, Э. Левинас – вопросы о счастье связывают прежде всего с проблемами свободы, рассмотренной с философских и социальных позиций.

С конца 80-х годов XX века категория счастья привлекает внимание широкого круга исследователей все чаще и чаще. Больше всего счастьем интересуются философы, психологи и социологи, обобщая труды своих предшественников, многие из них настаивают на том, что счастье – это важнейшая человеческая ценность, стремление к которой заложено в каждом человеке и составляет основу его человеческой природы, кроме того, многими исследователями счастье рассматривается как жизненная ценность, определяющая систему смыслообразующих ориентиров человеческой жизни.

Феномен счастья как явление этической сферы был рассмотрен в работах А. А. Азнаурова [7], А. А. Ландесмана [36], М. Н. Пеуновой [52], К. Нешева [48], Е. Л. Дубко и В.А. Титова [25], Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова [22], Ю. А. Шрейдера [70], Н. В. Мотрошиловой [45] и др.

В религиозно-аксиологическом контексте категорию счастья исследуют в своих работах «В поисках счастья. Религиозно-этические учения древности» [13], «Счастье и блаженство в свете христианской антропологии» [14], «Концептуализация счастья и радости в русской религиозной философии XIX – первой половины XX в.» [50], «Тема счастья и радости в античной культуре и христианской традиции» [51] М. В. Бахтин и Л. А. Петрова. Счастье в системе аксиологических ценностей изучается в работах И. С. Гавриловой [21], А. П. Власкина и Т. Б. Зайцевой [17].

Социально-этические, идеологические основы счастья, классовый характер и социально-экономическая обусловленность и нравственная правомерность счастья рассмотрены в диссертации Н. А. Некрасовой «Счастье как объект социально-этического анализа» [47].

О социальной и материальной обусловленности счастья, о его связи с вопросами свободы, выбора, судьбы размышляет Б. Н. Попов в работе «Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни» [55]. В диссертационном исследовании М. Н. Анисимовой «Метафизическая природа счастья в реальности человеческой судьбы» [8] предпринята попытка выявить сущность категории счастья и представить концепцию счастья как возможной для человека сопричастности благу. Эти исследования во многом созвучны работам Р. Винховена [81; 90].

В западном мире счастье рассматривается не просто как категория, соотносимая с социальной сферой, оно осмысливается как один из важнейших инструментов государственной политики [73; 76; 77; 80; 84; 89; 90].

Счастье как философско-антропологический феномен исследовала И. В. Сидоренко [60]. Счастье как важнейшая ценность в социальном мире проанализировано в диссертации А. П. Шамсетдиновой [68], автор среди других вопросов изучает и проблемы социально-эвристического потенциала и социокультурного контекста идеи счастья. Эти идеи получили развитие в диссертации Е. А. Мишутиной «Социально-философский анализ феномена счастья» [43], учитывается этот подход и в других работах [90].

Обращаемся в нашем обзоре мы и к психологическим трудам, в рамках которых определяется физическое и эмоциональное состояние, которое отождествляется со счастьем в обычном человеческом понимании. Среди работ такого плана обращает на себе внимание исследование американского психолога венгерского происхождения, Михая Чиксентмихай. Профессор психологии воспринимает состояние счастья как *поток (flow)*. В своей работе «Flow: The Psychology of Optimal Experience» («Поток. Психология оптимального переживания») [85] Чиксентмихай утверждает, что люди переживают счастливое состояние тогда, когда они полностью вовлечены в то, чем они именно заняты. Это особое потоковое состояние, которое является оптимальным состоянием человека, характеризующимся внутренней мотивацией, свободой и радостью, а также чувством полного удовлетворения. Профессор психолог считает, что данное состояние ведёт и к игнорированию времени, именно потому трагический элемент, связанный с категорией времени, для человека в состоянии «потока» (flow) отсутствует. В дальнейшем своем исследовании учёный дополнил понятие «потока» («flow»), обратив внимание на связь состояния полной вовлеченности в какое-нибудь действие с проблемой эволюции. Теория Чиксентмихай становится очень популярной, ведь вопросы, которые он рассматривает, касаются тех сфер человеческого существования, которые связаны со счастьем, силой и удовлетворенностью [85].

В рамках социально-психологического подхода получили развитие экспериментальные исследования счастья, изучалось общественное мнение, например, в Америке, Европе, проводились общественные опросы об удовлетворенности жизнью и о счастье такими исследователями, как Х. Кэнтрил [77], Н. Бредберн [75], А. Кэмпбелл, П. Конверс, В. Роджерс [76], М. Аргайл [9], Есат Санли, Сехер Балци Селик, Цем Генсоглу [78]. Счастье как категория, соотносимая с благосостоянием в рамках позитивной психологии, рассматривается в работах М. Салимана [88] и его последователя Дж. Богнар [74].

В таких изданиях, как «Social Indicators Research» (Исследования социальных показателей») [89], «Personality and Individual Differences» («Личность и индивидуальные различия») [82], «Journal of Personality and Social Psychology» («Психология личности и социальная психология») [82], печатаются работы о психологических и социально-психологических аспектах счастья.

Среди российских психологов, интересующихся проблемами счастья, можно выделить В. И. Зацепина [28], И. А. Джидарьян [23], Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказову [41], Р. М. Шамионова [67], Л. З. Левит [40] и др.

На стыке психологии, экономики, социологии, философии появилось такое исследование о счастье, как книга Г. А. Навайтиса «Фелицитарная перспектива» [46]. Автор этой работы задумывается о том, что такое экономика счастья, пытается сформулировать политические фелицитарные принципы, следование которым на государственном уровне, по его мнению, приведет к формированию богатого общества, почти лишённого страданий и бедствий.

В национально-традиционных контекстах явление счастья рассматривается в работах В. В. Колесова [32], О. Е. Кошелевой [33], Е. В. Абоносимовой [1], И. Регеци [57], М. В. Лапухиной [37; 38], Т. И. Васильевой, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан [16, 68–74], Е. А. Черкашиной [66], Н. М. Дмитриева [24], В. Б. Волковой и др. [91].

К феномену счастья в начале XX века обращаются и лингвисты, представляющие свои взгляды в ряде исследований, основной акцент они делают на изучении составляющих концепта счастья, особое место среди них занимают работы С. Г. Воркачева [18; 19], Г. А. Бакировой [12], И. Б. Русаковой [59], Д. Д. Лагаевой [35], Ле Минь Нгок [39], Д. В. Маховиковой [42]. Обращают на себя работы, в которых предпринимаются попытки обобщить теоретические наработки в сфере лингвистики по изучению теорий о феномене счастья, к подобного рода исследованиям можно отнести, например, работу В. К. Харченко [63].

Можно выделить и некоторые литературоведческие исследования, посвященные изучению феномена счастья в творчестве

того или иного автора, на данный момент их немного, это, например, работы С. Г. Бочарова [15] (в его статье основной акцент сделан на специфике выражения свободы в пушкинском творчестве, счастье же оказывается категорией периферийного интереса исследователя), Г. М. Ибатуллиной [29] (исследователем проанализирована фелицитарная парадигма, представленная в гончаровском романе: счастье рассмотрено как сон, покой, миф, иллюзия; показано счастье индивидуальное и соборное, бытийное и бытовое...), А. Р. Жусуповой и Т. Б. Зайцевой [27] (в своей работе они размышляют о специфике чеховского представления о счастье, отраженного в эпистолярном наследии автора), Куан Хун Ни [34] (молодой ученый задается вопросом о характере проявления счастья/несчастья в произведениях Людмилы Петрушевской и Чи Ли), Т. Е. Абрамзон [2; 3; 4; 5; 6; 71; 72] (основное внимание ученый сосредотачивает на изучении счастья/блаженства в эпоху русского Просвещения), С. В. Рудаковой [58] (рассмотрен вопрос о понимании счастья, отраженном в лирике Е. А. Боратынского), А. С. Еськовой и А. В. Петрова [26] (в фокусе внимания исследователей оказывается «метатекст (не)счастья» в письмах Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву), А. Молнар проанализирована специфика толстовского видения счастья на примере одного из его произведений, рассмотренных в диалоговых переключках с И. С. Тургеневым [44], о необычных ракурсах счастья в произведениях А. П. Чехова и Пьецух размышляет в своей работе И. Регеци [56].

Есть и ряд работ зарубежных ученых, посвятивших свои исследования анализу концепций счастья в той или иной западной культуре или в творчестве отдельных европейских авторов: «"Dare to be happy!": a study of Goethe's ethics» by Julie D. Prandim [83]; «Women Writers in the Spanish Enlightenment: The Pursuit of Happiness» by E. Lewis [84]; «French social history. Games in the eighteenth century. Happiness in Duclos et Rousseau» [79], «The Passione for Happiness: Samuel Johnson and David Hume» by A. Potkay [87] и др.

Своеобразная энциклопедия счастья была создана польским философом В. Татаркевичем, в своем исследовании «О счастье и совершенстве человека» [62] он предложил максимально развернутую характеристику понятия счастья и выделяет важнейшие факторы, создающие для человека оптимальные условия для достижения состояния счастья. Именно этот исследователь в предисловии к своей книге обращает внимание на такой феномен: «В обширной литературе о счастье, созданной на протяжении двух тысячелетий, нет, однако, книги, которая бы охватила проблему счастья в совокупности всех его аспектов и давала их решение. Всеобъемлющая книга о счастье до сих пор еще не написана, что кажется почти невероятным, если учесть, что существует такое количество книг о проблемах, гораздо менее важных для людей» [62, 26].

Предпринятое нами исследование (поддержанный РФФИ и РЯИК проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.»), которое посвящено изучению феноменологии счастья в русской литературе, будет опираться на накопленный наукой опыт исследования феномена счастья, а также будет использовать актуальную методологию ряда наук (не только литературоведения, философии, лингвистики, фольклористики, антропологии, богословия, но и культурологии, психологии, социологии и др.).

Рассмотрены будут поиски индивидуального счастья в литературе последней трети XVIII – начала XIX века: счастье в «забавном русском слого» и счастье в этико-философских произведениях русских писателей» А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, М. Н. Муравьева, Г. Р. Державина, В. В. Капниста, Н. А. Львова, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина. Российские варианты счастья будут представлены в сопоставлении с европейской парадигмой счастья.

Уделено будет внимание и эвдемонистическим поискам русской литературы XIX века. Проанализировано будет невыразимое и неуловимое счастье в лирике русских романтиков (В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. А. Дельвига, Е. А. Боратынского). Важный блок в исследовании будет посвящён изучению феномена счастья в лирике А. С. Пушкина, который признавался в середине марта 1834 г. в письме своему другу П. В. Нащокину: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному».

В фокусе нашего внимание окажется и страстная погоня за счастьем истинно несчастного героя» М. В. Лермонтова, и Гоголевские мысли о счастье человечества и счастья ближних», и размышления о «счастливых берендеях» или о том, «кому живется счастливо, вольготно на Руси» (то есть раздумья о поисках национального счастья в поэзии Н. А. Некрасова и драматургии А. Н. Островского»), и о счастье по Толстому, и о парадоксах счастья в художественном мире А. П. Чехова, и о новых горизонтах счастья в поэзии Серебряного века и т. д.

Изучая явление счастья в европейском контексте, мы открываем и возможность проведения параллелей в том числе и с венгерской литературой, где явление счастья тематизируется часто путём негации. Отрицание, с одной стороны, касается самой возможности достижения счастья, как это мы видим и в одной из выдающихся драм первой половины XIX-го века, в произведении Михая Вёрёшмарти «Чонгор и Тюнде» (*Csongor és Tünde*, 1830). Авторы художественных текстов, которые внушают идею невозможности достижения счастья, исходят из трагического элемента, заключённого в самой природе времени. Этот

же опыт человека является центральным и в таком драматическом произведении XIX-го века, как стихотворная философская драма Имре Мадача под заглавием «Трагедии человека» (*Az ember tragédiája*, 1861), где мотив поиска счастья человеком приобретает универсальное значение: кроме вопроса счастья в сфере индивидуального существования, важным оказывается вопрос о способности человечества обрести счастье в историческом измерении.

В этом же веке также в форме поучительной речи появляются размышления о поиске пути счастья. Ференц Кёльчеи, один из наиболее значимых представителей венгерской литературы начала XIX века, обращаясь к своему племяннику, к Калману Кёльчеи (*Parainesis Kölcsey Kálmánhoz*, 1837) касается проблемы счастья индивидуального и коллективного характера. Текст воспринимается как духовно-моральное завещание поэта. В этом произведении дидактического характера автор представляет те духовные и этические принципы, которые определяли его жизнь. Основой жизни, по его мнению, является труд, а главным философским принципом, которым должен руководствоваться человек, – христианский стоицизм, таким образом служение (родине, народу, семье) ставится выше личного счастья.

С другой стороны, во многих европейских (в том числе и в венгерской) литературных произведениях счастливое состояние человека имеет связь с *отсутствием страдания*. Этот содержательный элемент явно артикулируется в конце произведений, например, подобное мы видим в рассказе Дежё Костоляни «Счастье» (*Boldogság*, 1936). Великий венгерский писатель, ощущавший тесную связь и с русской литературой, в своем лирическом творчестве противопоставляет кажущееся счастливым состояние земного комфорта вечному, небесному миру. Пока найденное на земле счастье определяется только суетой, таящаяся в душе каждого человека связь с трансцендентной сферой оказывается источником настоящего «небесного счастья» («Счастливо-грустная песня», *Boldog, szomorú dal*, 1917). Трансформация понятия счастья встречается в таком же метафорическом значении («небесная красота») в уже упомянутой романтической пьесе в стихах Вёрёшмрти «Чонгор и Тюнде»: (*Csongor és Tünde*, 1830).

Одним из самых потрясающих документальных романов в венгерской литературе является произведение Жигмонда Морица, «Счастливый человек» (*A boldog ember*, 1935). Роман изображает быт и душевное состояние индивидуализированного героя крестьянского сословия перед первой мировой войной и после войны. Здесь автор, вопреки традиции предыдущей венгерской литературы создавать идиллические, романтически масштабные образы-стихии, предоставляет читателям достоверную хронику жизни героя

крестьянского происхождения. В реалистическом ключе предлагается совсем новое толкование понятия счастья: счастливое состояние простого мужика понимается как его благополучие на земле (в венгерском языке слово «счастье» имеет этимологическую связь с выражением «иметь удачу/благоденствовать»: *boldog ~ boldogul*)¹. То есть герой благодушествует, он доволен своей судьбой.

В современной литературе часто акцентируется вопрос счастья в контексте найденной самоидентичности: В чём проявляется я человека? Можно ли говорить о жизни, которая показывает нам бытие «я» без счастья? Жизнеутверждающий ответ найдем на этот вопрос в недавно вышедшем в свет венгерском романе Арпада Куна «Счастливый Север» (*Boldog észak*, 2013).

Ощущение счастья человека истекает из внутренней культуры человека, способного на счастливое состояние. Таким образом, можно утверждать, что художественная сфера играет особенно важную роль в изображении данного феномена. Аналитический подход к душевным процессам, дополненный пластичностью художественного творения, может помочь понять и осмыслить опыт гармоничного существования человека.

Изучение феноменологии счастья позволит осознать проблемы идеала и кризис свободы, соотношение универсального и национального, единичного и общего, и таким способом попытаться ответить на вызовы современного мира.

Необычность современной – однозначно переходной – эпохи заставляет многих исследователей и просто читателей задуматься о счастье, каким оно представлялось людям иных времен, и сравнить с тем, что ощущал человек прошлого и к чему стремятся современные люди. Через изучение феноменологии русского счастья в европейском контексте, через рассмотрение его литературных обликов можно лучше осознать проблемы идеала и кризис свободы, соотношение универсального и национального, единичного и общего, таким способом можно попытаться ответить на вызовы современного мира.

Литература

1. Абоносимова Е. В. Интеллектуально-культурологические составляющие оптимистического ощущения русского народного характера // Аналитика культурологи. 2004. № 1. С. 28–30.

2. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 117–125.

¹ В то же время понятие *счастья* имеет связь и со словом *святой*, подобное сближение открывает нам новые измерения в восприятии феномена счастья.

3. Абрамзон Т. Е. Философия счастья в творчестве Н. М. Карамзина: в поисках истинного блаженства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 319–336.
4. Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В. Концепция счастья в лирике Е. А. Боратынского // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 4 (16). С. 1–5.
5. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.
6. Абрамзон Т. Е. Фортуна-чертовка и другие богини счастья в поэзии Н. Львова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 199–203.
7. Азнауров А. А. Этическое учение Н. Г. Чернышевского. Москва: Высш. школа, 1960. 95 с.
8. Анисимова М. Н. Метафизическая природа счастья в реальности человеческой судьбы: дис. ... канд. филос. наук: 22.00.06. Тюмень, 1997. 143 с.
9. Аргайл М. Психология счастья. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер», 2003. 271 с. С. 59, 159, 160, 166.
10. Аристотель. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. С. 53–294.
11. Аристотель. Политика / Пер. с древнегреч. С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. С. 375–644.
12. Бакирова Г. А. Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Казань, 2011. 247 с.
13. Бахтин М. В. В поисках счастья. Религиозно-этические учения древности. Санкт-Петербург: Нива, 2000. 303 с.
14. Бахтин М. В. Счастье и блаженство в свете христианской антропологии. Москва: Изд-во Московского института духовной культуры, 2006. 108 с.
15. Бочаров С. Г. «Свобода» и «счастье» в поэзии Пушкина // Проблемы поэтики и истории литературы: сборник статей. Саранск: Изд-во Мордовского гос. университета им. Н. П. Огарева, 1973. С. 147–163.
16. Васильева Т. И., Карпичева Н. Л., Цуркан В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века. Москва: Флинта, 2013. 356 с.
17. Власкин А. П., Зайцева Т. Б. Аксиологическое содержание романа М. Ю. Лермонтова «Герой Нашего времени» // Гуманитарно-педагогические исследования. 2017. Т. 1. № 1. С. 108–114.

18. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. 142 с.
19. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
20. Всемирный индекс счастья по версии New Economic Foundation. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (дата обращения: 05.05.2020).
21. Гаврилова И. С. Аксиологический смысл концепта «счастье» в лингвокультуре: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Волгоград, 2003. 156 с.
22. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. Москва: Гардарики, 1998. 472 с.
23. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 240 с.
24. Дмитриева Н. М. Этическое наполнение концепта «счастье» в русской языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 4. С. 12–19.
25. Дубко Е. Л., Титов В. А. Идеал, справедливость, счастье. Москва: Изд-во МГУ, 1989. 188 с.
26. Еськова А. С., Петров А. В. «Часто здесь в юдоли мрачной слезы льются из очей»: лирический «метатекст (не)счастья» в письмах Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву // Мировая литература глазами современной молодежи: сб. материалов III международной студенческой научно-практической конференции. Научный редактор С.В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та, 2017. С. 196–203.
27. Жусупова А. Р., Зайцева Т. Б. Концепт «счастье» в эпистолярном наследии А. П. Чехова // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сб. материалов IV междунар. молодежной науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. С. 127–131.
28. Зацепин В. И. Счастье как проблема социальной психологии. Львов: Вища школа, 1981. 174 с.
29. Ибатуллина Г. М. Фелицитарный миф в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5. Ч. 2. С. 16–19.
30. Каштанова О. В. Счастье как философская категория в работах античных философов // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 3. С. 308–313.

31. Колесов В. В. Судьба и счастье в русской ментальности // Мыслители. Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. Вып. 11. С. 98–106.
32. КонфОП на Общероссийском гражданском форуме: в чем счастье потребителя? URL: <https://konfor.ru/конфоп-на-общероссийском-гражданско/> (дата обращения: 07.05.2020).
33. Кошелева О. Е. Ракурсы «счастья» в России в XVII–XVIII веков // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. Москва: ОГИ, 2002. С. 108–117.
34. Куан Хун Ни. Проблема счастья/несчастья в произведениях Людмилы Петрушевской и Чи Ли»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2018. 402 с.
35. Лагасва Д. Д. Лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Элиста, 2009. 200 с.
36. Ландесман А. А. Счастье как социально-этическая проблема: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.00. Баку, 1966. 219 с.
37. Лапухина М. В. Аналитика сущности счастья в русской традиционной культуре: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Тамбов, 2006. 213 с.
38. Лапухина М. В. Национальное своеобразие и сущность феномена счастья в русской философии XIX века // Аналитика культурологи. № 1 (5). 2006. URL: [www. NPSY.RU/ tags/21](http://www.NPSY.RU/tags/21) (дата обращения: 05.05.2020).
39. Ле Минь Нгок. Особенности языковой репрезентации русского концепта «счастье»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2011. 236 с.
40. Левит Л. З. Исследование компонентов «эвдемонии», «потока», «счастья» и «не – счастья» методом выборки переживаний (esm) // Вестник образования и науки. Педагогика. Психология. Медицина. 2012. № 4 (6). С. 22–50.
41. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Что надо для счастья: культурные, региональные и индивидуальные различия и инварианты источников счастья // Вестник Краунц. Гуманитарные науки. 2006. №2(8). С. 3–12.
42. Маховикова Д. В. Этнокультурная специфика образа «счастье»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2011. 132 с.
43. Мишутина Е. А. Социально-философский анализ феномена счастья: дисс. канд. филос. наук: 09.00.11. Новочеркасск, 2009. 186 с.
44. Молнар А. «Тургеневский» роман Л. Н. Толстого «Семейное счастье» [Электронный ресурс] // Духовное наследие

Л. Н. Толстого в контексте мировой литературы и культуры. Сборник материалов XXXVII Международных Толстовских чтений. Тула: ТПУ им. Л. Н. Толстого, 2020. С. 61–65. URL: https://tsput.ru/fb/Tolstov_sb/%D0%A2%D0%A7_2020/index.html (дата обращения 02.06.2020).

45. Мотрошилова Н. В. Боги, человек, нравственное поведение, счастье // История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. Москва: Греко-латинский кабинет, 2000. С. 90–95.

46. Навайтис Г. А. Фелицитарная перспектива. Москва: НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2016. 198 с.

47. Некрасова Н. А. Счастье как объект социально-этического анализа: дисс. канд. филос. наук: 09.00.05. Киев, 1984. 193 с.

48. Нешев К. Этика счастья / Пер. с болг. В. Т. Ганжина. Москва: Знание, 1982. 64 с.

49. Палеев Р. Аристотель об избирательном счастье // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 27–45.

50. Петрова Л. А. Концептуализация счастья и радости в русской религиозной философии XIX – первой половины XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 1. С. 143–150.

51. Петрова Л. А. Тема счастья и радости в античной культуре и христианской традиции: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.00. Санкт-Петербург, 2016. 157 с.

52. Пеунова М. Н. Этическая теория Н. В. Шелгунова // Очерки истории русской этической мысли. Москва: Наука, 1976. С. 225–257.

53. Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений: в 4 т.: / Общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса.; Пер. с древнегреч. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. I. С. 83–116.

54. Платон. Горгий // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса.; Пер. с древнегреч. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. I. С. 261–374.

55. Попов Б. Н. Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни. Москва: Наука, 1986. 91 с.

56. Регеци И. Значения «трёх аршинов земли» в рассказе А. П. Чехова «Крыжовник» и в адаптации текста у В. Пьецуха // Творчество А. П. Чехова: природа, человек, общество: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Таганрог, сентябрь 2017 г. Редкол.: Е. В. Липовенко, М. Ч. Ларионова (отв. ред.), Л. А. Токмакова. Ростов н/Д: Foundation, 2018. С. 141–155.

57. Рееци И. Пространственно-поэтические анализы. Классические и современные тексты русской литературы. 3-е издание, переработанное и дополненное. Москва, Флинта, 2018. С. 240–256.
58. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 103–114.
59. Русакова И. Б. Концепты «счастье»-«несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2007. 202 с.
60. Сидоренко И. В. Антропология счастья. Москва: МАКС Пресс, 2006. 297 с.
61. Сорокин П. А. Социологический прогресс и принцип счастья // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. Москва: Политиздат, 1992. С. 507–513.
62. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. Москва: Прогресс, 1981. Сост. и пер. с польск. Л. В. Коноваловой. 368 с.
63. Харченко В. К. Фелицитарная лингвистика: к постановке проблемы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. серия: гуманитарные науки. 2013. № 6(149). С. 20–27.
64. Холл Э. Счастье по Аристотелю. Как античная философия может изменить вашу жизнь / Пер. с англ. Н. Кияченко (Колпаковой). Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. 298 с.
65. Чепурных М. Н. Индексы счастья: опыт Запада, социологический обзор // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 67–69.
66. Черкашина Е. А. Концепт «Счастье» в русском языке // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2016. № 2. С. 38–43.
67. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 179 с.
68. Шамсетдинова А. П. Человеческое счастье как социокультурный феномен: дисс. канд. филос. наук: 09.00.11. Уфа, 2008. 140 с.
69. Шматова Ю. Е., Морев М. В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 141–162.
70. Шрейдер Ю. А. Этика. Введение в предмет. Москва: Текст, 1998. 272 с.
71. Abramzon T. The philosophy of happiness in selected works of N. M. Karamzin: the search for true bliss // Slavonica. 2018. T. 23. № 1. С. 25–41.

72. Abramzon T. Philosophy of happiness in eighteenth-century Russia // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2015. Sofia, 2015. С. 645–652.
73. Bernard M. S. van Praag. Perspectives from the Happiness Literature and the Role of New Instruments for Policy Analysis // IZA Discussion. 2007. January. Paper No. 2568. CESifo Working Paper Series № 1912. URL: <https://ssrn.com/abstract=960020> (дата обращения: 20.05.2020).
74. Bogнар G. Authentic Happiness // Cambridge University Press. 2010. Utilitas Vol. 22, No. 3. September 2010.
75. Bradburn Norman M. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine, 1969. 332 p.
76. Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. The quality of American life: perceptions, evaluations, and satisfactions. New-York: Russel Sage Foundation, 1976. 583 p.
77. Cantril H. The patterns of human concerns. New Brunswick: Rutgers University Press, 1965. 454 с.
78. Esat Şanlı, Seher Balci Çelik, Cem Gençoğlu. Validity and eliability of The Authentic Happiness Scale // Khazar Journal of Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 22. № 1. Pp. 5–20.
79. French social history. Games in the eighteenth century. Happiness in Duclos et Rousseau. Oxford: Voltaire foundation, 2000. 354 p.
80. Happy Planet Index. URL: <https://happyplanetindex.org/> (дата обращения: 05.08.2020).
81. Journal of Happiness Studies [Сайт]. URL: <https://www.springer.com/journal/10902> (дата обращения: 10.05.2020).
82. Journal of Personality and Social Psychology [Сайт]. URL: <https://www.apa.org/pubs/journals/psp> (дата обращения: 10.05.2020).
83. Julie D. Prandim. «Dare to be happy!»: a study of Goethe's ethics. New York; London: University Press of America, 1993. 224 p.
84. Lewis E. Women Writers in the Spanish Enlightenment: The Pursuit of Happiness. Hamshire: Ashgate Pub Ltd., 2004. 188 p.
85. Mihály Csikszentmihályi: Flow. The psychology of optimal experience. New York: Harper & Row, 1991. 317 p.
86. Personality and Individual Differences [Сайт]. URL: <https://www.journals.elsevier.com/personality-and-individual-differences> (дата обращения: 10.05.2020).
87. Potkay A. The Passione for Happiness: Samuel Johnson and David Hume. Cornell UP, 2000. 241 p.
88. Seligman M. E. P. Authentic happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. New York. 2020. 321 p.

89. Social Indicators Research [Сайт]. URL: <https://www.springer.com/journal/11205> (дата обращения: 10.05.2020).
90. Veenhoven R. The Cross-National Pattern of Happiness: Test of predictions implied in three theories of happiness // *Social Indicators Research*. 1995. Vol 34. Pp 33–68.
91. Volkova V., Ovcharova S., Kolesnikova O., Abramzon T., Rudakova S., Chernova O., Zaitseva T. Philosophy of Being in L. N. Tolstoy's Works of 1850-1860-Ies: a Man and Nature // *International Journal of Applied Exercise Physiology*. Vol. 8 (2.1). Pp. 437–446.
92. «World Happiness Report» The Earth Institute Columbia University. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.earth.columbia.edu/articles/view/2960> (дата обращения: 27.05.2020).

REFERENCES

1. Abonosimova E. V. Intellektual'no-kul'turologicheskie sostavl'jajushhie optimisticheskogo oshhushhenija russkogo narodnogo haraktera // *Analitika kul'turologii*. 2004. № 1. Pp. 28–30.
2. Abramzon T. E. K voprosu o russkom schast'e (poezija XVIII veka) [To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry)] // *Libri Magistri*. 2015. № 1. Pp. 117–125.
3. Abramzon T. E. Filosofija schast'ja v tvorcestve N. M. Karamzina: v poiskah istinnogo blazhenstva [The philosophy of Happiness in Karamzin's works: in search of true bliss] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2017. № 1 (55). Pp. 319–336.
4. Abramzon T. E., Rudakova S. V. Konceptcija schast'ja v lirike E. A. Boratynskogo [The concept of Happiness in Boratinsky's lyrics] // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo* [Memoirs of Novgorod State University]. 2018. № 4 (16). Pp. 1–5.
5. Abramzon T. E. «Blazhen, kto...» v russkoj poezii XVIII-XIX vv.: iz istorii formuly ["Blessed is the one who..."] in the Russian poetry of the 18th – the 19th centuries: a history of the poetic formula] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377.
6. Abramzon T. E. Fortuna-chertovka i drugie bogini schast'ja v poezii N. L'vova [Fortuna-Besom and other goddesses of happiness in N. L'vov's poetry] // *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2015. № 2 (48). Pp. 199–203.
7. Aznaurov A. A. *Jeticheskoe uchenie N. G. Chernyshevskogo*. Moscow: Vyssh. shkola, 1960. 95 p.

8. Anisimova M. N. Metafizicheskaĵa priroda schast'ĵa v real'nosti čelovečeskoĵ sud'by: dis. ... kand. filos. nauk: 22.00.06. Tĵumen', 1997. 143 p.
9. Argajl M. Psihologija schast'ĵa [The Psychology of Happiness]. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Piter», 2003. 271 p.
10. Aristotel'. Nikomahova jetika [Nicomachean Ethics] / Per. s drevnegrech. N. V. Braginskoĵ // Aristotel'. Sočinenija: v 4 t. T. 4. Moscow: Mysl', 1983. Pp. 53–294.
11. Aristotel'. Politika / Per. s drevnegrech. S. A. Zhebeleva // Aristotel'. Sočinenija: v 4 t. T. 4. Moscow: Mysl', 1983. S. 375–644.
12. Bakirova G. A. Verbalizacija koncepta «schast'e» v tatarskom i anglijskom jazykah: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.02. Kazan', 2011. 247 p.
13. Bahtin M. V. V poiskah schast'ĵa. Religiozno-jetičeskie učenija drevnosti. Sankt-Peterburg: Niva, 2000. 303 p.
14. Bahtin M. V. Schast'e i blaženstvo v svete hristianskoĵ antropologii. Moscow: Izd-vo Moskovskogo instituta duhovnoĵ kul'tury, 2006. 108 p.
15. Bocharov S. G. «Svoboda» i «schast'e» v poezii Puškina // Problemy pojetiki i istorii literatury: sbornik stateĵ. Saransk: Izd-vo Mordovskogo gos. universiteta im. N. P. Ogareva, 1973. Pp. 147–163.
16. Vasil'eva T. I., Karpičeva N. L., Curkan V. V. Antologija hudožestvennyh konceptov ruskoĵ literatury XX veka. Moscow: Flinta, 2013. 356 p.
17. Vlaskin A. P., Zajceva T. B. Aksiologičeskoe sodержanie romana M. Ju. Lermontova «Geroj Našego vremeni» [Axiological content of Lermontov's novel «The hero of our time»] // Gumanitarno-pedagogičeskie issledovanija [Humanitarian and pedagogical research]. 2017. T. 1. № 1. Pp. 108–114.
18. Vorkačev S. G. Koncept schast'ĵa v ruskom jazykovom soznanii: opyt lingvokul'turoloģičeskogo analiza. Krasnodar: Izd-vo Kuban. gos. tehnol. un-ta, 2002. 142 p.
19. Vorkačev S. G. Koncept schast'ĵa: ponjatijnyĵ i obraznyĵ komponenty // Izvestija RAN. Serija lit-ry i jazyka. 2001. T. 60. № 6. Pp. 47–58.
20. Vsemirnyĵ indeks schast'ĵa [Happy Planet Index] po versii New Economic Foundation. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (data obrashhenija: 05.05.2020).
21. Gavrilova I. S. Aksiologičeskij smysl koncepta «schast'e» v lingvokul'ture: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13. Volgograd, 2003. 156 p.
22. Gusejnov A. A., Apresjan R. G. Jetika. Moscow: Gardariki, 1998. 472 p.
23. Džhidar'ĵan I. A. Predstavlenie o schast'e v rossijskom mentalitete. SPb.: Aleteĵĵa, 2001. 240 p.

24. Dmitrieva N. M. Jeticheskoe napolnenie koncepta «schast'e» v ruskoj jazykoj kartine mira [Ethical component of the concept «happiness» in Russian language world picture] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching]. 2013. № 4. Pp. 12–19.
25. Dubko E. L., Titov V. A. Ideal, spravedlivost', schast'e. Moscow: Izd-vo MGU, 1989. 188 p.
26. Es'kova A. S., Petrov A. V. «Chasto zdes' v judoli mrachnoj slezy l'jutsja iz ochej»: liricheskiy «metatekst (ne)schast'ja» v pis'mah N. M. Karamzina I. I. Dmitrievu [«Often here in a vale gloomy tears are shed from eyes»: the lyrical «metatext of (not)happiness» in letters of N. M. Karamzin to I. I. Dmitriyev] // Mirovaja literatura glazami sovremennoj molodezhi: sb. materialov III mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [World literature by eyes of modern youth]: Nauchnyj redaktor S. V. Rudakova. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tehn. un-ta, 2017. Pp. 196–203.
27. Zhusupova A. R., Zajceva T. B. Koncept «schast'e» v jepistoljarnom nasledii A. P. Chehova // Mirovaja literatura glazami sovremennoj molodezhi. Cifrovaja jepoha: sb. materialov IV mezhdunar. molodezhnoj nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. teh. un-ta im. G. I. Nosova, 2018. Pp. 127–131.
28. Zacepin V. I. Schast'e kak problema social'noj psihologii. L'vov: Vishha shkola, 1981. 174 p.
29. Ibatullina G. M. Felicitarnyj mif v romane I. A. Goncharova «Oblomov» [Felicity myth in the novel by I. A. Goncharov "Oblomov"] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 5. Ch. 2. Pp. 16–19.
30. Kashtanova O. V. Schast'e kak filosofskaja kategorija v rabotah antichnyh filozofov // Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta. 2014. T. 17. № 3. Pp. 308–313.
31. Kolesov V. V. Sud'ba i schast'e v ruskoj mental'nosti // Mysliteli. Razmyshlenija o filosofii na perekrestke vtorogo i tret'ego tysjacheletij. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2002. Vyp. 11. Pp. 98–106.
32. KonfOP na Obshherossijskom grazhdanskom forum: v chem schast'e potrebitelja? URL: <https://konfop.ru/konfop-na-obshherossijskom-grazhdansko/> (data obrashhenija: 07.05.2020).
33. Kosheleva O. E. Rakursy «shhast'ja» v Rossii v HVII-HVIII vekov // Kazus 2002. Individual'noe i unikal'noe v istorii. Vyp. 4. Moscow: OGI, 2002. Pp. 108–117.

34. Kuan Hun Ni. Problema schast'ja/neschast'ja v proizvedenijah Ljudmily Petrushevskoj i Chi Li»: diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Moscow, 2018. 402 p.
35. Lagaeva D. D. Lingvokul'turnyj koncept «schast'e» v kalmyčkom i anglijskom jazykah: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.22. Jelista, 2009. 200 p.
36. Landesman A. A. Schast'e kak social'no-jeticheskaja problema: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.00. Baku, 1966. 219 p.
37. Lapuhina M. V. Analitika sushhnosti schast'ja v rusškoj tradicionnoj kul'ture: dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01. Tambov, 2006. 213 p.
38. Lapuhina M. V. Nacional'noe svoeobrazie i sushhnost' fenomena schast'ja v rusškoj filosofii XIX veka // Analitika kul'turologi. № 1(5). 2006. URL: www.HPSY.RU/tags/21 (accessed: 05.05.2020).
39. Le Min' Ngok. Osobennosti jazykovoju reprezentacii rusškogo koncepta «schast'e»: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moscow, 2011. 236 p.
40. Levit L. Z. Issledovanie komponentov «jevdemonii», «potoka», «schast'ja» i «ne – schast'ja» metodom vyborki perezhivanij (esm) // Vestnik obrazovanija i nauki. Pedagogika. Psihologija. Medicina. 2012. №4 (6). Pp. 22–50.
41. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. Chto nado dlja schast'ja: kul'turnye, regional'nye i individual'nye razlichija i invarianty istočnikov schast'ja [What is necessary for happiness: cultural, regional and individual distinctions and variants of sources of happiness] // Vestnik Kraunc. Gumanitarnye nauki. 2006. №2 (8). Pp. 3–12.
42. Mahovikova D. V. Jetnokul'turnaja specifika obraza «schast'e»: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moscow, 2011. 132 p.
43. Mishutina E. A. Social'no-filosofskij analiz fenomena schast'ja: diss. kand. filos. nauk: 09.00.11. Novočerkassk, 2009. 186 p.
44. Molnar A. «Turgenevskij» roman L. N. Tolstogo «Semejnoe schastie» [Jelektronnyj resurs] // Duhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v kontekste mirovoj literatury i kul'tury. Sbornik materialov XXXVII Meždunarodnyh Tolstovskih čtenij. Tula: TPGU im. L. N. Tolstogo, 2020. Pp. 61–65. URL: https://tspu.ru/fb/Tolstov_sb/%D0%A2%D0%A7_2020/index.html (data obrashhenija 02.06.2020).
45. Motrošilova N. V. Bogi, čelovek, npravstvennoe povedenie, schast'e // Istorija filosofii. Zapad-Rossija-Vostok. Kniga pervaja. Filosofija drevnosti i srednevekov'ja. Moscow: Greko-latinskij kabinet, 2000. Pp. 90–95.
46. Navajtis G. A. Felicitarnaja perspektiva. Moscow: NOU VPO Moskovskij psihologo-social'nyj universitet, 2016. 198 p.

47. Nekrasova N. A. Schast'e kak ob#ekt social'no-jeticheskogo analiza: diss. kand. filos. nauk: 09.00.05. Kiev, 1984. 193 p.
48. Neshev K. Jetika schast'ja / Per. s bolg. V. T. Ganzhina. Moscow: Znanie, 1982. 64 p.
49. Paleev R. Aristotel' ob izbiratel'nom schast'e [Aristotle on the selective happiness] // Filosofskaja antropologija [Philosophical anthropology]. 2018. T. 4. № 1. Pp. 27–45.
50. Petrova L. A. Konceptualizacija schast'ja i radosti v ruskoj religioznoj filosofii XIX – pervoj poloviny XX v. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 17: Filosofija. Konfliktologija. Kul'turologija. Religiovedenie. 2016. № 1. Pp. 143–150.
51. Petrova L. A. Tema schast'ja i radosti v antichnoj kul'ture i hristianskoj tradicii: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.00. Sankt-Peterburg, 2016. 157 p.
52. Peunova M. N. Jeticheskaja teorija N. V. Shelgunova // Očerki istorii ruskoj jeticheskoj mysli. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 225–257.
53. Platon. Apologija Sokrata // Platon. Sobranie sochinenij: v 4 t.: / Obshh. red. A. F. Loseva i V. F. Asmusa.; Per. s drevnegrech. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Izd-vo Olega Abyshko, 2006. T. I. Pp. 83–116.
54. Platon. Gorgij // Platon. Sobranie sochinenij: v 4 t. / Obshh. red. A. F. Loseva i V. F. Asmusa.; Per. s drevnegrech. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Izd-vo Olega Abyshko, 2006. T. I. Pp. 261–374.
55. Popov B. N. Vzaimosvjaz' kategorij schast'ja i smysla zhizni. Moscow: Nauka, 1986. 91 p.
56. Regeci I. Znachenija «trjoh arshinov zemli» v rasskaze A. P. Chehova «Kryzhovnik» i v adaptacii teksta u V. P'ecuha // Tvorcestvo A. P. Chehova: priroda, chelovek, obshhestvo: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Taganrog, sentjabr' 2017 g. Redkol.: E.V. Lipovenko, M.Ch. Larionova (otv. red.), L. A. Tokmakova. Rostov n/D: Foundation, 2018. Pp. 141–155.
57. Regeci I. Prostranstvenno-pojeticheskie analizy. Klassicheskie i sovremennye teksty ruskoj literatury. 3-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Moscow: Flinta, 2018. Pp. 240–256.
58. Rudakova S. V. Filosofija schast'ja v lirike E. A. Boratynskogo [Happiness philosophy in E. A. Boratynsky's lyrics] // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta [Izvestia. Ural Federal University journal]. Serija 2: Gumanitarnye nauki. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114.
59. Rusakova I. B. Koncepty «schast'e»-«neschast'e» v lingvokul'turnom sodержanii russkih poslovič: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moscow, 2007. 202 p.

60. Sidorenko I. V. *Antropologija schast'ja*. Moscow: MAKS Press, 2006. 297 p.
61. Sorokin P. A. *Sociologicheskij progress i princip schast'ja* // Sorokin P. A. *Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo* / Per. s angl. Moscow: Politizdat, 1992. Pp. 507–513.
62. Tatarkevich V. *O schast'e i sovershenstve cheloveka*. Moscow: Progress, 1981. Sost. i per. s pol'sk. L. V. Konovalovoj. 368 p.
63. Harchenko V. K. *Felicitarnaja lingvistika: k postanovke problemy* // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. serija: gumanitarnye nauki*. 2013. № 6(149). Pp. 20–27.
64. Holl Je. *Schast'e po Aristotelju. Kak antichnaja filosofija mozhet izmenit' vashu zhizn'* [Aristotle's Way: How Ancient Wisdom Can Change Your Life] / Per. s angl. N. Kijachenko (Kolpakovoj). Moscow: Al'pina non-fikshn, 2019. 298 p.
65. Chepurnyh M. N. *Indeksy schast'ja: opyt Zapada, sociologicheskij obzor* [Happiness indexes: occidental experience, sociological overview] // *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2012. № 9. Pp. 67–69.
66. Cherkashina E. A. *Koncept «Schast'e» v russkom jazyke* [The concept of happiness in the russian language] // *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 2016. № 2. Pp. 38–43.
67. Shamionov R. M. *Psihologija subektivnogo blagopoluchija lichnosti*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2004. 179 p.
68. Shamsetdinova A. P. *Chelovecheskoe schast'e kak sociokul'turnyj fenomen: diss. kand. filos. nauk: 09.00.11*. Ufa, 2008. 140 p.
69. Shmatova Ju. E., Morev M. V. *Izmerenie urovnja schast'ja: literaturnyj obzor rossijskih i zarubezhnyh issledovanij* [Assessing the Level of Happiness: a Review of Russian and Foreign Research] // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2015. № 3 (39). Pp. 141–162.
70. Shrejder Ju. A. *Jetika. Vvedenie v predmet*. Moscow: Tekst, 1998. 272 p.
71. Abramzon T. *The philosophy of happiness in selected works of N. M. Karamzin: the search for true bliss* // *Slavonica*. 2018. T. 23. № 1. Pp. 25–41.
72. Abramzon T. *Philosophy of happiness in eighteenth-century Russia* // *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2015*. Sofia, 2015. Pp. 645–652.
73. Bernard M. S. van Praag. *Perspectives from the Happiness Literature and the Role of New Instruments for Policy Analysis* // *IZA Discussion*. 2007. January. Paper No. 2568. CESifo Working Paper Series № 1912. URL: <https://ssrn.com/abstract=960020> (accessed: 20.05.2020).

74. Bogнар G. *Authentic Happiness* // Cambridge University Press. 2010. *Utilitas* Vol. 22, No. 3, September 2010.
75. Bradburn Norman M. *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago: Aldine, 1969. 332 p.
76. Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. *The quality of American life: perceptions, evaluations, and satisfactions*. New-York: Russel Sage Foundation, 1976. 583 p.
77. Cantril H. *The patterns of human concerns*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1965. 454 p.
78. Esat Şanlı, Seher Balci Çelik, Cem Gençoğlu. *Validity and Reliability of The Authentic Happiness Scale* // *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 22. № 1. Pp. 5–20.
79. *French social history. Games in the eighteenth century. Happiness in Duclos et Rousseau*. Oxford: Voltaire foundation, 2000. 354 p.
80. *Happy Planet Index*. URL: <https://happyplanetindex.org/> (дата обращения: 05.05.2020).
81. *Journal of Happiness Studies* [Site]. URL: <https://www.springer.com/journal/10902> (accessed: 10.05.2020).
82. *Journal of Personality and Social Psychology* [Site]. URL: <https://www.apa.org/pubs/journals/psp> (дата обращения: 10.05.2020).
83. Julie D. Prandim. «Dare to be happy!»: a study of Goethe's ethics. New York; London: University Press of America, 1993. 224 p.
84. Lewis E. *Women Writers in the Spanish Enlightenment: The Pursuit of Happiness*. Hamshire: Ashgate Pub Ltd., 2004. 188 p.
85. Mihály Csikszentmihályi. *Flow. The psychology of optimal experience*. New York: Harper & Row, 1991. 317 p.
86. *Personality and Individual Differences* [Site]. URL: <https://www.journals.elsevier.com/personality-and-individual-differences> (accessed: 10.05.2020).
87. Potkay A. *The Passione for Happiness: Samuel Johnson and David Hume*. Cornell UP, 2000. 241 p.
88. Seligman M. E. P. *Authentic happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York. 2020. 321 p.
89. *Social Indicators Research* [Site]. URL: <https://www.springer.com/journal/11205> (accessed: 10.05.2020).
90. Veenhoven R. *The Cross-National Pattern of Happiness: Test of predictions implied in three theories of happiness* // *Social Indicators Research*. 1995. Vol 34. Pp 33–68.
91. Volkova V., Ovcharova S., Kolesnikova O., Abramzon T., Rudakova S., Chernova O., Zaitseva T. *Philosophy of Being in L. N. Tolstoy's Works of 1850-1860-Ies: a Man and Nature* // *International Journal of Applied Exercise Physiology*. Vol. 8 (2.1). Pp.437–446.

92. «World Happiness Report» The Earth Institute Columbia University. [Электронный ресурс]. URL: (accessed: 10.05.2020).

ON STUDYING THE PHENOMENON OF HAPPINESS

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor,

Department of Linguistics and Literary Studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Ildikó Regécsi

Associate Professor, Academic degree: kandidátus (PhD)

degree in literature, dr. habil. in literature and cultural studies,

Institute of Slavic Studies, University of Debrecen

(Debrecen, Hungary)

Abstract

The work provides a brief overview of the main scientific literature on the study of happiness. Happiness is presented as one of the most difficult categories of being, which is considered by different researchers from completely different angles of view. A brief description of ancient philosophers' works is presented. Those who have set the general direction of thinking about this phenomenon of being are singled out (characteristics of the positions of Socrates, Plato, Aristotle and other thinkers who laid the foundations of eudomonism, hedonism, stoicism, epicurism are given). The main attention is paid to the current state of the problem of happiness. Several main scientific approaches to the study of the phenomenon of happiness are described. A modern approach to happiness has been singled out, which has an economic and socio-ethical basis, it is related to life satisfaction and well-being, it is happiness that sociologists, economists and psychologists are trying to measure, which is reflected in a number of ratings, starting with the World Happy Planet Index. The interest of the business community in happiness has been revealed. The ethical approach to studying the phenomenon of happiness was analyzed. A group of works in which happiness is studied in a religious and axiological context is singled out. The article examines the studies in which happiness is presented from socio-ethical point of view, at the same time ideological foundations of happiness are highlighted, on the one hand, its class character and socio-economic conditionality are shown, and on the other hand, its moral legitimacy. The works that show the dependence of happiness on the material world, the relationship between happiness and goodness are highlighted. The works that consider happiness as a philosophical and anthropological phenomenon as the most important value of being

are highlighted. The works in which the psychological or social-psychological approach in studying happiness is realized are singled out; a special group of works was formed in which happiness is considered from sociological, psychological, economic and philosophical positions, the studies in which happiness is investigated in national-traditional contexts are also presented in the review, a number of linguistic and literary works which are focused on various felicific theories are given in the article.

Keywords: happiness, category of being, eudemonism, stoicism, epicurism, hedonism, satisfaction, well-being, good, bliss

Для цитирования: Рудакова С. В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

Поступила в редакцию 03.07.2020

РАЗДЕЛ III. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

ББК 83.3
УДК 8.82.02/.09

Е. В. Никольский¹
Карпатский университет им. А. Волошина
eugenius-09@ukr.net
Д. Вальчак²
Варшавский университет
dorota.walczak1990@gmail.com

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЗЛА? О МОТИВЕ ЗМЕЕБОРСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Извечная борьба добра и зла издревле волновала людей и была одной из наиглавнейших тем устных преданий и художественной литературы. Злое начало, по большей части аллегорически, изображалось в виде страшного змея, дракона. Христианство неприязненно относилось к ползучим гадам, но в эпоху древних германцев змеи и драконы не были сугубо отрицательными персонажами, и борьба богов и героев с этими рептилиями имела в сказания германцев более глубокое значение, чем заурадное единоборство.

Если повнимательнее присмотреться к обильному и разнородному этнографическому материалу, сможем заметить, что сам мотив змееборства имеет явно доисторическое (архетипическое) происхождение. Сказания о драконе и змеях появляются ведь на всех континентах и во всех культурах – от Европы, через Азию и Африку, вплоть до Латинской Америки.

Старейшее упоминание о змееборстве найдём в Ветхом завете, в 14 главе Книги Даниила. О драконе упоминается также в Откровении св. Иоанна Богослова. Там с чудовищем сражается Архангел Михаил.

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr. hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета поизданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина.

² Вальчак Дорота, аспирант исторического факультета, магистр исторических наук, Варшавский университет, г. Варшава, Республика Польша.

Заметим, что в европейской культуре, в отличие, например, от китайской, где дракон – положительный персонаж, змей всегда считался антигероем, олицетворение зла и некоего животного начала, с которым борется и которое побеждает положительный герой. В данном контексте змеборство можно считать символическим отображением борьбы добра со злом.

В настоящей статье попытаемся установить генезис и проследить развитие мотива змеборства в русской культуре, которая переняла его из Византии посредством житийной литературы, но в самом скором времени выработала и свои оригинальные варианты во главе с необыкновенной «Повестью о Петре и Февронии Муромских».

Ключевые слова: дракон, змей, змеборство, зло, агиографическая литература, эпос, жития святых, пророк Даниил, Димитрий Ростовский, фэнтэзи, архетипы

Извечная борьба добра и зла издревле волновала людей и была одной из наиглавнейших тем устных преданий и художественной литературы. Большой частью злое начало аллегорически представлялось в виде страшного змея, дракона. Христианство неприязненно относилось к ползучим гадам, но в отличие от этой точки зрения в эпосе древних германцев змеи и драконы не были сугубо отрицательными персонажами, и борьба богов и героев с этими рептилиями имела в сказаниях германцев более глубокое значение, нежели заурядное единоборство.

Согласно словарю А. П. Евгеновой «змеборство» – «героическая борьба с чудовищем в образе змея» [10]. Народные мифы и легенды многих стран мира рассказывают о смельчаках-змеборцах, освобождающих города, жители которых страдают под властью жестоких драконов, напоминающих внешним видом огромного ящера и требующих в выкуп кровавых жертв.

В архаических мифологических системах многих народов мира одно из важнейших мест принадлежит змею (змее) или дракону, как дальнейшему развитию образа змея (основные признаки и мифологические мотивы, связывавшиеся с драконом, в главных чертах совпадают с теми, которые характеризовали мифологического змея).

Сказания о драконах и змеях существуют на всех континентах. Изображение дракона можно найти среди наскальных рисунков 25 000 летней давности, на них драконы чем-то напоминают карликовых мамонтов. Дракон присутствует в сказаниях китайцев провинции

Шаньси 8 000 года до Рождества Христова. Он преследовал шумеров и вавилонян, ему поклонялись ацтеки, его боялись кельты. Описания огромных летающих ящеров встречаются и у древних греков, и у шумеров. Упоминания о драконах постоянно появляются в исторических записях многих культур и народов мира.

Но змеборство появляется в разных культурах, не только европейских. Ближний Восток, Индия... В Китае драконы считались положительными героями. Именно этим обстоятельством обычно вызывается культурный шок, который испытывают китайские студенты при изучении русского фольклора, где змеев-драконов «безжалостно» истребляют.

Данный мотив (змеборство) встречается и в Латинской Америке: в культуре древнего Перу тоже имеются предания о драконах и борьбе с ними. В целом, в большинстве древних мифов образ дракона так или иначе ассоциируется с ключевыми принципами мироздания. Он практически всегда так или иначе связан с Солнцем и с циклом смены дня и ночи [13].

Таким образом, мы приходим к мысли о том, что змеборство – это своего рода архетип, который встречается в самых разных жанрах и типах словесности. А именно с архетипами связаны общие мотивы, извечные схемы и представления, лежащие «в основе любых художественных структур, но уже без обязательной связи с юнгианством как таковым» [1]. Архетипы, по мере того, как они становятся всё более отчетливыми, оказываются связанными с необычайно увлекательными темами и обретают свойства увлекать, впечатлять и вдохновлять, поскольку восходят к фундаментальным началам мироздания.

А вот олицетворение зла, воплощенного в облике большой рептилии, характерно исключительно для европейской цивилизации и арамейской культуры.

Если повнимательнее присмотреться к обильному и разнородному этнографическому материалу, сможем заметить, что сам мотив змеборства имеет явно доисторическое происхождение – доказательством этому служит хотя бы тот факт, что предания и сказки об единоборстве человека с драконом появляются почти во всех индоевропейских культурах и выглядят почти одинаково. С чудищем, похожим на змея, – с Пифоном, боролся уже греческий бог Аполлон, а мифический герой Геракл победил многоголовую лернейскую Гидру.

Старейшее упоминание о змеборстве найдем в Ветхом завете, в 14 главе Книги Даниила (Дан. 14, 23–29). О драконе упоминается также в Откровении св. Иоанна Богослова, где с чудовищем сражается

Архангел Михаил. Заметим, что в европейской культуре, в отличие, например, от китайской, где дракон – положительный персонаж, дракон всегда считался антигероем, чудищем, олицетворением зла и одновременно некоего животного начала, с которым борется – и которое в итоге побеждает – положительный герой. В этом контексте змеборство можем считать неким символическим отображением борьбы с мировым злом.

В настоящей статье мы попытаемся установить генезис и проследить развитие мотива змеборства в русской культуре, которая переняла его из Византии посредством житийной литературы, но в самом скором времени выработала и свои оригинальные варианты во главе с поистине необыкновенным памятником агиографической литературы XVI века, «Житием Петра и Февронии Муромских».

Для начала остановимся немного на обсуждении 14 главы Книги пророка Даниила, так как, как мы уже сказали, именно там в первый раз появляется интересующий нас мотив борьбы человека с драконом. Знаменательно, что в еврейском (в масаретской редакции I века нашей эры) тексте Книги Даниила данная глава вообще отсутствует, она известна только по alexсандрийскому переводу III века до нашей эры (Септуагинте, или версии 72 толковников) на греческий. Вопрос о наличии этого фрагмента в других версиях библейского текста, в т. ч. сирийской Пешите, эфиопских преданиях или в Свитках Мертвого моря, в пределах данной статьи мы не сможем разрешить. Отметим лишь те моменты, что непосредственно касаются нашей темы.

Данный факт (отсутствие 14 главы в Книге пророка Даниила) привел к тому, что, по мнению многих исследователей, оригинальность этой главы воспринималась спорной, тем более, что сам мотив змеборства считался сказочным. В протестантский вариант Священного писания она вообще не была включена. И большинство толкователей (включая самые известные св. Ефрема Сирина, сэра Исаака Ньютона, протоиерея Даниила Сысоева, а также известного российского библиста Андрея Десницкого) её не рассматривают.

Между тем появление мотива змеборства у пророка Даниила можно объяснить спецификой исторического контекста. Для древних иудеев тема змея и змеборства не типична. Но в Вавилонии (где и жил пророк) ситуация сложилась по-иному. Известные ворота под названием Иштар были построены царем Навуходоносором II, покровителем Даниила, могущественным правителем во время семидесятилетнего пленения израильтян. На этих воротах изображено пресмыкающееся животное с четырьмя лапами, которое так же, как и динозавры, стояло на задних лапах. И здесь наблюдается проникновение некоторых элементов индоевропейской культуры в семитскую.

О чём же идет речь в 14 главе и почему она так важна для нас? Именно там появляется Даниил, живущий в плену и у знаменитого Навуходоносора, ни у вавилонского царя-язычника Кира. Когда Кир велел Даниилу поклониться чтимому вавилонянами дракону, тот отказался, ссылаясь на то, что может поклониться только одному Богу, так как только Он является истинным: «Даниил сказал: Господу Богу моему поклоняюсь, потому что Он Бог живой. Но ты, царь, дай мне позволение, и я умерщвлю дракона без меча и жезла. Царь сказал: даю тебе. Тогда Даниил подготовил для дракона наживку: взял смолы, жира и волос, сварил это вместе и, сделав из этого ком, бросил его в пасть дракону, и дракон расселся. И сказал Даниил: вот ваши святыни!» (Дан. 14, 23–29). В данном контексте змей (дракон) выступает как «ложный» бог, то есть, как некий бес, демон. Отметим, что книга пророка Даниила пользовалась большой популярностью у христиан. Позже отметим, что она, возможно, повлияла на христианские предания и легенды о змеборстве.

В такой же роли выступает дракон и в Откровении св. Иоанна Богослова. Заметим в скобках, что в популярном в Польше предании о вавельском (краковском) драконе дракон этот был убит практически так же.

При этом здесь мы натываемся на ещё одну проблему – в переводах Библии на церковнославянский язык (а также в популярных и известных переводах Библии на польский, русский и, особенно, в пяти версиях, на украинский языки) слова змей и дракон употребляются как синонимы, так что не всегда понятно, что во всякий раз под ними подразумевается. Впрочем, о синонимичности этих понятий писали и авторы энциклопедии «Мифы народов мира».

Рассмотрим проявление мотива змеборства в индоевропейской мифологии. Отметим, что в финском эпосе «Калевала» он не встречается.

В британской литературе змеборчество представлено в поэме «Беовульф», созданной приблизительно в VIII в. н. э. Однако дошедший до нашего времени текст подвергся тщательной цензуре церкви. Это подтверждается тем, что значительно изменилась трактовка образов, типичных для германского народного творчества, произошла как бы некая мутация: чудовище Грендель (образ которого часто трактуется в виде дракона) называется потомком Каина, в повествование вводятся упоминания об описанных в Библии событиях, а сам Беовульф временами чуть ли проповедует (это скандинавский-то герой!).

Благодаря вмешательству монахов из поэмы «испарились» не только имена древних богов и их деяния, но и чуть ли не самая основная сюжетная линия, повествующая о взаимоотношениях человека и природы. Постройкой пиршественной залы и пьяным разгулом люди нарушили имевшийся естественный баланс, и природа в образе чудовища Гренделя стремилась его восстановить. Здесь Грендель – сила не только и не столько разрушительная, сколько сохраняющая баланс между человеком и природой, которая и донныне настойчиво напоминает, что с ней шутки плохи.

От позднейших исправлений свободна скандинавская «Сага о Вельсунгах», что объясняется тем, что в Исландии, откуда дошла до нас эта сага, отношения между язычеством и христианством были очень интересны тем, что они как бы слились воедино, и в то время, как в Европе католическая церковь расправлялась с «еретиками» огнем и мечом, в Исландии каждый верил, во что хотел, а епископы тщательнее записывали древние предания, причем без каких-либо искажений, и в этой связи нельзя не вспомнить двух достойных мужей – монаха Сегмунда Мудрого (1056–1133 гг.), составителя знаменитого сборника перлов скандинавского эпоса «Старшая Эдда», и епископа Бринйольфа Свейнсона, разыскавшего эту рукопись в 1643 году. Одним из наиболее ярких сюжетов саги является единоборство Сигурда и дракона Фафнира, причем из предыстории явствует, что дракон Фафнир – жертва не столько меча воина, сколько своей алчности и безволия: ведь драконом он был не по рождению, а превратился в него, когда преступным путем (убив собственного отца) стал обладателем проклятых сокровищ. Перед смертью Фафнир прозрел и стал советовать богатырю Сигурду не брать золото, предрекая в противном случае смерть богатыря. Этот дракон – пророк, наставляющий на стезю праведности и своими словами, и своею судьбой, в чём и заключается потаенный смысл этого предания.

Данная скандинавская сага имеет немецкого «двойника» – «Песню о Нибелунгах», более известную под названием «Гибель Нибелунгов». Немецкий вариант, несомненно, сильно проигрывает по сравнению со скандинавским: образы лишены особой глубины и трагичности, действие переносится в позднее средневековье, христианский бог сменяет асов-демиургов, а главный герой – Зигфрид – почти идентичен Сигурду, повторяет многие из его подвигов, и так же гибнет от предательства, как и его скандинавский прототип. Все эти недостатки объясняются тем, что с «Гибелью Нибелунгов» произошло то же, что и с «Беовульфом», попавшим в горнило цензуры.

Избежало этой участи известное (опять же скандинавское) предание о поединке бога грома Тора с мировым змеем; Тору было предсказано, что в последней битве они убьют друг друга, но он не хочет ждать, желая спасти мир от чудища, пусть даже ценой собственной жизни. Тор хотел пойти наперекор судьбе, но его план не удался из-за трусости помощника – Тор не смог убить мирового змея раньше установленного времени. Возможно, в этом предании в аллегорической форме излагается действие законов природы и мироздания: что предрешиено, то и сбудется, причем в точно установленный срок, не раньше и не позже.

Ни боги, ни люди не могут идти против предрешений рока – таков германский фатализм. Не о том ли гласит и предание о князе Олеге, принявшем, как известно, смерть от коня своего? Он ведь тоже хотел провести судьбу, но не смог – все сбылось, как и было предсказано, о чём гласит «Повесть временных лет», причем волю судьбы опять свершает змея. Можно твердо полагать, что это – достоверный исторический факт, однако не надо забывать и о том, что под личиной бесхитростных и зачастую фантастических преданий таится многовековая мудрость, бесцельно и преступно отвергаемая суетным миром.

Известный из древних мифов и Священного Писания мотив змеборства начинает появляться в житийной литературе первых веков христианства, что само по себе неудивительно, поскольку древнехристианская культура охотно перенимала античные жанры и мотивы.

Раскроем это положение подробнее и обратимся к классику филологической науки М. М. Бахтину. Ученый, как известно, занимался подробным изучением древнегреческого авантюрного романа и его византийских преемников. Согласно его исследованиям, многие схемы и мотивы из данного жанра (приключения двоих влюбленных, кораблекрушения, чудесное спасение, плен и тюрьма) перекочевали и в древнехристианскую литературу. Похоже обстояло дело и с интересующим нас мотивом змеборства, который прямо из эпоса перешел в христианскую агиографию [2].

И правда, обычно при анализе ранневизантийских житий отмечали сходство их сюжетов с античным романом. Так, в некоторых агиографических памятниках (жития святого Климента Первого, Папы Римского, святой Евгении, Евстафия Плакиды, Марии и Ксенофонта, Алексея, человека Божьего и других) мы встречаем и кораблекрушения, разрыв семей, сиротство, потом чудесное обретение родных, или наоборот, неузнавание родителями детей, а также побеги из отчего

дома, путешествия в далекие земли, подлость интриг и так далее. «Преимственность эта известна, как известно и тяготение греков к таким сюжетам, а лучше сказать, к такому сюжету: оно переживало эпохи и жанры и беспрепятственно пронизало социальные страты – мало того, что «любовные романы» сочинялись и в Византии, некоторые жития (скажем, житие Евстафия Плакиды) по сюжетной схеме точь-в-точь «любовный роман» [16].

Иными словами, византийская житийная литература создавалась с учетом традиций, образов и схем, выработанных в светской традиции. Если генезис авантюрных сюжетов описан в филологических исследованиях, то змеборство практически не изучалось. А между тем не только классический греческий роман, но и народный эпос оказывал влияние на агиографию. А последняя в свою очередь была обусловлена спецификой эпохи, в которой она создавалась, оперируя, соответственно, теми же средствами для прославления новых героев, каким прославляли героев старых. А поскольку агиография – жанр консервативный, то её художественная специфика, хотя и отставала от новых эпох, все же сохранялась на протяжении более чем полутора тысяч лет.

Тема борьбы добра и зла, тема сокрушения демонических сил – один из повторяющихся элементов средневековой христианской иконографии. Формы этой иконографии многообразны. Самая известная борьба с драконом, дьявольским символом по преимуществу. Она сформирует ядро этого исследования. Но иногда приходится принимать во внимание родственные или символические сцены. Существуют, действительно, различные соответствия, а иногда и амальгамы между композициями средневековых художников.

Первым раннехристианским памятником, в котором появляется мотив змеборства, является «Жизнь пустынных Отцев» пресвитера Руфина (70-е годы IV века). Мы читаем там о некоем египетском старце Аммоне, сначала приручившим двух драконов, которые стали защищать его от разбойников, а потом силой молитвы «Да поразит Тебя Христос, Сын Божий», способной поразить еще более страшного зверя, умертвил другого змея, опустошавшего соседние местности и убивавшего людей.

Самым известным святым-змеборцем был, вне всякого сомнения, св. Георгий Победоносец, по сказаниям, спасший царевну Бейрута от змея. Как гласит предание, дракон опустошал земли местного языческого царя и требовал себе в жертву женщин. Когда пришла очередь отдать чудовищу на растерзание царскую дочь, появился Георгий на коне и поразил дракона копьём, тем самым избавив несчастную царевну от смерти. Чудо это – добавим, посмертное –

активно способствовало обращению местных жителей в христианство. В христианстве сказание св. Георгия о змее имеет иносказательное толкование, под царевной понимается церковь, а под змеем – язычество. Сделанный из греческого оригинала в XII веке славянский перевод Чуда св. Георгия о змее – один из памятников древнерусской литературы. Согласно преданию, святым-змееборцем был также св. Федор Тирон, спасший от змея свою мать.

Славянский вариант данного сказания тоже появился очень рано, на рубеже XI–XII веков, что свидетельствует о его популярности на Руси. Змееборство св. Георгия нашло отражение в иконописи – святой на коне поражает копьем лежащего у конских копыт дракона в виде большой, зеленой рептилии с длинным хвостом [14].

Что касается прижизненного змееборства, согласно преданию, змееборицей была преподобная Елизавета Константинопольская, игуменья, жившая в V в. Святая прославилась главным образом как целительница, хотя в её житии найдём и «змееборческий эпизод».

В найденном в XXI столетии древнем византийском житии (изданном сестрами московского Иоанновского монастыря) упоминается, что Елизавета убила «змея лютого», который мучил окрестных жителей: «Ужасный змей губил многих, проходивших вблизи, и сделал это место совершенно непроходимым для всех, отчего весь город был охвачен скорбью и отчаянием, не зная, где искать спасения от такого несчастья. Узнав об этом от кого-то, святая, движимая божественной ревностью, взяла оружие честного креста, пришла на это место и, подняв очи к небу и призвав помощь свыше, она окликнула зверя и заставила выйти, хоть и против воли, из своего логова». Сам процесс «убиения» монстра был описан довольно подробно: «Запечатлев его крестным знаменем, отчего его пасть наполнил ась пеной, она схватила его за голову, и поправ ногами, убила со словами: «На аспида и Василиса наступивши, и попереши льва и змия», сама, огражденная честным крестом. И таким образом, она полностью освободила жителей города от его вреда» [15]. Как видим, главное значение при убийении монстра имели молитва и крест, хотя от святой потребовалось и физическая сила. Но здесь, в древнем тексте, обстоятельства змееборства, описаны достаточно подробно; причем учитывается и гендерная специфика: 1) это единственный случай женского змееборства в агиографии; 2) Елизавета умерщвляет змея, ступая пятой ему на темя.

Змееборство – важный элемент жития священномученика Ипатия Гангрского, жившего на рубеже III и IV вв. На территории нынешней Турции. Согласно преданию, святой по просьбе византийского Императора Констанция прибыл в Константинополь, где убил змея, закрывавшего вход в царскую сокровищницу.

«При Констанции, воцарившемся после смерти брата своего Константина, к Царскому дворцу, неизвестно откуда, приполз очень большой змей. Окружив царскую сокровищницу, где лежало много золота и другого богатства, он положил голову при входе в эту комнату, и никому не давал войти в неё» [3, № 291]. Император, отрезанный от своей казны, вызвал Ипатия. Тот велел растопить печь среди конского ристалища, а сам пошёл к змею и, «подняв очи к небу и призвав на помощь Господа, вложил в пасть змею жезл со словами «Во имя Господа моего Иисуса Христа следуй за мной» [3, № 291]. Змей действительно пошёл за святым в печь и там сгорел. Ипатий, так же как и св. Елизавета, убил змея, главным образом, с помощью молитвы.

Не очень типичен случай Макария и Евгения, которые самостоятельно змея не убили, не вступили с ним даже в борьбу. Как пишет Дмитрий Ростовский, оба святые, преследуемые византийским императором Юлианом Отступником, были сосланы в Оасим, далекое поселение в Аравийской пустыни. Там Евгений и Макарий узнали от местных жителей, что в близлежащей пещере живёт страшный дракон и захотели его увидеть.

«Их привели к месту обитания змея, – пишет Дмитрий Ростовский, – и издали показали пещеру, где он находился. Тогда святые, преклонив колени, помолились Богу, и внезапно последовал с неба удар грома и поразил змея. Убитый змей объят был пламенем и немедленно же сгорел, причём вместе с ним сгорел и песок, бывший в пещере, а над пещерою бурным, зловонным вихрем поднялась пыль. Увидев такое чудо, начальники страны, бывшие язычниками, уверовали во Христа» [3, № 172].

Здесь же, как видим, для убийства дракона святым Евгению и Макарию не потребовалось даже никаких физических усилий – молитвы было достаточно. Именно молитва – главное «оружие» всех святых змеборцев. Благодаря помощи Бога чудища тем или иным способом бывают умерщвлены.

Мотив змеборства очень характерен не только для агиографии, но и для рыцарского эпоса и его древнерусского варианта – былины. В известнейшей англосаксонской поэме «Беовульф», датируемой VII–VIII вв., главный герой является змеборцем, освободившим страну от опустошавшего её дракона, но сам в сражении с чудищем смертельную рану получившим. Змеборцем был и Зигфрид (Сигурд), один из важнейших персонажей германо-скандинавской мифологии, герой эпоса конца XII – начала XIII вв. «Песня о Нибелунгах». Обмазавшись кровью побежденного дракона, Зигфрид приобрел неуязвимость, однако небольшой участок спины остался незащищенным. Именно в это место и поразил Зигфрида предатель Хаген.

Драконов побеждали и три древнерусских богатыря – герои народного фольклора, Алеша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец. Первый из них победил грозного Змея Горыныча, второй – Тугарина змея. Литературовед-фольклорист, Всеволод Миллер в своей работе, посвященной былевому эпосу выдвигает гипотезу, что в народных сказаниях подвиг какого-либо исторического лица нередко облакается в фантастическую оболочку и считает, что во многих былинах, в том числе и в былине о Добрыне Никитиче, змей может являться символом сокрушенного язычества [12, 122].

Добавим, что такая интерпретация является абсолютно сходной с интерпретацией Чуда св. Георгия о змее. Мотив змеборства – борьбы с вавельским драконом – появляется и на рубеже XII–XIII вв. в польской летописи, которую написал Винценцы Кадлубек, и получает развитие в летописи Яна Длугоша (XV в.), однако там змеборцем является краковский князь Крак, скормивший чудовищу ягненка, начиненного смолой. «Однако, когда это стало более утомительным для князя, чем для жителей, которые боялись, чтобы после его смерти город не стал пустым, велел наполнить серой, трупой, воском, канифолью и смолой трупы животных, зажечь огнем и так бросить монстру, который с обычной для него прожорливостью проглотил их, сразу пал и умер от огня и пламени, охвативших его внутренности»¹ [4, 189], – пишет Длугош. Здесь можно заметить явную параллель с историей Ветхозаветного Даниила, тоже накормившего дракона смертоносной серой. Однако характер этой параллели (генетический, что вполне возможно, ведь латинский перевод Библии мог быть знаком Яну Длугошу), или типологический (т. н. «бродячий сюжет») в рамках данной статьи не представляется возможным полностью описать.

Мотив дракона и змеборства очень интересно показан в уже упомянутом нами необычном памятнике русской агиографической литературы XVI века – фантастично-сказочном «Житии Петра и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма. Это, заметим, очень нетипичное житие начинается с упоминания о князе Муроме Павле, к жене которого регулярно являлся бес-змей под видом её мужа: «Дьявол же, искони ненавидящий род человеческого, сделал так, что злой на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И, волшебством своим, перед ней он являлся таким, будто бы сам князь сидит со своей женой» [5, 630], – писал Ермолай-Еразм. Далее автор жития

¹Lecz, gdy to stało się bardziej uciążliwe dla księcia niż dla mieszkańców, który obawiając się, by po jego śmierci całkiem nie opustoszało miasto, rozkazał ścierwa rzucane smokowi wypełniać siarką, próchnem, woskiem, żywicą i smołą, zażec ogniem i tak rzucić bestii, która ze zwykłą jej żarłocznością pochłonawszy je, od żaru i płomieni trawiących jej wewnątrz od razu padła i zginęła.

рассказывает о том, как князь узнал о змее-обманщике: «Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала обо всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею. Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении» [5, 630]. Павел, наконец, решился на хитрость и подговорил супругу, чтобы та в свою очередь расспросила монстра, каким образом можно его убить.

«Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча» [5, 630], – сказал дракон княгине. Потом в житии речь идет о том, как брат князя, Петр, ищет Агриков меч и, вооруженный им, убивает змея: «И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом» [5, 631]. В этот момент история самого Петра только начинается, так как умирающий дракон обрызгал князя кровью, приведя к тяжелой болезни: «Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпами, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его» [5, 632]. От язв вылечила князя Петра только крестьянка Феврония, его будущая жена.

Как видим, в «Повести о Петре и Февронии» мы сталкиваемся с исключительно интересной трактовкой темы. Представление об огненном змее – нечистом духе, который способен принимать то вид дракона, то человека и соблазнять женщин, находим в восточнославянских легендах. Согласно им, змий является тем женщинам, которые нарушали запрет сильно горевать по умершему мужу или тосковать по нём, если находился в отлучке. Змий также получал доступ к женщине, потерявшей невинность до брака [9]. Здесь сталкиваемся с не имевшей аналогии имплементацией того же легендарного мотива в агнографической литературе. Добавим также, что «Повесть о Петре и Февронии Муромских» была написана по заказу митрополита Макария, однако из-за «исключительной легендарности» (в том числе и из-за появлявшегося там мотива дракона) в Великие Четьи-Минеи это житие не было включено.

Начиная с XVI в. в европейской, в том числе и в русской, литературе наблюдается значительное снижение популярности данного мотива. В связи с развитием рационализма данный мотив или удаляется вообще, или уходит на более дальний план. В житиях в редакции св. Дмитрия Ростовского упоминания о змеборстве святых намеренно вытесняются.

О святой Елизавете Дмитрий Ростовский пишет, что «совершала и многие чудеса: однажды она умертвила молитвою свирепого змея» [3, № 367]; а в его же редакции жития Петра и Февронии вообще ни разу не упоминается о змее. Впрочем, о змееборстве Ипатия Гангрского, св. Евгения, Макария и св. Георгия Победоносца у святителя упоминается более пространно.

Появление мотива змееборства, довольно частотного в житийной литературе (от ранне-византийского автора пресвитера Руфина до нашего соотечественника, святителя Дмитрия Ростовского), можно объяснить рядом причин: 1) символическим (архетипическим) отображением борьбы добра и зла; 2) гиперболой: расширением и преувеличением реальной борьбы человека с хищными животными и пресмыкающимися, сильно приукрашенным народной фантазией. Ведь и в Библии (эпизоды с юным Давидом, а также пророком Даниилом) описана реальная борьба со львами, обитавшими в Палестине вплоть до пятого века до нашей эры, когда их окончательно истребили.

Мы в основном проанализировали мотив змееборства по житиям, составленным Димитрием Ростовским, автором актуальной по сей день энциклопедии вселенской святости. Относительно же мотива змееборства можно предположить следующее: с одной стороны, красочная борьба с драконами, символизирующая противостояние добра и зла, укладывалась в нормы поэтики барокко, в рамки художественного метода составителя. И традиция тоже тому же способствовала. Невозможно было написать о св. Георгии, не упомянув о змееборстве. С другой стороны, в петровскую эпоху, когда значительно расширилось представление об окружающем мире, змеи и драконы переставали быть актуальными. Святитель Дмитрий Ростовский, скорее всего, балансировал между обеими тенденциями. Возможно, часть материалов ему не была доступна. Поэтому в некоторых житиях (святых Елизаветы, Евгения и Макария) он кратко упоминает о борьбе с чудовищами. Но исследование творческой эволюции святителя (в том числе и в ракурсе интерпретации им мотива змееборства) не входит в задачи нашей статьи.

Мотив змееборства, подзабытый в XVIII и XIX в. (хотя исследователи замечают его отражения в эпоху романтизма, в творчестве А. К. Толстого [16]), с новой силой заявляет о себе в XX столетии.

В начале столетия А. М. Ремизов пишет свою довольно оригинальную версию «Повести о Петре и Февронии Муромских». В его переделке повести безымянная у Ермолая-Еразма жена Павла, княгиня получает имя «Ольга». Писатель-серебряновечник тщательно разрабатывает также и психологический портрет Ольги – несчастной и нелюбимой женщины, которая страдает в одиночестве во время многочисленных поездок мужа-князя. Именно из-за невнимательности

и равнодушия супруга Ольга поддалась уговорам змея-обольстителя. А. М. Ремизов добавляет в сказание нового персонажа – «Божьего человека», Ласку, который всегда говорит всем правду в глаза. Князь Павел, держащий злость и обиду на жену за измену со змеем, встречает в лесу Ласку и спрашивает его, как ему дальше быть с княгиней:

«Надо ей на волю, сказал Ласка, она у тебя в темнице. Ты ее возьми с собой.

– Не в обычай, – сказал Павел, – да ей и дома не на что жаловаться: сад у ней и пруд, бобры и лебеди.

– Воли нет.

– А что ты знаешь о огненном Змее.

– Огненный Змей летит на тоску. Белые крылья, зеленые у Дракона, и сам как листья зеленый, Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьём проткнул» [18, 522].

В редакции Ремизова Ольга была действительно настолько несчастной в браке, что не перенесла смерти любовника-змея, и когда Петр убил монстра, она захлебнулась его кровью.

А. М. Ремизов отнюдь не был единственным писателем начала века, который в своих произведениях использовал мотив змеборства. Ученые пишут о его влиянии, например, на творчество И. С. Шмелева [7]. Очень интересной является трактовка мотива змеборства – как борьбы с тоталитаризмом – в известной пьесе-причте Евгения Львовича Шварца «Дракон» (1942–1944) и в ещё более известном фильме Марка Захарова «Убить дракона», снятом по мотивам этой же пьесы.

Над созданием пьесы Шварц трудился с 1942 по 1944 год, находясь в эвакуации в Сталинабаде. Сюжет пьесы такой: странствующий рыцарь Ланцелот, дальний потомок сэра Ланцелота из артурианских легенд случайно попадает в город, в котором правит жестокий Дракон.

Все убеждения, которые озвучивали отдельные жители государства, куда забрел странствующий Ланцелот, были вложены в их головы Драконом. У людей не осталось своего мнения, своих мыслей.

Жители города каждый год должны были дать в жертву дракону невинную девушку (здесь очень явная аллюзия на житие св. Георгия Победоносца). К огромному удивлению Ланцелота оказывается, что большинство горожан смирились с этим фактом: местный архивариус объясняет ему даже, что это местная традиция, которой больше четырёхсот лет... Тем временем в городе начинается хаос и анархия. Постепенно устанавливаются новые порядки, герой не намерен позволить чудовищу уничтожить очередную жертву – он, как истинный рыцарь, вызывает Дракона на дуэль. Он побеждает чудовище, но победу над Драконом присваивает себе местный бургомистр.

Хотя Ланцелот пробует объяснить жителям, что смерть Дракона сама по себе не имеет никакого значения и каждый должен еще убить Дракона в себе, в своей душе, они его не понимают и начинают считать своим правителем и господином. Драконы не живут там, где их нет и в помине, то есть в головах людей. И это значит, некоторые люди даже и недостойны быть без драконов, не достойны быть сами по себе. Ведь вспомните, что происходит после того, как Ланцелот убивает «ящера»? Начинается разгул и бесчинство людей. Эти люди не достойны быть сами по себе и жить, как им заблагорасудится, и судьба преподносит им «подарок» – еще одного Дракона. Не за это боролся храбрый змеборец. Он уходит из города, а по дороге встречает... убитого им Дракона, который играет с местными детьми.

Помимо темы конфликта диктатуры государства, общества с индивидуальностью раскрыта тема более глубокого и древнего конфликта – добра со злом, правды с заблуждениями, свободы воли с рабством страха, силы морали со смрадом подлости. Недаром посыл Ланцелота к несчастным рабам – «Убить дракона в себе! Свобода от диктатора» – не имеет смысла, ведь злобный диктатор внутри них. Рассматривая фильм Марка Захарова в христианском контексте, можно заметить, что Дракон-Звероящер имеет все характеристики Сатаны. Да и к тому же в фильме присутствуют как явные христианские символы – молитва, лики святых, так и менее явные – свет божественный (когда Ланцелоту выключают свет, а он уходит от тьмы) и свет дьявольский (действия Дракона сопровождаются ослепительным светом, к слову, *lucifer* – «светоносный»). Да и сам Ланцелот похож на святого мученика – все надеются на спасение от него, но запуганное большинство клеветает и сторонится героя. А битва рыцаря и Дракона на небесах показывает то, что перед нами извечная борьба света и мрака. То есть в эпоху глухого госатеизма в произведении проявились именно классические христианские мотивы и миропонимание.

Аллегории можно истолковать и в социально-историческом ключе: город, погрязший в трясине, – это СССР; Дракон – это компартия; а добрый рыцарь Ланцелот – это интеллигенция, лишь одна знает, как вывести народ к свету демократии. Забыв, правда, спросить народ – а нуждается ли народ в этом?

То есть тут вновь мы наблюдаем символичность мотива как отображения борьбы со злом. Пьеса-причта Шварца направлена не только против сталинизма, свидетелем которого был сам автор, но и против любого тоталитаризма. Змей-дракон выступает в ней в традиционной роли символа зла, но зло это является не только внешним, но и внутренним [20]. И борьба с ним носит не социальный, а аскетический характер.

Но только *конец XX – начало XXI вв. приносит полную переоценку мотива дракона и змеборства*. В массовой культуре (прежде всего, в кинематографии) складывается новый образ змея – он уже не кровожадное чудовище и не олицетворение зла, но симпатичный, даже немного забавный монстр. То есть отношение и восприятие драконов перевернулось на 180 градусов, или вернулось к тем древним временам, когда их воспринимали как положительных персонажей.

В старой-новой трактовке дракон не только не мешает, но зачастую даже помогает героям. Этот образ популяризовала прежде всего детская литература.

Одним из первых, кто предпринял попытку переосмыслить давний образ, является польский детский писатель, Станислав Пагачевский (1916–1984). Пагачевский в конце 60-х годов издал трилогию о приключениях профессора Бальтазара Гомпки («Похищение Бальтазара Гомпки» (польск. „Porwanie Baltazara Gąbki”), «Экспедиция профессора Гомпки» (польск. „Wyprawa profesora Gąbki”) и «Гомпка и летающие тарелки» (польск. „Gąbka i latające talerze»), которая в самом скором времени вошла в классику детской литературы. Одним из главных героев трилогии является Вавельский Дракон (Smok Wawelski), который по просьбе краковского князя Крака возглавил экспедицию в Страну Дождевиков, чтобы найти пропавшего без вести биолога, Бальтазара Гомпку. Дракон – самый симпатичный, спокойный и ответственный из героев Пагачевского, на него всегда можно рассчитывать. На основании цикла Пагачевского в 1969–1980 гг. в Польше было снято два мультипликационных сериала по 13 серий каждый: «Похищение Бальтазара Гомпки» и «Экспедиция профессора Гомпки», которые еще больше популяризовали новый образ „Вавельского Дракона”, так в Польше, как и в мире. О драконах речь идет и в другом романе Пагачевского – «Приключение на Родосе» (польск. „Przygoda na Rodos”).

Полное переосмысление мотива дракона – как и многих других сказочных мотивов – дает также изданный в 1990 г. иллюстрированный рассказ «Шрек» (англ. „Shrek”) американского детского писателя Уильяма Стейга, который в 2001 г. был экранизирован американской анимационной киностудией Dreamworks Pictures. В этом, сильно постмодернистском, мультфильме очень много интертекстуальных ссылок [8], в их числе есть и интересующий нас мотив змеборства. Главный герой рассказа, зеленый огр Шрек, вместе с говорящим Ослом по приказу лорда Факуада должен освободить из охраняемой драконом башни его будущую невесту, принцессу Фиону. Шрек и Осел отправляются к замку, огр надевает шлем и наплечники, оставшиеся от убитых драконом рыцарей. Появившийся внезапно дракон взмахом хвоста забрасывает Шрека в башню и остается наедине с Ослом.

Е. В. Никольский, Д. Вальчак

Оказывается, что это не дракон, а Дракониха, которая влюбляется в Осла. Осел, правда, коварно садит Дракониху на цепь и убегает из замка вместе со Шреком и Фионой, но, тем не менее, в конце рассказа Осел и Дракониха мирятся, и Дракониха соглашается помочь Ослу и Шреку отбить Фиону у Лорда Фаркуада. Странная семейная пара – Осел и Дракониха – появляется и во второй и третьей части «Шрека», уже как родители шестерых маленьких драконо-осликов.

Создатели «Шрека» сняли потом три серии фильма «Как приручить дракона» (англ. „How to Train Your Dragon”, первая часть – 2010 г.), в котором герои, сперва борющиеся с драконами, начинают жить с ними в мире и согласии.

С подобным пародийным переосмыслением мотива мы встречаемся потом и в русской культуре, в российском цикле полнометражных мультипликационных фильмов, повествующих о приключениях трех самых известных русских богатырей – Алёши Поповича, Добрыни Никитича и Ильи Муромца. Осенью 2008 года был выпущен сборник первых трёх частей от концерна «Союз». Начиная с 2010 года, фильмы этой серии стали выходить по одному в год. И мультфильм «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» продолжил и развил занятную традицию веселого «осовременивания» старых сюжетов. Так, одним из героев цикла является лучший друг Добрыни Никитича, Змей Горыныч. Сюжет данного мультфильма весьма очевидный. Из Киева «выкрали» принцессу, и великий князь послал своего самого сильного богатыря «наказать» мошенников. Миссия перед Добрыней стоит непростая: необходимо спасти княжескую племянницу Забаву из лап «лютого» Змея Горыныча. Он абсолютно нестрашен, скорее смешон и немного глуповат, хотя в то же время добр и гостеприимен. У Змея Горыныча три головы, которые беспрестанно ссорятся друг с другом. Вместо того, чтобы бороться с богатырями не на жизнь, а на смерть, Горыныч помогает им остановить захват власти купцом Колываном. Змей Горыныч, проигравшийся Колывану (о, значительная фигура!) и умыкнувший Забаву, вызывает смех и сочувствие, особенно, когда расплачивается за свое предательство.

В следующих сериях герои используют Горыныча в качестве средства передвижения, например, для путешествия в Египет. В мультфильме упоминается о том, что у Змея есть родственники в Китае, где он сам какое-то время служил Священным Драконом в местном монастыре.

Интересный пример переосмысления мотива змеборства в попкультуре – российская фэнтезийная мелодрама «Он – дракон» Индара Джендубаева, снятая в 2015 г. по мотивам романа Сергея и Марины Дяченко «Ритуал». Сюжет фильма разворачивается в условном средневековом русском городке. В начале фильма узнаем,

что издревле на земле обитали драконы, которым жители приносили в жертву молодых девушек. Жених одной из жертв отправился спасать её, но оказалось слишком поздно: девушка погибла. Убийцу дракона начали называть Драконоборцем, а древний ритуал – приносить девушек в жертву дракону – стал частью свадебного ритуала.

Много лет спустя княжна Мира выходит замуж за Игоря, внука Драконоборца. Во время ритуальной песни дракон действительно появился и унес невесту. Мира оказалась пленницей на небольшом острове, где знакомится со странным юношей, не знавшим своего имени. Мира сперва думает, что её новый знакомый – она начинает называть его Арман – тоже пленник дракона, но вскоре оказывается, что он сам и есть похитивший её дракон. Хотя он внешне похож на человека, иногда превращается в дракона и в эти моменты не может себя контролировать. Мира, узнав печальную историю жизни Армана, решается остаться с ним на острове. В конце фильма зрители узнают, что герои живут дружно и спокойно, у них родилась дочь.

Подобные примеры можно было бы множить – книг и фильмов, переосмысливающих мотив дракона и змеборства, найдется неисчислимое количество. Отчасти эту переоценку можно связывать с развитием постмодернизма и его главными установками.

У мотива змеборства огромное количество значений, но в основном их можно разделить на две основных группы. Во-первых, это борьба с единым злом в лице змея [6, 656], а во-вторых, борьба с чужими народами, коих олицетворяет змей.

В странах Африки есть большое количество племен, поклоняющихся большим змеям – варанам. Кажется очень возможным, что *произошла гиперболизация и в сознании* посещавших Африку европейцев – вараны превратились в драконов. Очень возможно также, что появление легенд и преданий о драконах косвенно связано с динозаврами. Люди часто находили кости и целые скелеты огромных рептилий и, не исключено, принимали их за кости драконов. Довольно часто их находили в пещерах и скалистых местностях, где по геологическим причинам, били гейзеры и горячие источники, а температура была значительно выше, чем на земной поверхности, это, в свою очередь, могло привести к появлению мотива огненного дыхания, или извержения пламени.

Такая версия события появляется уже в «Фараоне» польского автора Болеслава Пруса (1895), повторяется, например, в «Лилее» (2006) русской писательницы Елены Чудиновой. В её романе речь идет о Российской империи в период правления Екатерины Великой, а также о сопредельных территориях, в частности Алтае, где герой, отец Модест, находит кости доисторической рептилии и воспринимает их как останки дракона. Такое представление было

вполне адекватным для его времени, пока не были свершены эпохальные открытия в естествознании.

В частности, серьезное изучение динозавров начинается только в XIX веке (начиная с 1830-х годов), его развитие связано с распространением теории эволюции Чарльза Дарвина. А общедоступной информация о них становится только в конце столетия. Отражением этой тенденции стала также художественная литература. Так, в 1912 г. вышел в свет известный роман Артура Конан Дойля «Затерянный мир» (англ. „The Lost World”), герои которого в Южной Америке встречаются с выжившими там динозаврами. «Затерянный мир» пользовался огромной популярностью (он был экранизирован уже в 1920-е годы) и сильно повлиял на распространение знаний о динозаврах среди широкого круга читателей и зрителей. У английского метра авантюрного-фантастического романа, как мы помним, речь шла о совместном существовании людей и динозавров. Интересны образы драконов в популярнейшем «историко»-фэнтезийном сериале «Игра престолов». Но это красивая сказка для взрослых, поучительная, но все же сказка.

Хотя и сейчас мы можем столкнуться с совершенно антинаучными мнениями о том, что драконы – это не вымершие динозавры, которые жили одновременно с людьми. Хотя бы в допотопные времена, возможно, потому, что те могли не поместиться в Ноев Ковчег, или почти полностью вымереть после глобального наводнения из-за изменения климата.

Именно так утверждает священник Тимофей, автор книги «Православное мировоззрение и современное естествознание» [19], а также депутат в парламент ЕС от Республики Польша, Мацей Гертых. Последний на пресс-конференции в 2006 г. утверждал, что динозавры жили одновременно с людьми. «Исследования подтверждают факт, что динозавры жили одновременно с людьми. Изю всех культур к нам поступает информация, что мы их помним. Шотландцы помнят монстра из Лох-Несса, мы [поляки – *Е. Н., Д. В.*] – Вавельского дракона, а Марко Поло писал о том, что в Китае дракон тянул императорскую карету»¹ [11], – говорил тогда Гертых. Абсурдность ситуации усугубляет факт, что Мацей Гертых вовсе не полуграмотный человек, а... профессор, доктор биологических наук.

Это обстоятельство можно объяснить тем, что оба автора следуют распространённой среди православных и протестантских (а порою и католических) фундаменталистов идее т. н. «младоземельного креационизма» (пара-научной и пара-

¹ Badania pokazują, że dinozaury były współczesne ludziom. Ze wszystkich kultur docierają informacje, że je pamiętamy. Szkoci – potwora z Loch Ness, my – smoka wawelskiego, a Marco Polo pisał, że smok był zaprzężony do karety cesarskiej w Chinach.

христианской доктрины о том, что якобы Земля существует 7500 лет, или и того меньше). То есть в их «системе координат» реальным становится почти конандойлевская сказка, а «фантастическим» серьезное, как естественнонаучное, так и богословское (в свете идей Тейярда де Шардена) осмысление истории жизни на Земле.

Но, несмотря на всю очевидную антинаучность (и даже богословскую несуразность) высказывании свящ. Тимофея и М. Гертыха, их наличие тоже является косвенным свидетельством того, что мотив дракона и змеборства имеет большое значение для мировой культуры. Он все еще вызывает эмоции и будоражит умы. Поэтому возможны иные варианты и развитие этого архетипического мотива, как в религиозной, так и в светской литературе.

Литература

1.Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира. Москва: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1. С.110.

2.Бахтин М.М. Хронотоп. Греческий роман [Электронный источник] М. М. Бахтин. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-hronotop/grecheskij-roman.htm> (дата обращения: 10.03.2020).

3.Димитрий Ростовский. Жития святых [Электронный источник] Дмитрий Ростовский. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/ (дата обращения: 10.03.2020).

4. Długosz J. Jana Długosza Roczniki, czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Księga pierwsza. Księga druga do 1038 [Jan Długosz Annals, or the chronicles of the famous Kingdom of Poland. Book one. Book two – to 1038]. Przeł. S. Gawęda. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 2009. 448 s.

5.Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. Сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. Москва: Художественная литература, 1984. С. 626–663.

6.Золотова Т. А., Трофимов Г. А., Чуракова Н. И. Основной миф и его отражение в фольклоре и массовой литературе // Фундаментальные исследования. 2014. № 3-3. С. 651–657.

7.Кияшко Л. Н. Чудо Георгия о змие в прозе И. Шмелева (повесть „Неупиваемая чаша“) // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 68–73.

8.A List of Spoofs and References in PDI/DreamWorks Animated Shrek [Электронный источник]. URL: <http://www.digitalmediafx.com/Shrek/shrekfeature07.html> (дата обращения: 10.03.2020).

9.Лызлова А. С. Фольклорный мотив похищения женщины змеем в литературной традиции // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 51–62.

10. Малый академический словарь. Ред. А.П. Евгеньева. Москва: Институт русского языка Академии наук СССР. 1957–1984.

11. Maciej Giertych: Dinozaury żyły w czasach ludzi [Электронный ресурс] М. Giertych. URL: <https://wyborcza.pl/1,76842,3696597.html> (дата обращения: 10.03.2020).

12. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былевой эпос. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 398 с.

13. Пасечник В. В. Змееборство как космогонический аспект иранской мифологии // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2010. № 3. С. 84–90.

14. Пасеева А. И. Образ змея в творчестве А. К. Толстого и А. Н. Толстого // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2018. № 6. С. 180–186.

15. Преподобная Елизавета, чудотворица Константинопольская. [Электронный источник]. Преподобная Елизавета. URL: <http://ioannpredtecha.ru/2014/11/18/prepodobnaya-elizaveta-chudotvorica-igumeniya-konstantinopolskaya/> (дата обращения: 10.03.2020).

16. Рабинович Е. Г. О происхождении некоторых повествовательных тенденций древней и новой литературы (предварительные замечания) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2008. № XII. С. 371–378.

17. Регинская Н. В. Образ Святого Георгия Победоносца в примитивной иконописи // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2009. Т. 184. С. 218–235.

18. Ремизов А. М. О Петре и Февронии Муромских // Ремизов А. М. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Русская книга, 2000–2003. Т. 6. С. 519–538.

19. Тимофей, свящ. Православное мировоззрение и современное естествознание [Электронный ресурс] Свящ. Тимофей. URL: <https://www.e-reading-lib.com/chapter.php/51035/128/pravoslavnoe-mirovozzrenie-i-sovremennoe-estestvoznanie.html> (дата обращения: 10.03.2020).

20. Хорькова М. Убить дракона... в себе. О пьесе Евгения Шварца «Дракон» // Татьяна день. 2007. 29 марта. [Электронный источник]. URL: <http://www.taday.ru/text/30933.html>

REFERENCES

1. Averintsev S.S. Arkhetipy [Archetypes] // Mify narodov mira [Myths of peoples of the world]. T.1. Mosco, 1980. Pp. 110.

2. Bakhtin M. M. Khronotop. Grecheskiy roman [Chronotope. Greek novel [Elektronnyu istochnik] M. M. Bakhtin. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/bakhtin-hronotop/grecheskiy-roman.htm> (accessed: 10.03.2020).

3. Dimitriy Rostovskiy. Zhitiya svyatykh [Lives of the Saints [Elektronnyy istochnik] Dmitriy Rostovskiy. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/ (accessed: 10.03.2020).

4. Długosz J. Jana Długosza Roczniki, czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Księga pierwsza. Księga druga do 1038. Transl. S. Gawęda. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 2009. 448 p.

5. Yermolay-Yerazm. Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh [The Tale of Peter and Fevronia of Murom] // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka [Monuments of Literature of Ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century]. Ed. L. A. Dmitriyev, D. S. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. Pp. 626–663.

6. Zolotova T. A., Trofimov G. A., Churakova N. I. Osnovnyy mif i yego otrazheniye v folklоре i massovoy literature [The main myth and its reflection in folklore and mass literature] // Fundamental'nyye issledovaniya [Fundamental Researches]. 2014. № 3-3. Pp. 651–657.

7. Kiyashko L. N. Chudo Georgiya o zmiye v proze I. Shmeleva (povest' „Neupivayemaya chasha”) [The miracle of George about the serpent in I. Shmelev's prose (the story “Inexpressible Chalice”) // Mir russkikh slov [The world of Russian words]. 2012. № 2. Pp. 68–73.

8. A List of Spoofs and References in PDI/DreamWorks Animated Shrek [Elektronnyy istochnik]. URL: <http://www.digitalmediafx.com/Shrek/shrekfeature07.html> (accessed: 10.03.2020).

9. Lyzlova A.S. Folklornyy motiv pokhishcheniya zhenshchiny zmeyem v literaturnoy traditsii [The folklore motif of abducting a woman by a dragon in a literary tradition] // Problemy istoricheskoy poetiki [Problems of historical poetics]. 2008. № 8. Pp. 51–62.

10. Malyy akademicheskiy slovar' [A small academic dictionary]. – Ed. A.P. Yevgen'yeva. Moscow: Institut russkogo yazyka Akademii nauk SSSR. 1957–1984.

11. Maciej Giertych: Dinozaury żyły w czasach ludzi [Maciej Giertych: Dinosaurs lived in human Times]. [Elektronnyy resurs] M. Giertych. URL: <https://wyborcza.pl/1,76842,3696597.html> (accessed: 10.03.2020).

12. Miller V. F. Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti. Bylevoy epos [Essays on Russian folk literature. Old epic]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt, 2019. 398 p.

13. Pasechnik V. V. Zmeyerborstvo kak kosmogonicheskyy aspekt iranskoj mifologii // Vestnik Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii [Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy]. 2010. № 3. Pp. 84–90.

14. Paseyeva, A.I. Obraz zmeya v tvorchestve A. K. Tolstogo i A. N. Tolstogo [The image of a dragon in the works of A. K. Tolstoy and A. N. Tolstoy] // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept [Scientific and methodological electronic journal Concept]. 2018. № 6. Pp. 180–186.

15. Prepodobnaya Yelizaveta, chudotvoritsa Konstantinopol'skaya. [Elektronnyy istochnik]. Prepodobnaya Yelizaveta. URL: <http://ioannpredtecha.ru/2014/11/18/prepodobnaya-elizaveta-chudotvorica-igumeniya-konstantinopolskaya/> (accessed: 10.03.2020).

16. Rabinovich Ye. G. O proiskhozhdenii nekotorykh povestvovatel'nykh tendentsiy drevney i novoy literatury (predvaritel'nyye zamechaniya) [On the origin of some narrative trends of ancient and new literature (preliminary remarks)] // Indoyevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]. 2008. № XII. Pp. 371–378.

17. Reginskaya N. V. Obraz Svyatogo Georgiya Pobedonosta v primitivnoy ikonopisi [The image of St. George in primitive icon painting] // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Works of St. Petersburg State University of Culture and Arts]. 2009. T. 184. Pp. 218–235.

18. Remizov A.M. O Petre i Fevronii Muromskikh [About Peter and Fevronia of Murom] // Remizov A. M. Sobraniye sochineniy v desyati tomakh [Collected works in ten volumes]. Moscow: Russkaya kniga, 2000–2003. Vol. 6. Pp. 519–538.

19. Timofey svyashch. Pravoslavnoye mirovvozzreniye i sovremennoye yestestvoznaniye [Orthodox worldview and modern science]. [Elektronnyy resurs] Svyashch. Timofey. URL: <https://www.e-reading-lib.com/chapter.php/51035/128/pravoslavnoe-mirovvozzrenie-i-sovremennoe-estestvoznanie.html> (accessed: 10.03.2020).

20. Khor'kova M. Ubit' drakona... v sebe. O p'yese Yevgeniya Shvartsa «Drakon» [Kill the dragon ... in yourself. On the play of Eugene Schwartz's "Dragon"] // Tat'yanin den'. 2007. 29 marta. [Elektronnyy istochnik]. URL: <http://www.taday.ru/text/30933.html> (accessed: 10.03.2020).

THE PERSONIFICATION OF EVIL?

THE MOTIF OF DRAGON-FIGHTING IN RUSSIAN CULTURE

E. V. Nikolsky

Doctor of Philology (Dr. hab.), Professor, Doctor of Theology, Master of Religious Studies, Expert of the Scientific and Publishing Council for the Publication of the Full Collection of the Works by St. Theophan the Recluse, Avgustyn Voloshyn Carpathian University (Uzhhorod, Ukraine)

D. Walczak

Master of History, Master of Art History, Master of Philology,
PhD Student at the Faculty of History, University of Warsaw
(Warsaw, Poland)

The eternal struggle between the good and the evil has worried mankind since time immemorial and was one of the main topics in the oral tradition and fiction. For the most part, the evil was allegorically depicted as a terrible serpent or a dragon. While Christianity tended to be hostile towards creeping reptiles, snakes and dragons were not purely negative characters in the era of ancient Germanic peoples, and the struggle of gods and heroes with these reptiles had a deeper meaning than an ordinary single combat.

If we take a closer look at the abundant and heterogeneous ethnographic material, we can notice that the dragon-fighting motif itself is clearly of prehistorical (archetypical) origin. Legends about dragons and snakes exist in all cultures and on all continents: from Europe and Asia through Africa to Latin America.

The oldest mention of dragon-fighting can be found in the Old Testament, in chapter 14 of the Book of Daniel. A dragon is also mentioned in the Book of Revelation, where Archangel Michael fought the beast. In contrast with, for example, the Chinese culture, where dragons are positive characters, the European culture has always considered the dragon to be an antihero, a personification of the animal element which is fought against and defeated by the protagonist. In this context, dragon-fighting can be viewed symbolically as a reflection of the fight against the evil in the world.

In this article, the authors try to identify the genesis and trace the development of the dragon-fighting motif in Russian culture, which adopted it from Byzantium through hagiographic literature but soon developed its original versions, notably the unusual example of “The Tale of Peter and Fevronia of Murom”.

Keywords: dragon, serpent, dragon-fighting, evil, hagiographic literature, epic, hagiography, prophet Daniel, Saint Dimitry of Rostov, fantasy, archetypes

Для цитирования: Никольский Е. В., Вальчак Д. Олицетворение зла? О мотиве змеборства в русской культуре // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 76–99.

Поступила в редакцию 16.05.2020

РАЗДЕЛ IV. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

ББК 81.411.2-5

УДК 811.161.1'373

Н. В. Патроева¹

Петрозаводский государственный университет

nvpatr@list.ru

«ПЕТРОЗАВОДСКИЕ СЕВЕРНЫЕ ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ...» Т. В. БАЛАНДИНА В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ О «СТАРОМ» И «НОВОМ СЛОГЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА»

Тихон Васильевич Баландин (ок. 1748–1830) – карельский писатель-краевед, автор сочинений об истории Петрозаводска, Олонца, дворцов Петра I на Петровском заводе и в Марциальных водах, стихотворений в честь Г. Р. Державина, житийной повести о святом Фаддее Петрозаводском и других произведений. В статье рассматриваются некоторые особенности речевой и стилистической манеры Т. В. Баландина, отраженные в его сочинении «Петрозаводские северные вечерние беседы...» (1814 г.). Новизна и актуальность исследования обусловлены отсутствием специальных работ, посвященных слогу отечественной исторической прозы эпохи становления стилистических и грамматических норм современного русского литературного языка. «Петрозаводские северные вечерние беседы...» отражают влияние официально-делового стиля на язык исторической литературы, а также слога М. В. Ломоносова. В ходе анализа речевой ткани баландинского текста используются описательный, сопоставительный, индуктивный методы исследования.

Сочинение Т. В. Баландина демонстрирует чрезвычайную усложненность синтаксического строения, в изобилии употребляемые громоздкие конструкции, ведомственные термины, традиционно-книжные архаичные канцелярские слова и выражения, далекие от той живой народной речи, грамматические и лексические старославянизмы, синтаксические галлицизмы (например, абсолютные обособленные

¹ Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия.

причастные и деепричастные обороты), латинизмы, неустойчивость орфографических и пунктуационных норм, отсутствие их строгой кодифицированности. «Петрозаводские северные вечерние беседы...» свидетельствуют о важности изучения процессов становления русской исторической прозы, слога провинциальных писателей-краеведов для расширения научных представлений о тенденциях, протекавших в недрах речевой системы пушкинской эпохи, о сложном пути выработки единых норм общелитературного языка в рамках различных его жанрово-стилистических разновидностей.

Ключевые слова: стиль исторической прозы, история русского литературного языка, галлицизм, старославянизм, краеведение, грамматическая норма, орфографическая норма

*На величественных берегах моря Варяжского, там,
где вечно юные сосны смотрятся в струи Невы крошечные,
в отдалении от пышного града Петрова и вечного грохота,
по стонам его звучащего, при склонении солнца багряного
с неба светлого в волны румяные, часто люблю я наслаждаться
красотой земли и неба великолетием, склоняясь под тень деревьев
высоких и обращая в мыслях времена протекшие*
(В. Т. Нарезный. Славенские вечера).

«Петрозаводские северные вечерние беседы повествовавших старцев о первоначальном открытии местоположения и на оном о построении, существовании, продолжении и о уничтожении вододействуемых Петровских пушечных заводов и оружейных фабрик, и с населением из разных мест крестьян, выведенных со следующими к тому дополнениями, и о построенных вновь Александровских пушечных заводов, и о пр[очем] с принадлежащими замечаниями»¹ – столь пространно изложенное название «творения шихтмейстера Тихона Васильева», которое, как сообщает автор, «писано в Петрозаводске 1814 года», современному читателю может показаться уже непривычно длинным, излишне многословным, однако именно такой тип заглавий, вбирающих в себя описание того, о чем будет далее рассказано, являлся обычным для художественной, публицистической, деловой либо научной литературы рубежа XVIII–XIX в. Отметим очевидную переключку заглавия баландинского произведения, причудливо соединяющего пространственные и временные атрибуты, с ломоносовским «Вечерним размышлением о Божием величестве

¹ Здесь и далее текст цит. по изданию [1].

Н. В. Патрова

при случае великого северного сияния», и с циклом рассказов В. Т. Нарезного «Славенские вечера» 1809 г., который вполне мог быть знаком карельскому любителю отечественной словесности, и с наименованием созданного в 1811 г. и возглавлявшегося А. С. Шишковым кружка русских писателей-«архаистов» «Беседа любителей русского слова», но само изобретенное Т. В. Баландиным заглавие оригинально с точки зрения стержневого компонента «беседы», до этого специально в функции заглавия не использовавшегося¹.

Уже с первых строк внимание заинтересованного читателя «Бесед» привлекает причудливое сочетание в речевой манере автора традиций старорусской житийной литературы, и «чувствительности» тона сентименталистской художественной прозы, и торжественности изложения исторических сочинений, и, напротив, суховатого слога канцелярских документов.

Обилие в баландинских «беседах» причастий и отвлеченных имен существительных с процессуальным и качественным значением, прилагательных, в том числе в формах сравнительной и превосходной степени, нередко двукорневых, извлеченных из церковнославянских источников и подобных древнегреческим атрибутам, в больших по объему фразах свидетельствует о тяготении автора к традициям так называемого «старого» слога сторонников А. С. Шишкова и его последователей, а кроме того, стилю «плетения словес», период расцвета которого пришелся на XIV–XVI вв. (например: *«тогда побудительной мой дух из горячайшаго желания и любопытства по таковой важнейшей интересной материи вовлек меня всеохотно, яко в плодоносный, благоуханный, прекрасный вертоград, и потому с отроческою невинною ласковостию и гибкостию просить помянутых заседающих повечерно в доме у отца моего простодушных и седилами украшенных старцов, дабы они упоминаемыми, самовидными, свидетельствуемыми и изъустно преданными вышеобъявленными беседами удовлетворили удовольствовать всежелательной дух мой, приверженной к древности, к написанию того их повествования на всегдашнее воспоминание дражайшаго посетителя нашея страны – великаго монарха и истребившихся Петровских заводов и фабрик»;*

¹ Сочинение А. Н. Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества» и опубликовавший его масонский журнал «Беседующий гражданин», вышедший в свет в Санкт-Петербурге» в течение 1789 г. и закрытый по причине публикации этой статьи, едва ли могли быть известны Т. В. Баландину.

На наш взгляд примечательно, что полтора века спустя после завершения Баландиным своего труда, Ю. М. Лотман назовет цикл очерков, посвященных отечественной культуре XVIII–начала XIX в., «Беседы о русской культуре».

«И подобно яко орла, парящаго в разные годы и времена, как на плавающих по разным морям, озерам и рекам на составленных в разных флотах караблях, фрегатах, брандерах, галерах и прочей морской флотилии судах, и горными, яко лев, повсюдно обтекающими, непроходимыми по горам, дубравам, дебрям, болотам и пропастям земным и по равнинам, устилающими путями, неутомимыми и деятельными, благоуспешными, интересными и победоносными маршами»).

Рядом с контекстами, свидетельствующими о следовании автора общей тональности современной ему сентименталистской прозы (по выражению самого Т. В. Баландина, «с живыми и трогательными чувствованиями») карамзинской эпохи ¹ (златовидное и лучами освещающее солнце»; помавающий легкий, благовозвезаемый, прохладительный зефир; кристаловидное в спокойной тишине, с плавающими и играющими птицами и рыбами, величественною обширное с островами и заливами озеро Онего; река быстротекущая, излучистая и изливающая стремительных журчащим по неизчислимым камням вод блестящая, рассыпающаяся струи; дубравы, зеленеющиеся благолиственными ветвями; луга, озаренные многообразными укра[ша]ющими цветами и травами, издающая благовонная и балзамическая благоухания; и т. п.), рядом с душевными размышлениями автора, насыщенными эмоционально-оценочными эпитетами, сравнениями, идеализирующими героев повествования («твердый, яко из камня созижденный оплот, щит победы»; «кровожаждающий враг и лев, в окружении приверженцев своих, злодышущих на Россию, во изумлении своем потряхивает высоковоино и гордо устремленную кудрявою главою, озираясь всюду грозными глазами и ужасным видом, разширяет никогда не смыкающейся алчный и похищающий широкий зев на пожранье невинных жертв; ревит со скрежетом всеедских зубов на поглощение России...»; «вышел из храма, яко из эдема»; «Потом при гласах и восклицаниях благословляющих полетел, аки орел пернатый, и скрылся от очей погруженных в слезы и в сетование несносной печали, как мирный небесный ангел» и др.), с «интимизирующими» и нацеленными на установление доверительного контакта с читателем личными и притяжательными местоимениями, субъективно-модальными вводными или вставными конструкциями (например: «Удивленные старцы моим к ним учтивым предложением приняли все оное

¹ Изучение системных, в том числе интертекстуальных, связей в континууме русской и мировой литературы – один из активно развивающихся методологических подходов в современной филологии – см. подробнее, напр. [11].

Н. В. Патрова

со старческой улыбкою и одобрением за знак удовольствия, почему при всяком вечере продолжаемых бесед удостоивали меня охотно прелюбезными души и сердцу моему повествованиями своими (но не означая при том, в какие годы что случилось и происходило, по причине их незнания грамоты и простодушия, обитаемого в них, в союзе мирной любви и согласия)...»; «к неопisanному сожалению и неоплаканному рыданию всей России»; «к неизреченной и велией радости главноначальствующаго» и др.), находим лексико-грамматические приметы делового письма, служебной записки – того «приказного», официального стиля, которым Т. В. Баландин постоянно пользовался во время службы копиистом в петрозаводской Адмиралтейской коллегии и инженером на Олонецких заводах ¹ («Где потребно было, дополнял по материи в тетратках моего описания. И, по случаю приготовления моего в следующий путь, вложил помянутыя труда моего тетратки к прочим книжкам и бумагам в ящик для охранения с намерением, чтоб по последующем позволенном будущем удобном времени вывести из оных подлежащее, как выше означено, описанию»; «...изволил повелеть, чтобы к умножению и укомпле[к]тованию полков для составления армии и морских сил собрать в России из разнаго сословия храбрых воинов. Почему в таковыя последовавшия наборы набраны были, между прочими, Новгородской губернии из Олонцакаго обширнаго уезда рекруты. И по приводе их к настоящим командам помещены в разныя полки и во флот, яко сродных к мореплаванию. Где оныя будучи, по новости заводимаго, по образу европейскому, спасительнаго регулярнаго войска, и воинской готовности, и исправной дисциплины, приведены были обучением в строгий воинский подлежащий порядок...»); «Где будучи, по бывшем торговом обращении, въступил в военную флотскую службу с производством потом в приказное звание. Но по приключившейся гипохондрии за употребляемыми докторскими врачеваниями по невыпользованию болезней, к крайнему моему нещастию, был уволен от службы. А после сего, быв по обещаниям в разных обителях, получил пользу в поправлении здоровья, паки возвратился в Санкт-Петербург к занятию посильных должностей»; «По исполнении чего, в силу данных от его царскаго величества указа и наставлений, представить все то содеянное, по званию каждаго чиновника и деловцов, трудившись по званиям их должностей, его высочайшей особе, с описанием, планами, рисунками и чертежами на благовозрение, к дальнейшему из того по намерениям его содеянию

¹ О биографии Т. В. Баландина см.: [6]; см. также: [10], [7], [8], [9].

к пользам государственным и в поправление врагов» и др.) – со свойственными деловому стилю словами-штампами и оборотами («при каковой производимой моей деятельности», «места, на коих доселе действовали упоминаемая заводы и фабрики», «как выше означено», «за сим», «каковой», «коих», «оный», «равно же», «а имяно», «яко то», «по последующем времени», «которой по переведении причислен» и т. п.), очень далеким от естественного, свойственного живой устной речи порядком расположения элементов высказывания, а также множеством терминов – ярким свидетельством многолетнего авторского опыта в инженерной области («ковкою железа, якорей и преискусным художеством, токарным, резным и плотническим занятием»; «имеют дутья печки, выплавливают чугуна, которой в состоящих их кузницах делают железо, а из онаго уклад»; «изъследованию рудоизбыточествующих рудокопных мест»; «испытание по металлургии»; «множество лесов: мачтовых, строевых, дровянных — на зъжжение руды и уголья и на прочия, по роду раз[н]осортных дерев»; «соружить, в общем смысле, огромныя заводы, яко то: домну о четырех печах, свирильну, молотовую, кузницы, лаба[ра]торию, канцелярию, кладовыя, мозазины, анбары, сараи и пороховую подземную кладовую. У устья же реки, при Онеге озере — гавань или пристань для мореходных судов к привозу провианта, провизии и материалов и отвозу воинских орудий, снарядов и прочаго»; «назначенным крестьянам работать, а имяно: рубить стоящий строевой, сосновой, еловой лес и бревна оныя посортно убирать в штабели; березовой же годной к делу, такъже и ильмовой хранить особо; разнаго сорту дрова класть в костры; разный же хворост, по уборки в кучи, съжечь; камни разной величины, бугры, косогоры и землю очистить и разравнять по ватерпасу»; «флотах караблях, фрегатах, брандерах, галерах» и т. д.).

Обильно представлены в баландинских «беседах» библеизмы и иная лексика из церковного обихода, что неудивительно для умонастроения и слога человека истово верующего, совершавшего неоднократно паломничества по святым местам земли русской, а также Украины и Польши (например: «Его первое веселие было дом Господень, в котором не слушатель токмо предстоял божественной службе, но сам начальник умножал внимание и благоговение предстоящих своим монаршим гласом и вне государева места с простыми певцами наряду стоял пред Богом. А чтение Апостола посреди церкви обыкновенное было его дело при всякой литургии»; «...состоящую в древнем виде и въкусе с[вятых] первоверховных апостолов Петра и Павла церковь...»; «призвав в помощь

Н. В. Патрова

всedeйствующаго Бога, устремил мой пламенеющейей дух и мысли...»; «в достодолжную и безсмертную славу и в вечное воспоминание великому и в Бозе достоблаженно успиему и на лоне Авраамле опочивающему...»; «спасительному от всевышняго Божияго промысла, влиянному в монаршее и озарившее небесною благодатию сердце»; «...увидите проистекающее, при помощи Всевышняго и благословляющаго Бога, для России достославное благополучие...»; «...въначале иерей с причтом отъслужил с водоосвящением всех благ подателю Богу о здравии и спасении всепресветлейшаго и самодержавнейшаго царя государя и всего всеавгустейшаго дому, и за всех православных христиан, и на благоуспешное строение заводов и пр[очаго] благодарственный молебен. Потом обойдя с животворящим крестом все назначенныя под строение места с окроплением святою водою, потом прочитав на строение молитву, по окончании велегласно рек: “Бог благословит! Начинайте! Совершайте! И окончайте в благополучное состояние России, в страх, трепет и побеждение врагов!”» и т. п.). Очевидно, стилевые симпатии автора «Бесед» были на стороне церковнославянской языковой стихии, хорошо известной Баландину по Св. Писанию, древней духовной литературе, от переложения которой с греческого «на Славенский язык, приобрел сей обилие, важность, силу, краткость в изображении мыслей, удобность к сложению слов, и другия красоты языка Греческаго... Язык Российский, имея незыблемым основанием язык Славенский, посредством книг священных и церковных, сохранил то же преимущество» [12, 7–8]. Пышная панегирическая манера «Извития словес» могла быть знакома Т. В. Баландину и по таким памятникам церковной литературы XV–XVI вв., как «Житие Стефана Пермскаго» или «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго», а также по особо интересовавшим Баландина произведениям на историческую тему, с их традиционно возвышенным и «украшенным», славянизированным языком.

Характеристики, даваемые Петру Первому и его достославным деяниям, их торжественный слог очень напоминают своими стилистическими особенностями строки ломоносовских исторических произведений¹, похвальных од и «Петриды»: *«По несоблюдениям*

¹ Ср., например в ломоносовской <Древней Российской истории>: «Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастья своем перемены, что ежели кто междуособные отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул... Толикие перемены в деаниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом

в Европе и Азии владеющими державами постановленных постоянных вечных мирных трактатов, а потому происходящих и продолжающихся, во истребление рода человеческого, кровопролитных, ужасных и смертоносных браней; а паче наносимых от соседственной непримиримой, злодышущей, враждебной Швеции с мирносною Россиею войны, – предъпринял премудрый, Богом избранный и увенчанный, прозорливый и дальновидный, неутомимый и неустрашимый монарх Петр Великий: к состоящему его малочисленному войску, наборами умножить, дополнить и устроить из россиян и иностранцев в оборонительное благосостояние и в могущественное величество славы державы его, и в наступательной разительной страх и трепет окружающих иноплеменных врагов его, по образу европейскому, на суше и морях регулярное, к победоносным браням воинское ополчение, со устройением флота и вододействуемых пушечных заводов, оружейных и прочих фабрик – со многими заведениями – в пользу, славу, и обогащение, и благосостояние великой России»; «В каком-то уже бранночном состоянии и ополчении приверженныя новобранья обученныя солдаты и матросы <...> доказали с благословляющею, всесильною, непобедимою помощию всевышняго Господа сил в продолжение повсюдной войны, с неустрашимою и свойственною сынам российским храбростию, мужеством и геройством, под предводительством и руководством всероссийскаго мудраго, прозорливаго, дальновиднаго и непобедимаго гения, великаго монарха Петра Перваго, и его неподражаемых, примером подражающих, верных, немздоимных, крепких, мужественных, храбрых и отважных военачальников, полководцов и чиновников, выдержанными, поражающими и в конец истребляющими врагов достославными и во вселенной гремящими, достодивными и достопамятными победами, увенчавшими главы их лаврами безъсмертной славы!» и др. Образ царя-преобразователя вполне соответствовал духу не только, несомненно, знакомых Т. В. Баландину произведений Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, посвященных Петру I, но и народным сказаниям

несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе рассуждая, порядок оных способен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединяясь в одни бреги, вящую быстрину и великость приобретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы» [4, 211].

о царе-труженике, противостоящим легендам о «подменном царе» и «царе-антихристе», ходившим в чуждой Баландину старообрядческой среде.

Согласно риторическим и грамматическим сочинениям Ломоносова и позднего Третьяковского, «...славянизация языка признается неперменным атрибутом высоких, серьезных жанров» [14, 164]. Слог «Петрозаводских северных вечерних бесед...», несомненно, тяготеет к стилю, характерному для «высоких» жанров (од, похвальных слов, героических поэм, гражданской и церковной прозаической риторики), поскольку повествование писателя-краеведа Т. В. Баландина, автора торжественной оды и поэмы, посвящено важным для истории отечества событиям, связанным с петровскими преобразованиями, основанием промышленных предприятий и родного для автора «бесед» города. Приметами этого «высокого штиля» служат:

– лексические и словообразовательные старославянизмы: *благоустроенных, благотворениями, благовоённо, богохранимый, благодарениями, благовоэаемый, благолиственными ветвями, благовонныя благоухания, благорасположен, благословенную, благосостояние, благословляющею, благоразсудительнаго суждения, благоуханный, всесильною, гласом, вечерей, плодоносный, прекрасный вертоград, премудрый, превосходныя, пребыванию, прелюбезными, простодушия, достославный, достоблаженно, достодивными, достопамятными, толико, вседействующего, младости, средовечии, добродетелию, браней, паче, враждебной, мироносною, высоковоинных, чаянием, дабы не совратится с настоящей стези, аки исполин, въсходствие, елень, езеро и др.;*

– морфологические старославянизмы: формы сравнительной и превосходной степени (*святейшей, горячайшаго, дражайшаго, приятнейшем, высочайшим* и мн. др.), формы имен существительных и прилагательных с особыми падежными окончаниями (*отроческою невинною ласковостию и гибкостию, пологистыя дуга, высокия холмы* и др.), многочисленные причастия: *«Потом уже как по описанным, в натуре состоящим, некоторым видимым свидетельствуемым доказательствам, а притом и по описанным по повествованию почтенных старцев тетрадкам, преступил ревностно по въступлении в горную заводскую службу, будучи без школьных наук, к написанию с некоторыми дополнениями и замечаниями следующих вечерей. Но не для издания или молчанием оставить вышеозначенное описание помянутых вечерей для преследуемой повсюдной и за всеми неизбежной безобразной критики вседких пожирающих проклятых зубов, а единственно, не опасаясь и не страшась оных Зоилов, устремился из побужденнаго прежде в отроческих летах и ныне, и всегда*

продолжающагося, пламенеющагося духа и горячайшей любви моей вывести к открытию под спудом доселе лежащей и под мрачною тению забвенной приятной древности в доказательную ясность и сведение в общую пользу»;

– синтаксические архаизмы, в том числе распространившиеся в книжно-письменных текстах в качестве галлицизмов, но нередко встречающиеся и в русской разговорной речи так называемых «абсолютные» деепричастные обороты («...представить все то содеянное, по званию каждаго чиновника и деловцов, трудившись по званиям их должностей...»), в которых субъекты спрягаемой и неспрягаемой глагольных форм разные, так что действие глагола-сказуемого относится к подлежащему, но действие, выраженное деепричастием, принадлежит иному деятелю; также встречаются обособленные обороты, включающие в свой состав подлежащее и постепенно выходявшие из употребления в первые десятилетия XIX в. («Но приобьихши и привыкшия мы, поселяне, к разным работам и трудам, удобно сносим иногда и непомерныя тягости...»); «И будучи монарх в сей радости и удовольствии, окруженный благовествованием о щастливом и благополучном действии заводов, в триумфе своего восхищения, с предстоящими велможами и з[осподами] чиновниками, всеискренно благословляя и благодарил вся строящаго на пользу Господа сил, и дарующаго ему и всей России из сих новозаведенных в северных странах заводов, к бранным ополчениям, победоносныя оружия на поражение, истребление всех воюющих против России неприятелей и врагов»), деепричастия, выступающие в качестве самостоятельных сказуемых-предикатов – явление, которое могло быть поддержано в речи Т. В. Баландина и диалектным влиянием, поскольку сказуемые-деепричастия – характерная синтаксическая особенность северных русских говоров¹ («Наконец, пробудившись з занятием по предметам его въображаемым и побеждаемым геройским духом, жертвуемым достохвально патриотизмом, к достижению по намерениям его щастливых успехов ко усовершенствованию предъприятых намерений к отечественной славы и ползы России, окончить с деятельностью щастливо»; «И по взятии отдохновения пустились шествием, и обойдя въкруг упоминаемаго озера, и испытав глубину онаго со обмером»; «Чрез что добравшись до назначенных селений, осмотрев при собрании крестьян как оныя, равно состоящие сырдутныя печи, кузнецы,

¹ Вероятно, и само заглавие сочинения в сознании Т. В. Баландина ассоциировалось с родным для него северно-русским диалектизмом «бесѣда», обозначающим «собрание общества людей», «вечернее собрание» [13, 68].

Н. В. Патроева

работу и изъготовленные из руд чугуны, железо, сталь и в разных местах упоминаемые рудники, со взятъем из всего ими осмотреннаго, найденнаго и освидетельствованнаго в металлическом деле и не в деле довольных проб»; «И шествуя по возвышенным от природы холмам и пригоркам, с примечаниями, и дошед с таковым наблюдением, предприимлемым к построению вододействуемых заводов, до такого от природы удутченнаго и приспособленнаго, обретающагося вънизу холмов, плосковиднаго и рекою протекающаго преудобнаго места, где он остановился в глубоком размышлении, по принятой и влекущей материи увенчать, при неоцененном открытом Божиим благоволением дар, подвиг к славе и пользе отечества»; и др.).

Традиции XVIII века проявляют себя в построении длинных периодов, усложненных многочисленными обособленными оборотами, содержащих устаревшие союзы и союзные слова, а также в самом порядке следования компонентов баландинской фразы, например, в расположении личных и причастных форм глаголов, занимающих последнее место в предложении (согласно латино-немецким синтаксическим образцам, распространенным в произведениях русских писателей классицистической эпохи), в отрыве управляемых и согласуемых членов предложения от управляющих и определяемых слов, многочисленных инверсиях, делающих порядок компонентов высказывания часто «темным», сложным для восприятия и потому требующим от читателя неторопливого, вдумчивого чтения: *«В доказательство чего прилагаю при сем снятой мною как по прежде бывшим и в живой моей еще памяти содержимым видам, равно и поныне еще имеющимся, едва по примечаниям в видимых остатках знакам план, не кистию, но пером начерченный»;* *«Восхищенный великий монарх благословляющим и одаряющим Всевышним промыслом к предшествующим, настоящим и будущим, к безсмертной славы и вечной памяти, к великоважным его пронизаемым намерениям и делам, в преображение могущественной его державы, в непреодолимую крепость сил, в страх и победами во истребление врагов, к благоцветущему состоянию богоспасаемой России, немедленно высочайшею своею особою с прилежным вниманием и благоразсуждением всещательно рассмотрел поднесенныя его величеству, при подробнейшем и яснейшем описании, сочиненныя достаточныя и правильныя чертежи и планы, которыя, с некоторым своим дополнением, в точной силе их означения и содержания [утвердил], так чтобы непременно построить в сходственность по планам и наставлениям предписанным те упоминаемыя вододействуемыя заводы со всем к оным принадлежащим строением»;*

«Обошед оныя всюду со вниманием и любопытством и виде ужасныя взору и сердцам их огнедышущыя, с курением извивающагося и по воздуху разливающагося дыма, доменная печи, отливаемые снаряды, ковку железа, работу строений и приготовления материалов и прочаго, удивясь с восхищенною молитвою к Богу и с живою усердною благодарностию великому монарху за толикое соружение и строение заводов и прочаго, в ограждение к безопасному житию оных от выпадающих, по смежности границ шведских, полчищ их и к поражению оных неугомонных врагов» и др. многочисленные примеры. Чрезвычайная усложненность синтаксического строения текста, в изобилии употребляемые громоздкие конструкции, ведомственные термины, традиционно-книжные архаичные канцелярские слова и выражения, далекие от той живой народной речи, на которой говорили в доме Баландиных и хозяева, и их уважаемые гости-«старцы», рассказывавшие о славных петровских временах, делают слог «Петрозаводских северных вечерних бесед...» «витиеватым», в терминах ломоносовской «Риторики», и даже несколько перегруженным фразовыми «украшениями», местами запутанным, непрозрачным по смыслу, тяжеловесным, однако речевой консерватизм, архаичность баландинской речевой манеры как нельзя лучше соответствует основным чертам русского литературного языка изображаемой в произведении петровской эпохи: в то время определяющим тенденции развития языка в целом и потому важнейшим для его системы был именно официально-деловой стиль. К тому же, Т. В. Баландин формировался как писатель в ту пору, когда «в области прозы нормы литературного выражения были еще очень зыбки и неопределенны» [2, 182], поскольку центральное место в системе средств литературного выражения занимала стихотворная речь, так что прозаическим жанрам был по-прежнему свойственен стилистический разнобой, эклектизм, усвоенная под влиянием старославянских и латино-немецких образцов архаика, тяжеловесность построения, препятствующая легкости и изяществу выражения. Синтаксис литературного русского языка был к началу XIX столетия очень слабо регламентирован¹: особенности построения периода,

¹ Столь же слабо регламентированной, кстати сказать, оставалась вплоть до последней четверти XIX столетия и русская орфография: хотя в филологических трудах В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова предпринимались попытки упорядочения норм в области написания слов и постановки пунктуационных знаков, теоретического обоснования орфографических принципов, однако реальное воздействие на орфографическую практику и методику обучения правописанию уже более века спустя оказали работы Я. К. Грота, явившиеся первым систематизированным сводом орфографических законов русского языка, – монография «Спорные вопросы русского

употребления причастных оборотов описывались в грамматиках и риториках XVIII в. скупно и практически исключительно на материале высоких жанров¹.

Нельзя отбрасывать и того обстоятельства, что именно церковнославянский язык мог импонировать эстетическому вкусу Т. В. Баландина как сообщающий русскому великолепные «богатство, разум, силу, красоту» [15, 156] и что «Беседы» были написаны уже после Отечественной войны 1812 года, пробудившей интерес русских писателей к отечественной истории, к идеям народности² и укрепления российской государственности на национальных началах.

«Петрозаводские северные вечерние беседы...», вобравшие в себя жанровые признаки исторического сочинения, художественного и мемуарно-автобиографического повествования, жития, «похвального слова» и деловой записки, предстают в контексте развития отечественной науки, литературы и публицистики начала XIX столетия самобытной иллюстрацией многих речевых и стилистических процессов, протекавших в недрах российской словесности³ в эпоху ожесточенных споров представителей «старого» и «нового слога» о судьбах книжно-письменного русского языка.

Литература

1. Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2016. 384 с
2. Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 388 с.
3. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. Москва: Языки русской культуры, 1996. 590 с.

правописания от Петра Великого доньше» (1873 г.) и пособие «Русское правописание» (1885 г.). Примеры ошибочных написаний и отсутствие единообразия в постановке букв (например, в глагольных формах на –тся и –ться) в рукописи Т. В. Баландина – свидетельство царившего в ту эпоху орфографического и грамматического разнобоя.

¹ См. подробнее: [5].

² Не случайно вопрос о необходимости сохранения церковнославянского языкового наследия связывался у Шишкова с проблемой культурно-исторической самобытности, а «карамзинская реформа представлялась ему разрывом с национальным началом, шагом на пути к гибели русской культуры» [3, 444].

³ По словам Б. А. Успенского, «...эволюция русского литературного языка в послепетровский период предстает не в виде последовательного процесса русификации (постепенного отказа от церковнославянского языкового наследия), идущего по прямой линии, а в виде чередующихся колебаний между полюсами, ассоциирующимися со «славенской» и «русской» языковыми стихиями...» [14, 199].

4. Ломоносов М. В. Избранная проза. Москва: Сов. Россия, 1986. 541 с.
5. Патроева Н. В. Лингвистическая полемика XVIII-начала XIX вв. и состояние синтаксической теории в грамматиках эпохи реформирования русского литературного языка // Новое в современной филологии: материалы межд. науч. конференции. Москва: Спутник+, 2012. С. 96–101.
6. Пашков А. М., Пигин А. В. Предисловие // Тихон Васильевич Баландин. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2016. С. 3–34.
7. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 304 с.
8. Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 446 с.
9. Пашков А. М. Историческое краеведение Русского Севера в контексте развития российской историографии и культуры конца XVIII – начала XX в. // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 17. С. 191–200.
10. Петров К. М. Провинциальные статистики и писатели // Северный вестник. 1887. № 4. С. 84–85.
11. Рудакова С. В. Проблема системных отношений в литературе (к вопросу о методологии анализа литературного произведения) // Альманах мировой науки. 2015. № 2-2 (2). С. 9–13.
12. Словарь Академии Российской: в 6 ч. Ч. I. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1789. 685с.
13. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд: в 5 вып. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1994. Вып. 1. 512с.
14. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и её исторические корни. Москва: Изд-во Московского университета, 1985. 215 с.
15. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Санкт-Петербург: В медицинской тип., 1813. 437 с.

REFERENCES

1. Balandin T.V. «Petrozavodskie severnye vechernie besedy» i drugie sochinenija i pis'ma [Petrozavodsk Northern Evening Conversations and Other Works and Letters]. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2016. 384 p.

H. B. Памроева

2. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: Jazyk i stil' russkikh pisatelej. Ot Karamzina do Gogolja. [Selected works: Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol] – Moscow: Nauka, 1990. 388 p.
3. Zhivov V. M. Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and culture in Russia of the eighteenth century]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 590 p.
4. Lomonosov M. V. Izbrannaja proza [Selected prose]. Moscow: Sov. Rossija, 1986. 541 p.
5. Patroeva N.V. Lingvisticheskaia polemika XVIII-nachala XIX vv. i sostojanie sintaksicheskoj teorii v grammatikah jepohi reformirovanija russkogo literaturnogo jazyka [Linguistic polemic of the 18th-early 19th centuries and the state of syntactic theory in grammars of the era of reforming the Russian literary language] // Novoe v sovremennoj filologii: materialy mezhd. nauch. Konferencii [New in modern philology: materials of int. scientific conferences]. Moscow: Sputnik+, 2012. Pp. 96–101.
6. Pashkov A. M., Pigin A. V. Predislovie [Foreword] // Tihon Vasil'evich Balandin. "Petrozavodskie severnye večernie besedy" i drugie sochinenija i pis'ma [Petrozavodsk Northern Evening Conversations and Other Works and Letters] Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2016. Pp. 3–34.
7. Pashkov A. M. Gornozavodskoe kraevedenie Karelii konca XVIII – nachala XX veka [Gornozavodsky local history of Karelia at the end of the 18th – beginning of the 20th century]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU 2007. 304 p.
8. Pashkov A. M. Karel'skie prosvetiteli i kraevedy XIX – nachala XX veka [Karelian educators and local historians of the 19th – early 20th centuries]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2010. 446 p.
9. Pashkov A. M. Istoricheskoe kraevedenie Russkogo Severa v kontekste razvitija rossijskoj istoriografii i kul'tury konca XVIII – nachala XX v. [The historical study of local lore of the Russian North in the context of the development of Russian historiography and culture of the late XVIII – early XX century] // Vestnik RGGU. Ser. Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. History. Philology. Culturology. Oriental studies]. 2009. № 17. Pp. 191–200.
10. Petrov K. M. Provincial'nye statistiki i pisateli [Provincial statistics and writers] // Severnyj vestnik [North Herald]. 1887. № 4. Pp. 84–85.
11. Rudakova S.V. Problema sistemnyh otnoshenij v literature (k voprosu o metodologii analiza literaturnogo proizvedenija) [The problem of systemic relations in literature (on the question of the methodology of analysis of a literary work)] // Al'manah mirovoj nauki [Almanac of world science]. 2015. № 2–2 (2). Pp. 9–13.

12. Slovar' Akademii Rossijskoj: v 6 ch. Ch. I. [Dictionary of the Russian Academy: in 6 parts. Part one] SPb.: Pri Imperatorskoj Akademii Nauk, 1789. 685 p.

13. Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas] / ch. ed. A. S. Gerd: v 5 vyp. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1994. Vyp. 1. 512 p.

14. Uspenskij B. A. Iz istorii russkogo literaturnogo jazyka XVIII – nachala XIX veka. Jazykovaja programma Karamzina i ee istoricheskie korni [From the history of the Russian literary language of the XVIII – early XIX century. Karamzin's language program and its historical roots]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1985. 215 p.

15. Shishkov A. S. Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossijskogo jazyka [. Reasoning about the old and new syllable of the Russian language]. Sankt-Petersbourg: V medicinskoj tip., 1813. 437 p.

T. V. BALANDIN'S «PETROZAVODSK NORTHERN EVENING CONVERSATIONS ...» IN THE MIRROR OF THE LINGUISTIC DISCUSSIONS OF THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY ABOUT THE “OLD” AND “NEW SYLOGUE OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

Natalia V. Patroeva

Doctor of Philology, Professor,
Head of Russian Language Department
Petrozavodsk State University
(Republic of Karelia, Russian Federation)

Abstract

Tikhon Vasilievich Balandin (circa 1748–1830) – a Karelian local history writer, the author of essays on the history of Petrozavodsk, Olonets, the palaces of Peter I at the Petrovsky Plant and Martsialnye Vody, poems in honor of G. R. Derzhavin, life story about St. Faddeus of Petrozavodsk and other works. The article discusses some of the features of the speech and stylistic manner of T. V. Balandin, reflected in his essay "Petrozavodsk Northern Evening Conversations ..." (1814). The novelty and relevance of the study is due to the lack of special works devoted to the style of Russian historical prose of the era of the formation of stylistic and grammatical norms of the modern Russian literary language. "Petrozavodsk Northern Evening Conversations ..." reflects the influence of the official business style on the language of historical literature, as well as the style of M. V Lomonosov. In the analysis of the speech tissue of the Balandin's text, descriptive, comparative and inductive research methods are used.

The work of T. V. Balandin demonstrates the extreme complexity of the syntactic structure, cumbersome constructions used in abundance,

Н. В. Патроева

departmental terms, traditional book archaic clerical words and expressions that are a far cry from that lively folk speech, grammatical and lexical old orthodox, syntactic gallicisms (for example, absolute isolated participle and adverbial participle constructions), Latinisms, the instability of spelling and punctuation norms, the absence of their strict codification. “Petrozavodsk Northern Evening Conversations ...” testifies to the importance of studying the processes of the formation of Russian historical prose, the style of provincial local history writers for expanding scientific ideas about the trends that took place in the bowels of the speech system of Pushkin era, about the difficult way to develop common norms for a common literary language within its different genres and stylistic varieties.

Keywords: style of historical prose, history of the Russian literary language, Gallicism, Old Slavonic words, local history, grammatical norm, spelling norm

Для цитирования: Патроева Н. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы...» Т. В. Баландина в зеркале лингвистической полемики начала XIX столетия о «старом» и «новом слоге русского языка» // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 100–116.

Поступила в редакцию 24.06.2020

РАЗДЕЛ V. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ББК III 118
УДК 347.78.034

Aleksandra I. Drozhbina¹

Master's student

Linguistics University of Nizhny Novgorod

aleksdrozhofficial@mail.ru

Scientific advisors – Elena R. Porshneva, Doctor of Pedagogy,

Professor of the French Language and Translation

Theory and Practice Department,

Linguistics University of Nizhny Novgorod;

Svetlana B. Koroleva, Doctor of Philology,

Professor of the Department of Teaching Russian as Native

and Foreign Language, Linguistic University

of Nizhny Novgorod

TRANSLATION ISSUES OF EDUCATIONAL TERMS IN RUSSIAN, ENGLISH, SPANISH AND FRENCH USED IN DOCUMENTS OF THE ORGANIZATION OF THE UNITED NATIONS

The Bologna process launched the process of globalization and unification of educational systems thanks to which unique educational space has been created. The Organization of United Nations (UN) played one of the key roles in this process because one of its development goals is ensuring quality education for all people regardless their nationality, gender or age. There are 6 official languages of this organization and this research studies educational terms in 4 of them (English, Spanish, French and Russian). Due to national characteristics of educational systems in different countries there have arisen some important questions about how to find a good equivalent of the term, how to translate and interpret it, how to use it adequately in cultural and social contexts of a state. The aim of this research is to analyze and compare translations of the same terms in different languages and to elicit their main similarities and differences.

¹ Drozhbina Aleksandra I., master's student of Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia.

А. И. Дрожбина

First of all, educational terms were classified at the semasiological level and as the result equivalent (symmetric) and non-equivalent (asymmetric) terms were identified. Then, it was noted that all terms used in the UN and the UNESCO documents are precise, unambiguous and concise. They can be even replicated while being translated in order to preserve their original meanings. But at the same time there are some semantic, structural, morphological, syntactical differences in translation of the same educational terms.

Key words: educational terms, linguistic asymmetry, translation, the UN, linguistic analysis

Nowadays the main tendencies of modern education are its globalization and the creation of unique educational space in the framework of which educational systems are unified, the same credit scores and forms of fixation of qualifications are introduced, programs of integrated studies and research are implemented, students' and teachers' mobility increases, international relations and cooperation between universities become stronger. This tendency started with the Bologna process which aim was to harmonize educational systems [1, 13]. It began in 1950 when the European Convention on Human Rights was established in order to guarantee the right to education. The Organization of United Nations (UN) played one of the key roles in the Bologna process. In 1966, the UN guaranteed the right to higher education in The International Covenant on Economic, Social and Cultural rights [10, 15].

Today the UN is one of the largest international organizations created to maintain and strengthen international peace and security, and to develop cooperation between states. Its work is determined by so-called sustainable development goals (17 in total), each of them affects a specific area of society. In addition to the solution of acute economic, political, and environmental problems, the organization is responsible for «ensuring inclusive and equitable quality education and promoting opportunities of studying in the native language» (the 4th Sustainable Development Goal is “Quality education”) [11].

A big variety of educational terms is used in many documents, conventions, agreements of the UN and the UNESCO (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) which are available in 6 official languages: Russian, English, French, Spanish, Chinese and Arabic [12]. This research is modern and relevant because due to national characteristics of educational systems in different countries there have arisen some important questions about how to find a good equivalent of the term, how to translate and interpret it, how to use it adequately in cultural and social

contexts of a state. The domain of linguistics that is connected with the harmonization of terms is new. It was studied by such researchers as M. V. Gorodisky [2], I. A. Fedorova [3], M. E. Kupriyanova [4], P. D. Mitchell, N. P. Marugina [7], G. B. Kyzy Pashayeva [8]. Nevertheless, there are plenty of unsolved problems. **The aim** of this research is to analyze and compare translations of the same terms in different languages and to elicit their main similarities and differences. In the process of work, there was used a structural and systematic approach as well as a comparative method. The terms were chosen randomly. This research studies educational terms in Russian, English, French and Spanish. They can be divided into the following categories according to their meaning: «educational programs», «educational process and innovations», «members of educational process», «educational institutions», «education planning», «education systems», «teaching methods», «education financing» [14].

1. Classification of educational terms

Over 100 educational terms were analyzed for the research. These are terms from various reports, resolutions, conventions programs of the UN and the UNESCO in above-mentioned languages. They were classified at the semasiological level and as the result, 2 main groups were identified [6]:

1) **equivalent / symmetric** terms that have a semantically exact match in all the four languages. These terms include the basic concepts of the educational sphere, for example, «высшее образование (Rus.) – higher education – enseñanza superior (Sp.) – enseignement supérieur (Fr.)», «учащиеся (Rus.) – students – alumnos (Sp.) – élèves (Fr.)»; «помощь в области образования (Rus.) – educational assistance – asistencia en materia de enseñanza (Sp.) – assistance en matiere d'éducation (Fr.)»; «дистанционное обучение (Rus.) – distance education – enseñanza a distancia (Sp.) – enseignement à distance (Fr.)»; «непрерывное образование (Rus.) – continuing education – educación permanente (Sp.) – éducation permanente (Fr.)»; «образовательные учреждения (Rus.) – educational institutions – establecimientos de enseñanza (Sp.) – établissements d'enseignement (Fr.)».

2) **non-equivalent / asymmetric** terms that do not have equivalent variants in languages due to the lack of certain concepts, structures, and meanings in other linguistic cultures. For example, the term «vocational school graduates» is translated into Russian as «выпускники профессионально-технических училищ» which is not exactly the same, because it denotes a type of an educational institution that is typical for Russia, but which doesn't exist in the USA. Moreover, its Spanish and French translations are «graduados de escuelas profesionales» and «diplômés d'école professionnelle» and it is necessary to point out

А. И. Дрожбина

that there is a slight change in the meaning when «vocational» is substituted into «professional».

2. Similarities and differences in translation of educational terms

Turning to the point about the overall analysis of educational terms, it showed a few similarities in their translation into Russian, English, Spanish and French. First of all, it was noted that all terms used in the UN and the UNESCO documents are precise, unambiguous and concise. They can be even replicated while being translated in order to preserve their original meanings. In most cases, educational terms in Spanish and French are symmetrical, i.e. they are equivalent both semantically, morphologically and syntactically (as the preposition may be preserved in the structure of the phrase): «costo de la enseñanza (Sp.) – cout de l' education» (Fr.) (tution fees), «educación permanente (Sp.) – éducation permanente» (Fr.) (continuing education). In some cases, the variety of a word choice for the same notion may be observed «graduados de escuelas profesionales» (Sp.) и «diplômés d'école professionnelle» (Fr.) (vocational school graduates). Besides that, the term can be clarified «enseñanza profesional (nivel universitario)» (Sp.) и «enseignement supérieur professionnel» (Fr.) (higher education). In addition to this, it is indispensable to emphasize the variation of terms «enseñanza/educación» in Spanish and «enseignement/education» in French that can be translated as «education» («calidad de la educación (Sp.) – qualité de l'éducation») (Fr.) or «training» / «teaching» («enseñanza a la distancia (Sp.) – enseignement à distance») (Fr.). In other phrases they are used interchangeably: «reforma de la educación (Sp.) – réforme de l'enseignement» (Fr.).

Speaking about English terms, they are frequently similar to their French and Spanish variants but there is one structural difference: many English terms consist of an adjective and a noun which are connected by the means of adjoinment while the same terms in Russian, Spanish and French contain two nouns that have syntactic relations of government, for instance, «планирование образования (Rus.)– educational planning – planificación de la educación (Sp.) – planification de l'éducation (Fr.)». At the same time in the documents of the UN and the UNESCO there are some educational terms which in Russian sound absolutely different in comparison with their variants in English, Spanish and French. For instance, «заочное обучение (Rus.) – correspondence courses – cursos por correspondencia (Sp.)– cours par correspondence (Fr)». Some of them are non-equivalent, because they have serious semantic differences: «ликвидация неграмотности (Rus.) (which can be literally translated as «the elimination of illiteracy») – literacy programmes – programas de alfabetización (Sp.) – programmes d'alphabétisation (Fr.)»,

«лингфонные кабинеты (Rus.) – languages laboratories – laboratorios de idiomas (Sp.) – laboratoires de langues (Fr.)».

To conclude, all above-mentioned examples show linguistic asymmetry in expressing one concept in different languages. The research proves that both equivalent and non-equivalent terms can be used in the UN and the UNESCO documents. It can be quite challenging to translate them because of some national and cultural characteristics of the country where people speak this or that language [9]. Today, in the era of globalization of education, it is significant to systematize and unify educational terms in order to harmonize the terminology of various languages in the field of education, which can be used not only by linguists and interpreters, but also by all participants of the educational process in different parts of the world.

REFERENCES

1. The Bologna process: Glossary (based on the experience of the monitoring studies) / Ed. comp.: Baidenko, A. L. Vorozheykina, E. N. Karacharovo, N. And. Seleznev, L. N. Tarasyuk / Under the scientific editorship of PhD in Education, Professor V. I. Baydenko and PhD in Science, Professor N. A. Selezneva. Moscow: Research center for problems of quality of training of specialists, 2009. 148 p.
2. Fedorova I. A. Comparative analysis of the national framework of qualifications in higher education in Russia and the EU // ONV. 2010. №2 (86).
3. Gorodisky M. V. In descriptive termography (experience of creation of the Russian-English Glossary "Educational activities and management of education of St. Petersburg state University") // Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature. 2013. №4.
4. Kupriyanova M. E. The problem of unification of using terms of higher education under the conditions of the Bologna process // The bulletin of the RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2014. №1.
5. Kupriyanova M. E. On the problem of creating a specialized Glossary of academic terms // The bulletin of the RUDN. Series: Linguistics. 2013. №4.
6. Komissarov V. N. The theory of translating (linguistic aspects): Manual. Moscow: Vysshaya shkola [Graduate school], 2001.
7. Mitchell P. D., Marugina N.P., Translation issues of Russian and English academic terms (based on work experience of the center of translation in the department of foreign languages of TSU) // The journal of Tomsk State University. 2015. № 394.

А. И. Дрожбина

8. Pashayeva G. B. Kyzy Basic principles and measures of unification of terms // Journal of LSU named after A. S. Pushkin. 2015. № 2.
9. Ryzhov A. N. Pedagogical terminology of the process of integration of Russia into the European educational space // Teacher of the XXI century. 2009. №3-1.
10. The International Covenant on Economic, Social and Cultural rights [Electronic source] URL: https://ru.unesco.org/https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/convention/pactecon.shtml (accessed: 12.03.2020).
11. The official site of the UNESCO. [Electronic source] URL: <https://ru.unesco.org> (accessed: 12.03.2020).
12. The official site of the Organization of United Nations. [Electronic source]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/index.html> (accessed: 12.03.2020).
13. The timeline of the Bologna process. [Electronic source]. URL: <http://bologna.spbu.ru/chronology> (accessed: 12.03.2020).
14. UN Thesaurus of educational terms. [Electronic source]. URL: <https://lib-thesaurus.un.org> (accessed: 12.03.2020).
15. UNESCO Educational Policy document "Higher education in a global society" UNESCO 2004-32 p.

Литература

1. Болонский процесс: глоссарий (на основе опыта мониторингового исследования) / Авт. сост.: В. И. Байденко, О. Л. Ворожейкина, Е. Н. Карачарова, Н. А. Селезнева, Л. Н. Тарасюк / Под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора В. И. Байденко и д-ра тех. наук, профессора Н. А. Селезневой. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 148 с.
2. Фёдорова И. А. Сравнительный анализ национальных рамок квалификаций в области высшего образования в России и странах ЕС // ОНВ. 2010. №2 (86). С. 143–146.
3. Городиский М. В. В дескриптивном терминографировании (опыт составления русско-английского глоссария «Образовательная деятельность и управление образованием СПбГУ») // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2013. №4. С. 39–44.
4. Куприянова М. Е. К проблеме унификации использования терминов высшего образования в условиях Болонского процесса // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. №1. С. 159–163.

5. Куприянова М. Е. К проблеме создания специализированного глоссария академических терминов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2013. №4. С. 18–23.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник. Москва: Высшая школа, 2001. 253 с.
7. Митчелл П. Д., Маругина Н. И. Проблема перевода русских и английских академических терминов (из опыта работы центра перевода фия ТГУ) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2015. № 394. С. 53–58.
8. Пашаева Гюнел Бахшейиш Кызы. Основные принципы и меры унификации терминов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 2. С. 137–143.
9. Рыжов А. Н. Педагогическая терминология процесса интеграции России в европейское образовательное пространство // Преподаватель XXI век. 2009. №3–1. С. 7–13.
10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] URL: https://ru.unesco.org/https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 12.03.2020).
11. Сайт ЮНЕСКО [Электронный ресурс] URL: <https://ru.unesco.org/> (дата обращения: 12.03.2020).
12. Сайт ООН [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/ru/documents/index.html> (дата обращения: 12.03.2020).
13. Тезаурус образовательных терминов ООН [Электронный ресурс] URL: <https://lib-thesaurus.un.org> (дата обращения: 12.03.2020).
14. Хронология Болонского процесса [Электронный ресурс] URL: <http://bologna.spbu.ru/chronology> (дата обращения: 12.03.2020).
15. Установочный документ ЮНЕСКО по образованию «Высшее образование в глобальном обществе» UNESCO 2004. 32 с.

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ
НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ИСПАНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКАХ В ДОКУМЕНТАХ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

Дрожбина Александра Ильинична

*магистрант, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова*

А. И. Дрожбина

*Научные руководители – Поршнева Елена Рафаэлевна,
доктор пед. наук, кандидат филол. наук, профессор кафедры теории
и практики французского языка и перевода,
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, erp@lunp.ru;*

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры преподавания русского языка как родного и
иностранного, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Klimova1@hotmail.com

На сегодняшний день основными тенденциями современного образования является его глобализация и создание единого образовательного пространства. Они берут свое начало из Болонского процесса, в котором большую роль сыграла деятельность Организации Объединенных Наций (ООН). Ее работу определяют 17 целей устойчивого развития, охватывающие основные сферы жизни. 4 цель – обеспечение качественного образования для всех людей. В различных документах ООН и относящихся к ней организаций (ЮНЕСКО, ЮНОВ, ЮНОГ и т. д.) используются образовательные термины на 6 официальных языках организации. В данном исследовании изучались термины на 4 из них: на русском, английском, французском и испанском языках. Реализация Болонского процесса в области образования связана с необходимостью и обязательностью перевода того или иного термина, с нахождением подходящего эквивалента термина, его адекватным использованием в контексте культуры и реалий общества того или иного государства. Целью данного исследования является сравнение и поиск сходств и различий в вариантах перевода одних и тех же терминов на разные языки. В процессе работы использовался структурно-системный подход, сравнительно-сопоставительный метод. Для отбора материала использовался метод случайной выборки. В результате исследования была проведена классификация образовательных терминов на семасиологическом уровне и выявлены 2 основных группы: эквивалентные (симметричные) и неэквивалентные (асимметричные) термины. Было установлено, что термины, используемые в документах ООН, являются максимально точными, однозначными и краткими, зачастую калькированными с других языков, чтобы сохранить первоначальное значение термина. Но в то же время, были выделены существенные семантические, структурные, морфологические, синтаксические различия в переводах образовательных терминов. В завершении работы был сделан вывод об лингвистической асимметрии в выражении одних и тех же понятий в разных языках.

Keywords: образовательные термины, перевод, лингвистический анализ, лингвистическая асимметрия, ООН

Для цитирования: Drozhbina A. I. Translation issues of educational terms in Russian, English, Spanish And French used in documents of the organization of the United Nations // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 117–125.

Поступила в редакцию 01.07.2020

РАЗДЕЛ V. ФИЛОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ББК 83.3(0)

УДК 82/83

Tanja Milenković¹,

University in Belgrade

Belgrade

tanja.src@gmail.com

Scientific adviser– Svetlana Čečović

*PhD, Assistant Professor of NRU Higher School
of Economics, Moscow*

THE RECEPTION OF LITERATURE ON BLOGS AND WEB-JOURNALS

The subject of this paper is the reception of literature on literary blogs and web portals, and the question of the status of literary texts on the internet. The first part of the paper examines the connection between the (non)linearity of literary texts, the phenomenon of hypertext and web literature. The main part of the paper is dedicated to examining the manner in which literature enters the field of web literature and “functions” on web portals and literary blogs. Moreover, it is particularly important to pinpoint the benefits and drawbacks of publishing a literary text on a literary blog or a portal. We establish how certain prejudice pertaining to the quality of texts published on web portals and blogs can influence our judgement when deciding whether to publish or read texts online. Other factors taken into consideration are the importance of (self)advertisement on literary blogs and portals, as well as the question of easier and wider accessibility of web literature to readers. We study how social media – Facebook, Instagram, Twitter and LinkedIn – influence the advertisement on literary blogs and web portals, as the so-called „social media marketing“. One other important topic is the possibilities of social media that have to be used more when publishing literary texts online, like sharing, retweeting, liking, sharing the fragments of a text from web portals or blogs on the official page of another portal or a blog, on Facebook, Instagram, or Tweeter. The research provides new

¹ Tanja Milenković, postgraduate in Faculty of Philology, University of Belgrade, Belgrade, Serbia.

insight into the question of choosing where to publish your text online and why it is, for example, more preferable for a literary text to be published on a recognizable portal than on a personal literary blog.

Key words: literature, internet literature, web-journals, literary blog, online poetry

Literature has, thanks to the introduction of the internet, received a new place in the world in the form of web content for better or for worse. The positive side of this yields greater availability to the general public, making it more practical and accessible. Needless to say, it is easier to carry a 5oz electronic device than a 5lbs hardcover around. Nevertheless, there remain sentimentalists who prefer carrying a physical copy, albeit the idea of it is not purely sentimental: the paper is definitely easier on the eyes than a screen (even compared to the screen of a Kindle device). On the other hand publishing and advertisement is facilitated on the internet: the internet enabled not only novelists but also poets and literary critics to publish their work, whether through e-books or web portals and blogs.

In order to talk about web literature, first of all, the meaning of the most important terms relevant to the existence of the web literature should be explained: “linearity”, “nonlinearity” and “hypertext”. The phenomenon of linearity is close to the new phenomenon which is the main condition for web literature – nonlinearity. Linearity is the traditional method of reading a book: «reading one word after another from the beginning until the end» [1, 253], and also: «The classical text is a closed linguistic system in which the author determines the structure, imposes linear progressive reception course» [7, 246]

Internet, with its own literacy, dictates the ways in which literature in its traditional meaning is changing according to the demands and conditions of a new platform and medium: «With great rapidity internet fills all the pores of our everyday life, thus the using of this medium is as well-received as the word in spontaneous, oral communication» [11, 316].

The construct of internet literature has replaced linearity for nonlinearity, and as a result the process of reading has acquired a new meaning and form which is defined by readers' interests, rather than the rules of the classical printed text: «First and most important quality of internet literature is nonlinearity. This topic is tightly connected with the subject of hypertext. <...> Hypertext has three characteristics: link or the connection, text or multimedia, and nonlinearity. What makes hypertext the hypertext is the (hyper)link, which makes the text become nonlinear and networked, precisely, it gives us the possibility to move in it according to personal

preferences» [10, 63]. On the same subject: «Hypertext destroys linear organization with the combinatory, and integrality is confronted with a fragment, changing the purpose of the reading from passive possession of the existing meaning to the strategies of the creating the new one.» [7, 245]

Web literature has offered many tools which the medium of the book could not provide: «the possibility of actualization and the changing the content on the web and interaction with the public through comments and linked subject» [10, 63]. Katherine Hayles states on the same subject: «Electronic literature, generally considered to exclude print literature that has been digitized is by contrast “digital born”, a first-generation digital-born object created by computer and (usually) meant to be read on a computer» [12, 3]. Aleksandra Vraneš reflects on the electronic literature in a contest of digital humanities: «Electronic literature (e-lit), interactive fiction (IF), web-artifacts, Tweeter, social media, SMS novels, are a few of products on whose occurrences and analyses could be applied methodology of digital humanities» [6].

There are many possibilities of web literature which authors do not use as abundantly as they could: «Which possibilities are available to the authors, and they mostly do not use them? They are, first of all, commenting and rebroadcasting of the tweet (retweeting), favoring the tweet, using multimedia, searching by the keyword (hashtag), the interaction between the readers, also as the other content, for example, sharing location etc. The very important part is the linking of the content with which the user tries to change the network of their own content, band it with other blogs and authors and by doing so create one virtual jungle which would be the artistic surrogate of the real world, as well as the realization of the postmodern imagination of the first theoretics of postmodern literature» [10, 66].

This subject leads us to the main theme of the article, the reception of literature on literary blogs and web portals. Let's start with the former, and first of all, their benefits: «With the emergence of the blog, we have something called electronic literature» [10, 64]. Blog platforms are varied and mostly free, and they give many diverse options to the blogger. Blogger and WordPress are the most popular platforms, cherished for their simplicity and manageability. A new blogger needs to make his webspace appealing for the audience using special tools, such as theme customization, widgets, the plan and after setting these tools up, they need to present their article and content designed to represent the blogging brand in the best possible way: «The identity of web space deals with the way of organizing the blog, managing accounts on social media, as well as other promotional materials: visit cards, flyers, brochures, posters, etc.). There are four elements

of identity, namely: typeset, colors, photography, and address to the audience – which needs to be synchronized with the previous elements, therefore, concurring with all important segments of a blog» [3].

The identity, as stated earlier, needs a gripping title for the audience: «Web-blogs often have interesting titles, because a blog cannot use many visual cues to attract the audience. The reader finds the blogs mostly with a general or specialized browser, where only the title and a short abstract can be found, which makes it extremely important for every blogger to choose a name <...>» [10, 63] The convenient thing is that a vast majority of people can see the article online, notice it, share it, like it, before any printed media could appear. In web-form, a lit blogger can make a career before even deciding if they're going to send anything to print – even further, if they turn out successful, they may opt-out of traditional publishing altogether.

Advertisement can be done through social networking: «The occurrence of the Facebook, and after that Tweeter (which has additionally emphasized the nature of the social media as intertwined blogs, and not like the virtual salons simply for "hanging out" and "maintenance contacts"), additionally has contributed to the lightness and the quantity of the individual expressing of the network» [8, 239] For instance, a lit blogger can make a Facebook page devoted to his blog and therefore advertise it to a larger market. It works the same way on Tweeter: «Interactive sites, such as Facebook, Tweeter, and Instagram, formatting links and identity in different electronic and online surroundings bring online production close to the effects of creative writing» [7, 246].

A blog can be connected to LinkedIn and thus through the platform inform other users when a new article is published. The same can work for Gmail. Also, when an article is to be published on a web portal, the editor can connect the links, therefore, facilitating the lit blogger's access to a greater audience. The cooperation of the editor and the content creator has never been more productive. Business connections, friends, followers – they all have free and easy access to new content. The choice of the platform, when deciding on the primary audience of a literary blog, is paramount.

Like everything that is new, it is up to the new young generation to conquer even the web literature like any other unknown environment: «Digital literacy is the new chance for humanity – the young generation doesn't have the emotional obstacles in adapting to the new media» [4, 206]. The rise of internet publishing gave power to young writers, opportunity to find a publishing place easier.

Literature has got a new shape in its web form: «Electronic literature uses the new form and the new medium that governs it through and through,

rather than just accommodating to a new environment» [10, 66]. Writers do not depend on publishing houses like they used to before the emergence of the internet. Apart from poetry and prose, it is also easier to publish critiques and reviews, essays, and other non-fictional media.

Internet portals seem to be the best solution for publishing. The web portals or internet journals can be used to represent non-print literary journals, thus creating internet literature. The ease of publishing one's work seems to be on a greater level than at any time before. While this may seem like a good thing, we have to ask ourselves, if it is just a gateway to less serious, less prepared content: grammar mistakes, typos can be overlooked more easily: «Their quality, expectedly, varies, but not just because of the democratization of expression, but rather because of the lack of clear editing policies, but one of their advantages is the affirmation of the authors who are less present in the printed periodical» [2, 314].

The counterargument to this is that it is up to the editor to decide what is to be published. However, there seems to be a greater gap between the editor and the author, since the former can reject a piece without as much as a word or a memo. The major drawback of publishing in the academic domain is that online journals often do not have credibility as serious sources, and therefore it can be much more useful to publish a single article in a distinguished print magazine than a number of internet articles on an academically unrecognized portal: «While it can be observed critically, presented, and analyzed beyond the borders of the virtual world, it must be said that the occurrence of the internet literature is worthy of the attention, regardless it is revealed by clicks, not by turning the pages» [2, 315].

On the other hand, there are academic magazines which are established as printed editions in the academic world on the web portals: «The magazines and the professional sororities are a very important part of that process as well, because they are giving the articulation, public availability, and validation in one field» [9, 148]. Despite their influence, academic magazines also have a difficulty in transitioning to the digital world. That is also because of the prejudice pertaining to electronic form in opposition to the printed one: «Academic magazines which are published only in electronic form are still rare (often electronic form has only the additional role or is added with the printed one)» [5, 329].

When we are talking about the drawbacks of online publishing, hyper production and alienation are the keywords to look out for. Either anyone can publish what they want or the authors do not get any feedback concerning their literary product. The positive sides are, of course, reserved for the more known and popular portals, where an article can accrue a large number of patrons and spread the word about new authors more quickly. The question

also arises: if the competition for a certain portal is not challenging, what does that mean for the perceived quality of the article. Does internet publishing diminish the text's value?

After showing the advantages and disadvantages of online publishing, it is clear that being published on a recognized portal is better than using a personal blog – unless the bloggers themselves are distinguished enough to be considered a credible and accessible source. The next question that comes naturally is the following: are the web authors conscientious enough not to turn their writing into pure pandering to their audience?

It can be concluded, however, having considered the positive and negative sides of online publishing, that the Web is an excellent place for self-advertisement. On the other hand, paper publishing still holds superior ground because it is taken more seriously. The age of the printed media is still at large.

REFERENCES

1. Arset E. J. Nonlinearity and the theory of the literature / editor Slobodan Vladušić, *Letopis Matice srpske*, Matica srpska: Novi Sad, 2015. Vol. 496. No. 3. September. Pp. 253–291.
2. Babić D. How many words fits in one byte: Some examples of our internet literature, editor Slobodan Vladušić, *Letopis Matice srpske*, Matica srpska: Novi Sad, 2015. Vol. 496. No. 3. September. Pp. 304–315.
3. Vučkovic M. Creating the visual identity: 4 most important segments, *The advices for the bloggers* dialogue [Electronic resource]. URL: <https://savetizablogere.com/kreiranje-vizuelnog-identiteta/> (accessed: 01.06.2020).
4. Vučkovic Ž. Clicking and thinking: the culture of the book and the reading in the era of the internet / editor dr Ljubiša Despotović, *Kultura polisa*, Kultura – Polis Novi Sad, Institut za evropske studije Beograd: Novi Sad, 2012. Vol IX. № 18. Pp. 197–211.
5. Vučenović N. The women's and feminist periodicals in the magazine "Knjiženstvo" // editor dr Biljana Dojčinović and dr Ana Kolarić, *Feministički časopisi u Srbiji. Teorija, aktivizam i umetničke prakse u 1990-im i 2000-im*, Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu: Beograd, 2018. Pp. 328–344.
6. Vraneš A. Digital humanistics and the cyber feminism / editor dr Biljana Dojčinović, *Knjiženstvo: teorija i istorija ženske književnosti na srpskom jeziku do 1915*, Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu: Beograd, Vol. V. No. 5. 2015. URL: <http://www.knjiženstvo.rs/sr/casopisi/2015/zenska-književnost-i->

kultura/digitalna-humanistika-i-sajber-feminizam#gsc.tab=0 (accessed: 31.07.2020).

7. Gordic Petkovic, V. The culture of the page, the culture of the screen: Reading in the age of the internet / editor Slobodan Vladušić *Letopis Matice srpske*, Matica srpska: Novi Sad, 2015. Vol. 496. № 3. September, Pp. 245–252.

8. Jocić M. The imprints on the digital sea – The review on the history of the internet and the poetics of the web – creativity / editor Slobodan Vladušić, *Letopis Matice Srpske*, Matica srpska: Novi Sad, 2015. Vol. 496. No. 3. September, Pp. 235–244.

9. Lukić J. The woman’s gender studies and the problems of the discipline: the role of the magazine / editor dr. Biljana Dojčinović and dr Ana Kolarić, *Feministički časopisi u Srbiji. Teorija, aktivizam i umetničke prakse u 1990-im u 2000-im*, 2000, Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu: Beograd, 2018. Pp. 164–181.

10. Petrovic A. V. Twitter literature – between the form and the sense // editor Alen Bešić, *Polja*, Kulturni centar Novog Sada: Novi Sad, 2018. Vol. 512. july-august, Pp. 62–66.

11. Simić Z. “Knjiženstvo”: The encounter of the gynocriticism and the digital humanistics / editor dr Biljana Dojčinović and dr Ana Kolarić, *Feministički časopisi u Srbiji. Teorija, aktivizam i umetničke prakse u 1990-im i 2000-im*, Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu: Beograd, 2018. Pp. 315–327.

12. Hayles N. K. Electronic literature: New horizons for literary, University of Notre Dame Press: Notre Dame, Indiana, 2008.

ВОСПРИЯТИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В БЛОГАХ И ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛАХ

Таня Миленковић

Аспирант филологического факультета,
Белградский университет (Белград, Сербия)

В этой статье рассматриваются вопросы восприятия литературы, написанной авторами веб-порталов и книжных блогов, а также вопрос статуса литературных текстов в интернете. В первой части статьи исследуется взаимосвязь между (не)линейностью литературных текстов, феноменом гипертекста и сетевой литературой. Главная часть статьи посвящается исследованию поступков, с помощью которых литература входит в поле сетевой литературы, а к тому же «функций» веб-порталов и книжных блогов. Более того, для нас чрезвычайно важно акцентировать внимание на преимуществах и недостатках опубликования литературного текста на книжном блоге или портале.

Мы попробуем выяснить, насколько предубеждения насчёт качества текстов, опубликованных на веб-порталах и блогах, могут повлиять на решение опубликовать или читать тексты онлайн. Другие факторы, которые мы будем учитывать, – это важность (само)рекламы на книжных блогах и порталах, также как и вопрос более лёгкой и более широкой доступности сетевой литературы для читателей. Мы исследуем, каким образом социальные сети, как: Фейсбук, Инстаграм, Твиттер, Линкедин – влияют на популяризацию блогов и веб-порталов, так называемый «social media marketing». Какие возможности социальных сетей необходимо использовать в более широком и интенсивном формате, как репостинг, ретвиттинг, лайкинг, размещение определённых «отрывков» текста с веб-порталов или блогов на официальную страницу портала или блога в Фейсбуке или Инстаграме, Твиттере. Исследование даёт представление о проблеме выбора места для опубликования текста онлайн и о том, почему, например, для литературного текста кажется более желательным его опубликование на легкоузнаваемом портале, чем на личном книжном блоге.

Ключевые слова: литература, интернет-литература, интернет журналы, литературный блог, интернет поэзия

Для цитирования: Milenković T. The reception of literature on Blogs and Web-Journals // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 126–133.

Поступила в редакцию 14.06.2020

ФИЛОЛОГИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

ББК 78.34

УДК 021.6

Л. А. Гараева¹

*Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Объединение городских библиотек» г. Магнитогорска
larga12@yandex.ru*

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Актуальность и новизна исследования обусловлены необходимостью освещения места современной муниципальной библиотеки в культурном и образовательном пространстве небольшого города, ее роли и возможностей в распространении и популяризации филологических и других знаний, в повышении качества человеческого капитала, а также потребностью очертить перспективы сотрудничества библиотечарей и филологов.

Библиотеки всегда играли большую роль в просвещении граждан и продолжают это делать в XXI веке, по-прежнему оставаясь общедоступным местом для получения широкого спектра культурно-образовательных услуг. В последние годы у россиян разного возраста, в том числе у жителей Магнитогорска, возрос интерес к проблемам русского языка и литературы, к чтению как одной из форм саморазвития, к изучению иностранных языков и культур. В библиотеке-филиале № 2 «Объединения городских библиотек» успешно реализуется ряд проектов, которые направлены на удовлетворение данного общественного запроса.

В статье впервые выполняется обзор оригинальных библиотечных проектов филологической направленности, реализуемых в муниципальной библиотеке, описываются их проблемы, достижения и перспективы, а также очерчивается круг проблем, по которым

¹ Гараева Лариса Анваровна, кандидат филологических наук, доцент, главный библиотечарь филиала № 2 Муниципального бюджетного учреждения культуры «Объединение городских библиотек», г. Магнитогорск, Россия.

возможно продолжать и развивать сотрудничество библиотеки с филологами и другими специалистами вузов.

Цель статьи – поделиться опытом применения филологических технологий в библиотечной деятельности, проанализировать успехи и проблемы и наметить перспективы развития. Результаты проведенного исследования можно использовать при планировании деятельности других библиотек и разработке учебных программ будущих библиотекарей и филологов, а также студентов других специальностей, в преподавании ряда филологических дисциплин.

Ключевые слова: современная библиотека, профессия библиотекаря, филология, общение, кругозор, социальные сети, языковые клубы, книжные свидания, «Школа грамотности», учебная и производственная практика студентов

Место и функции библиотеки в современном обществе и их теоретическое осмысление

На протяжении веков библиотеки были собирателями интеллектуальной памяти наций и государств. Это были крупнейшие депозитарии, способные предоставлять в общественное пользование результаты развития цивилизации — сокровища истории, культуры, науки и технологического развития. Кроме того, библиотеки всегда играли большую роль в просвещении и образовании граждан.

В XXI веке библиотеки продолжают вести свою просветительскую и образовательную деятельность, оставаясь общедоступным местом для получения широкого спектра культурно-образовательных услуг. Современная библиотека – это не только книгохранилище, но и культурно-просветительский центр, общедоступное место для самообразования, расширения круга общения, получения важной общественно-полезной информации и приобретения новых полезных навыков – так называемое «третье место», наряду с работой и домом [4, 260], которое составляет конкуренцию другим досуговым учреждениям – музеям, выставочным залам, кинотеатрам, торгово-развлекательным комплексам, различным видам антикафе, спортивным комплексам и т. п. [9].

В «Модельном стандарте деятельности общедоступной библиотеки», разработанном бывшим министром культуры России В. Р. Мединским, говорится, что общедоступные библиотеки должны участвовать в реализации государственной культурной политики, способствовать формированию нравственной, самостоятельно творчески мыслящей, образованной личности, воспитанию

гражданской ответственности и патриотизма. Современные библиотечные учреждения создают «новые формы информационных услуг и обслуживания, основанные на широком применении информационно-коммуникационных технологий и нацеленные на повышение комфорта пользователей и улучшение качества их жизни <...>, создают условия для самообразования и дополнительной профессиональной подготовки граждан» [16, 5].

По мнению И. Ю. Матвеевой, современные библиотеки развиваются двумя путями, которые она называет стратегическим («перемены охватывают все элементы библиотечной деятельности и подчинены единой миссии, устремлены в долгосрочную перспективу») и тактическим (проектным) («библиотекой создаются проекты локального значения, направленные на решение отдельных проблем библиотеки») [13, 112]. Эти два пути соответственно отражаются в публикациях о современной библиотеке двух видов: в одних делаются попытки осмысления места и роли библиотек в современном обществе и намечаются стратегии их преобразования и подготовки и переподготовки библиотечных специалистов – например, [3], [14], [17], [18], [24] и т. п., в других описывается опыт преобразования библиотечного пространства для приспособления библиотеки под нужды современного общества [8], [12] и т. п. и рассказывается об оригинальных библиотечных проектах, в том числе осуществляемых совместно с образовательными учреждениями – например, статьи Н. Гурьяновой [5], С. Матлиной [15], Б. Урмановой [21] и т. п.

В данной статье предпринята попытка совместить два подхода: мы хотим поделиться опытом осуществления в библиотеке проектов филологической направленности и наметить пути дальнейшего развития библиотеки.

Применение филологических образовательных технологий в Библиотеке мира. Филологическое сопровождение библиотечной деятельности

1. Структура профессиональной деятельности современного библиотекаря.

Библиотека-филиал № 2 «Объединения городских библиотек» Магнитогорска, другое название – Библиотека мира – одно из старейших учреждений культуры в нашем городе – в 2019 году ей исполнилось 70 лет. Это передовая библиотека, которая чутко улавливает все современные тенденции и перестраивает в соответствии с ними свою работу. В свой юбилейный год она стала победителем сразу в двух конкурсах: весной 2019 года – в областном конкурсе «Лучшая

муниципальная библиотека», получив премию 100 000 рублей, а летом приняла участие в национальном проекте «Культура» и в его рамках первая в нашем городе выиграла конкурс «Библиотека нового поколения», получив на свою модернизацию 5,5 миллионов рублей из федерального бюджета.

Эти победы – результат долгого, целеустремлённого пути библиотеки. На протяжении нескольких последних лет она успешно осуществляет свою культурно-образовательную деятельность в русле основных требований «Модельного стандарта», и эта деятельность стала возможной благодаря тому, что большинство сотрудников данной библиотеки, помимо библиотечного, имеют еще и филологическое образование.

Современный библиотекарь должен совмещать в себе несколько ипостасей:

– журналиста, поскольку для проведения любого крупного мероприятия ему необходимо грамотно написать пресс-релиз и пост-релиз, а часто еще и достаточно объемную статью; уметь взять интервью у интересных людей, приглашенных на это мероприятие, и изложить содержание беседы в хорошем тексте;

– маркетолога, так как ему необходимо продвигать услуги своей библиотеки, а для этого необходимо изучать целевую аудиторию и создавать рекламные продукты в СМИ и интернете;

– IT-специалиста, поскольку библиотека XXI века оснащена сложной информационной техникой, и библиотекарь должен уметь ею пользоваться и создавать видеоролики, презентации, интерактивные мероприятия и т. п.;

– собственно библиотекаря;

– филолога, поскольку библиотекарю часто приходится быть модератором на встречах с поэтами и писателями, проводить литературные мероприятия для школьников и людей разного возраста, вести страничку или сайт библиотеки в социальных сетях и наполнять их разнообразным познавательным, просветительским контентом, наконец, организовывать деятельность литературных и языковых клубов для горожан разного возраста.

И сотрудники Библиотеки мира стараются успешно осуществлять все эти ипостаси.

2. *Проекты филологической направленности, осуществляющиеся в Библиотеке мира.*

Одно из важнейших направлений деятельности современной библиотеки – продвижение её в социальных сетях. Библиотека мира

имеет свою публичную страницу во «ВКонтакте», у которой на сегодняшний день 4935 друзей и 39 подписчиков со всех уголков России, – «Библиотека Магнитогорск» [1]. Конечно, сотрудники библиотеки, заполняющие эту страницу, должны иметь широкий кругозор, большую начитанность и безупречную грамотность, поскольку «Библиотека Магнитогорск» – виртуальное лицо данного учреждения.

На своей странице библиотека размещает афиши предстоящих мероприятий и отчеты об их проведении с большим количеством фотографий и видеосюжетов, рассказывает о ежедневной деятельности библиотеки, выкладывает интерактивные выставки и викторины, познавательный контент к памятным датам России и юбилеям писателей, осуществляет связь с читателями.

Пользователям-книголюбам понравился такой вид деятельности Библиотеки мира, как виртуальный литературный марафон. Его цель – рассказать интересные факты из жизни и творчества какого-то писателя или поэта в необычной форме и одновременно побудить читателей к самостоятельному поиску недостающей информации. На протяжении одной-двух недель библиотека ежедневно выкладывает на своей странице познавательную информацию о писателе, сопровождаемую редкими фотографиями, аудио- и видеофайлами, а в конце поста задает вопрос, на который необходимо ответить в течение ближайших суток. На следующий день на странице библиотеки появляется следующий пост о писателе, в начале которого размещен правильный ответ. По окончании марафона библиотека подводит итоги и приглашает победителей в свои стены для вручения подарков.

Проведение такого марафона требует от библиотекаря хорошей литературоведческой подготовки, навыков грамотного аналитического чтения, а также наличие в достаточном количестве соответствующей современной литературы в фонде библиотеки, поскольку нужно дать читателям такую информацию, которую не найти в «Википедии», и задать такой вопрос, для ответа на который читателю придется поискать авторитетные источники.

На сегодняшний день библиотекой проведено два таких марафона: к юбилею Ф. И. Тютчева и ко дню рождения В. М. Тушновой. Тютчевский марафон [20] был осуществлен в качестве виртуальной рекламной акции перед одним из «книжных свиданий» в ноябре-декабре 2018 года, а марафон о Тушновой [19] стал в конце марта текущего года палочкой-выручалочкой при переводе библиотеки в режим дистанционной работы из-за пандемии коронавируса.

Читатели просят проводить такие марафоны почаще, но пока у библиотеки нет такой возможности из-за загруженности сотрудников.

Ещё одно направление деятельности Библиотеки мира, требующее филологического сопровождения, – руководство специализированным сообществом в социальной сети. Пока такие сообщества созданы библиотекой только во «ВКонтакте», их 26. Одни из них сопровождают проведение какого-то значимого мероприятия и наполняются контентом время от времени (например, «Книжные свидания» [10], «Фестиваль театральных постановок «BRAVO!» [22] и др.), другие ведутся постоянно – например, сообщество «МагнитОГОрск_Читающий_Город_Библиотека_Мира» [11], которое создано для информирования читателей о книжных новинках, поступивших в фонд библиотеки, и о проводимых библиотекой акциях и других мероприятиях в поддержку чтения, и виртуальная группа «Французская мансарда» [23], в которой отражается деятельность одноимённого клуба.

Создание и функционирование различных языковых клубов – одно из важных направлений работы Библиотеки мира. Поскольку это единственная в городе библиотека с отделом литературы на 26 иностранных языках, насчитывающем в своем фонде около 10 тысяч книг, а несколько сотрудников библиотеки, помимо библиотечного образования, имеют дипломы учителей иностранных языков, то в 2013 году, по примеру столичных городов, было решено предложить горожанам новый вид услуг – языковые клубы. В них магнитогорцы могут интересно и совершенно бесплатно провести свой досуг: освежить школьные знания либо начать изучать заново иностранный язык, получить много интересной информации о других странах и культурах, принять участие в различных библиотечных мероприятиях, найти новых друзей.

Первым открылся клуб любителей латинского языка «Veni, vidi, vici» в сентябре 2013 года, и с тех пор в нем уже отзанимались около 10 групп из 10–15 человек – по две группы в год. Первоначально набирали желающих позаниматься через СМИ – газеты, радио, телевидение. Но теперь такая необходимость практически отпала: люди звонят в библиотеку, записываются в очередь за несколько месяцев вперед. Если раньше мы просили журналистов помочь нам с рекламой, то теперь, наоборот, они перед набором новой группы звонят нам с просьбой снять про наш клуб сюжет или дать интервью. Очень приятно, что мы попали в модный тренд.

Возраст любителей латыни – от 14 лет и до 80. С самых первых занятий мы начали проводить социологическое исследование членов клуба. Среди них школьники (учащиеся 8–11 классов), студенты, учителя, инженеры, работники муниципальных учреждений, пожарные, сотрудники МЧС, работники ММК, предприниматели, пенсионеры. Они съезжаются на занятия со всех районов города, даже с левого берега. На вопрос о цели прихода в клуб большинство ответили: «Для общего развития» или «Для расширения кругозора». Кто-то хочет подучить латынь перед поступлением в медицинский вуз, кто-то – чтобы щеголять среди друзей крылатой латинской фразой, а кто-то – чтобы избавиться от одиночества и потренировать память.

Для занятий была разработана программа, рассчитанная на 17 занятий, и учебное пособие. В процессе учебы слушатели получают представление о том, когда и где зародилась латынь, какие этапы прошла в своем развитии, какое влияние она оказала на мировую цивилизацию и культуру, а также изучают латинскую грамматику, учатся читать и переводить со словарем небольшие латинские тексты, заучивают латинские крылатые выражения, пословицы и поговорки, католические молитвы и песни, готовят доклады и даже дважды играли в КВН на латинском языке: в 2015 году – со студентами магнитогорского филиала РАНХиГС, в 2016 году – со студентами Института гуманитарного образования МГТУ имени Г. И. Носова. Для информационной поддержки деятельности клуба было создано сообщество во «ВКонтакте» «Древние языки. «Школа грамотности». Библиотека» [6], которое, в частности, помогает проводить дистанционную работу с «латинянами» сейчас, во время пандемии коронавируса.

А ещё «латиняне» каждый год в конце декабря отмечают в Библиотеке мира европейское Рождество вместе с членами других языковых клубов. Сейчас в библиотеке успешно действуют, помимо латинского, клуб любителей английского языка «Пилигрим» для неработающих пенсионеров, клуб любителей французского языка «Французская мансарда» для школьников, клуб разговорного английского языка «Vlab club» для молодежи и большой клуб любителей немецкого языка, работающий под патронажем городской общественной организации «Местная немецкая культурно-национальная автономия» (руководитель – кандидат педагогических наук Е. В. Землянухина) для всех желающих.

Рождественский праздник – это красочное действо, которое проходит с импровизированной сценой и за накрытыми для чаепития столами: каждый клуб – за своим столом. Все клубы придумывают

костюмы, готовят концертные номера и принимают участие в конкурсе на лучшее рождественское блюдо. Обязательный участник праздника – Дед Мороз, которого гости библиотеки приглашают на праздник на своих языках [7].

По многочисленным просьбам членов клуба «Veni, vidi, vici», в 2015–2016 годах в Библиотеке мира было организовано изучение старославянского и древнерусского языков. Были набраны и обучены три группы – в основном, это были женщины среднего и старшего возраста. Они очень охотно изучали кириллицу и учились читать старославянские и древнерусские тексты, слушали лекции о возникновении славянской письменности, заучивали наизусть отрывки из древних памятников, самостоятельно готовили доклады о славянской культуре. Но, к сожалению, это направление деятельности библиотеки пришлось свернуть из-за загруженности руководителя другими видами библиотечной работы. А потребность в изучении древних славянских языков есть: нет-нет, да кто-нибудь из постоянных читателей спросит, не набирается ли новая группа.

В Библиотеке мира изучают не только древние и современные европейские языки, но и современный русский язык. Уже много лет «Объединение городских библиотек» является организатором главной городской площадки для проведения Международной акции «Тотальный диктант». В 2015 году при поддержке МГТУ имени Г. И. Носова в Библиотеке мира были организованы небольшие по объему подготовительные курсы для участников данного мероприятия. Желающих записаться туда было так много, что пришлось сформировать две группы по 25 человек. Причем в подавляющем большинстве это были отнюдь не школьники, а взрослые, солидные люди, которые захотели проверить и усовершенствовать свою грамотность.

На занятиях мы разбирали наиболее сложные правила, выполняли упражнения, писали различные диктанты. Кроме того, здесь, в библиотеке, люди имели возможность поделиться своими наблюдениями за функционированием русского языка в современном обществе. Руководитель курсов побуждала их наблюдать за рекламой в СМИ, на рекламных щитах, за ценниками в магазинах и приносить в библиотеку свои наблюдения. Мы разбирали ошибки, и людям это очень нравилось. Таким образом, мы расширяли территорию грамотности в нашем городе.

Подготовительные курсы оказались такими успешными, что библиотека решила проводить обучение русскому языку круглый

год. Так возник новый образовательный проект – «Школа грамотности», который позже принял участие во всероссийском конкурсе «Слово менеджерам культуры» и стал дипломантом, а описание проекта в качестве премии нашло отражение на страницах журнала «Справочник руководителя учреждений культуры».

Кто пришел в нашу «Школу грамотности»? Опять люди самых разных возрастов: школьники и студенты (чтобы углубить свои знания по программе учебных заведений), люди среднего возраста и пенсионеры (чтобы совершенствовать свою культуру письма и пообщаться с единомышленниками).

Библиотека с её уютным, хорошо отремонтированным залом стала центром притяжения интеллигентных, думающих горожан. Курсанты не хотели отсюда уходить, после окончания занятий долго обсуждали друг с другом увиденное и услышанное, делились проблемами. Они активно пользовались справочной литературой, разобрали большую часть учебников по русскому языку (чтобы, в случае пропуска занятия, можно было бы самостоятельно изучить нужное правило).

Но, к сожалению, через два года «Школу грамотности» пришлось закрыть в связи с загруженностью организатора. Еще один перспективный библиотечный проект ждет волонтеров, которые могли бы его возобновить и совершенствовать.

В 2017 году Библиотека мира запустила следующий оригинальный проект – «Книжные свидания» [2]. Цель проекта – познакомить друг с другом одиноких книголюбов, которые стесняются посещать ночные клубы и дискотеки, но хотели бы расширить круг своего общения, обрести единомышленников и новых друзей.

Такое мероприятие требует тщательной подготовки, в которой участвует практически весь коллектив библиотеки. Во-первых, необходимо разработать сценарий, куда входят литературные викторины и конкурсы, книжные выставки и квесты; во-вторых, продумать музыкальное сопровождение и пригласить артистов, найти благотворителей, которые бы предоставили призы и подарки, а самое главное – пригласить участников, подобрав для данного конкретного мероприятия людей со схожими литературными предпочтениями, по возможности в рамках одной возрастной группы и разного пола. Для этого используется специально созданное одноимённое сообщество во «ВКонтакте» [10]: именно там размещена анкета для предполагаемых участников, которую необходимо заполнить, чтобы получить приглашение на «Книжное свидание»;

там же располагаются рекламные материалы и фото- и видеоотчеты о проведенном мероприятии.

К настоящему моменту успешно проведено три «Книжных свидания» – меньше, чем хотелось бы. А потребность в проведении таких мероприятий у жителей нашего города велика. Ведь «Книжные свидания» – это новый формат литературного клуба, который успешно решает три основные задачи: 1) просвещение граждан, расширение их кругозора; 2) популяризация чтения качественной литературы; 3) помощь одиноким людям в обретении новых друзей.

Для того чтобы продолжать осуществлять этот проект, библиотека тоже нуждается в помощи молодых филологов-волонтеров, которые могли бы оказать существенную поддержку библиотекарям и, возможно, дополнить проект новыми идеями.

Наконец, с сентября 2019 года Библиотека мира начала осуществлять очень успешный проект совместно с Институтом гуманитарного образования Магнитогорского технического университета имени Г. И. Носова: студенты теперь проходят в библиотеке учебную и производственную практику, в процессе которой учатся создавать сценарии современных библиотечных мероприятий и делать презентации к ним, создают традиционные и виртуальные книжные выставки, углубляют свои знания по библиографии. Такое сотрудничество позволяет углубить и расширить подготовку будущих филологов, делая их универсальными специалистами, а библиотека получает возможность расширить сферу своего влияния на молодежь и лучше её узнать, для того чтобы внести коррективы в планы своей работы с данной категорией населения. Хотелось бы, чтобы такая практика проходила в библиотеке в течение всего года и к ней подключилось как можно больше студентов, причем не только гуманитарных специальностей.

Проблемы и перспективы развития библиотечных проектов филологической направленности

Таким образом, в условиях современной муниципальной библиотеки можно осуществить множество проектов с филологическим уклоном, которые, как нам кажется, весьма полезны и муниципальным библиотекам, и вузам. А к некоторым из них – например, к учебной и производственной практике, – можно привлечь и студентов негуманитарных специальностей, например, математиков, физиков, психологов и др., которые могли бы научиться в библиотеке популяризовать свои знания и осуществлять научно-популярные проекты для населения.

Представляется, что две эти профессии – библиотекари и филологи – призваны обеспечить национальную безопасность России в условиях постиндустриальной цивилизации. И у библиотечарей, и у филологов есть важнейшая цель – гуманизация общества. Обе данных профессии имеют значительное преимущество перед многими другими, поскольку они развивают в своих носителях так называемые «мягкие» навыки (soft skills), к которым относятся «коммуникабельность, умение работать в команде, креативность, пунктуальность, уравновешенность», противопоставленные «жестким» навыкам (hard skills), «которые являются навыками работы преимущественно с машинами и оборудованием» [17, 650]. «Спасти человечество может только человек ноосферный, представляющий собой нравственную, ответственную, самостоятельно мыслящую, творческую личность» [18, 12], и библиотекари, и филологи могут многое сделать для формирования такого человека.

Представляется, что одно из перспективных направлений развития современных библиотек – это их интеграция с образовательными учреждениями, в том числе с вузами. Для расширения такого сотрудничества необходимо решить следующие проблемы: 1) существенно пополнить фонд библиотеки качественной современной научно-популярной литературой по языкознанию, литературоведению и другим областям знания, в том числе авторитетными словарями и справочниками последних лет, критической литературой, а также учебной и художественной литературой по иностранным языкам, особенно латинскому; 2) углубить подготовку библиотечарей в профильных вузах, усилив в ней филологическую, особенно языковую составляющую, и филологов, дополнив программы комплексными дисциплинами, формирующими необходимые навыки для ведения просветительской работы, а также по психологии общения; 3) наладить сотрудничество с другими институтами МГТУ имени Г. И. Носова.

Литература

1. Библиотека Магнитогорск публичная страница // ВКонтакте: социальная сеть. URL: <https://vk.com/bibli2> (дата обращения: 29.04.2020).
2. Видеосюжет телекомпании «ТВ-ИН» про «Книжные свидания» // Не мелочи жизни. Рубрика «Невсерьёз». URL: https://vk.com/videos227029034?z=video227029034_456239046%2Fpl_227029034_-2 (дата обращения: 29.04.2020).

3. Гараева Л. А., Зайцева Т. Б. Аватар читателя городской библиотеки // *Libri Magistri*. 2019. № 1 (7). С. 102–119.
4. Гендина Н. И., Рябцева Л. Н. Изменение функций библиотек в эпоху социокультурных трансформаций: социальные риски и проблема выбора ориентиров // *Библиотековедение*. 2018. № 3. С. 257–265.
5. Гурьянова Н. П. Звенья одной цепи. Библиотека в культурно-образовательном пространстве региона // *Библиотечное дело*. 2010. № 19. С. 16–20.
6. Древние языки. «Школа грамотности». Библиотека: виртуальное сообщество // ВКонтате: социальная сеть. URL: https://vk.com/lubim_knigi (дата обращения: 20.04.2020).
7. Европейское Рождество в Библиотеке мира [видео] // ВКонтате: социальная сеть. URL: https://vk.com/im?sel=227029034&z=video227029034_456239073%2F5ccd564d08b04377a3 (дата обращения : 29.04.2020).
8. Ильина В. В., Мошковская Т. В. Организация комфортного пространства библиотеки в конкурентной среде мегаполиса // *Библиотечное дело*. 2016. № 2. С. 22–24.
9. Ключев В. К. Библиотека на рынке услуг: новые тренды и современные подходы // *Библиотековедение*. 2017. № 3. С. 343–349.
10. Книжные свидания: виртуальное сообщество // ВКонтате: социальная сеть. URL: <https://vk.com/event167004137> (дата обращения: 29.04.2020).
11. МагнитОГОрск_Читающий_Город_Библиотека_Мира : виртуальное сообщество // ВКонтате: социальная сеть. URL: <https://vk.com/club68309615> (дата обращения: 29.04.2020).
12. Мартинкенайте Ю. А. Оживающие книги. От «списка Бродского» к кофейным ароматам // *Библиотечное дело*. 2016. № 2. С. 28–30.
13. Матвеева И. Ю. Профессиональное сознание библиотечного специалиста: понятие, структура, механизмы формирования // *Libri Magistri*. 2018. Вып. 5. С. 111–116.
14. Матвеева И. Ю., Карпинская Е. В. Возможности использования информационно-коммуникативных технологий для активизации читательской деятельности пользователей библиотек // *Libri Magistri*. 2018. С. 130–137.
15. Матлина С. Г. Публичная библиотека в эпоху префигуративной культуры. Пространство для выбора и творчества // *Библиотечное дело*. 2010. № 19. С. 6–10.

16. Мединский В. Р. Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки: рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам муниципальной власти. Москва, 2014 // Библиотеки Дона [сайт]. URL: <http://donlibonline.dspl.ru/Data/Новости/2014/0511/Модельный%20стандарт%202014.pdf>Ю (дата обращения: 29.04.2020).

17. Редькина Н. С. «Надпрофессиональные навыки» и профессиональные знания библиотечного специалиста: требования времени // Библиотековедение. 2019. № 6. С. 647–658.

18. Соколов А. В. Ноосферный человек в библиотеке будущего // Библиотековедение. 2019. № 1. С. 7–17.

19. Сто часов счастья Вероники Тушновой: виртуальный литературный марафон // Библиотека Магнитогорск: публичная страница во «ВКонтакте». URL: https://vk.com/event167004137?w=wall227029034_4017 (дата обращения: 29.04. 2020).

20. Тютчевский марафон // Библиотека Магнитогорск: публичная страница в ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-167004137?offset=60&w=wall-167004137_69%2Fall (дата обращения: 29.04.2020).

21. Ухманова Б. М. О вершках и корешках. Миротворческие проекты муниципальной библиотеки // Библиотечное дело. 2010. № 19. С. 24–28.

22. Фестиваль театральных постановок «BRAVO!»: виртуальное сообщество // ВКонтакте: социальная сеть. URL: <https://vk.com/event188833750> (дата обращения: 29.04.2020).

23. Французская мансарда: виртуальное сообщество // ВКонтакте: социальная сеть. URL: https://vk.com/club_parlons_francais (дата обращения: 29.04. 2020).

24. Швец М. Б. Новый облик библиотек. Что такое концептуальная реконструкция // Библиотечное дело. 2016. № 2. С. 13–15.

REFERENCES

1. Biblioteka Magnitogorsk: a public page // VKontakte social network public page. URL: <https://vk.com/bibli2> (accessed: 29.04.2020).

2. Video of a TV-IN television company: «Knizhnye svidaniya» // Ne melochi zhizni. Rubrika «Nevser'joz». URL: https://vk.com/videos227029034?z=video227029034_456239046%2Fpl_227029034_-2 (accessed: 29.04.2020).

3. Garaeva L. A., Zajceva T. B. Urban library: a reader avatar // Libri Magistri. 2019. №. 1 (7). Pp. 102–119.

4. Gendina N. I., Ryabceva L. N. Changing of the functions of libraries in the era of sociocultural transformations: social risks and problem of choosing landmarks // *Bibliotekovedenie [Russian Journal of Library Science]*. № 3. Pp. 257–265.
5. Gur'janova N. P. Zven'ja odnoj cepi. Biblioteka v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve regiona // *Bibliotechnoe delo*. 2010. № 19. Pp. 16–20.
6. Drevnie jazyki. «Shkola gramotnosti». Biblioteka: a virtual community // VKontakte social network page. URL: https://vk.com/lubim_knigi (accessed: 20.04.2020).
7. Evropejskoe Rozhdestvo v Biblioteke mira [video] // VKontakte social network. URL: https://vk.com/im?sel=227029034&z=video227029034_456239073%2F5ccd564d08b04377a3 (accessed: 29.04.2020).
8. Il'ina V. V., Moshkovskaja T. V. Organizacija komfortnogo prostranstva biblioteki v konkurentnoj srede megapolisa // *Bibliotechnoe delo*. 2016. № 2. Pp. 22–24.
9. Klyuev V. K. Biblioteka na rynke uslug: novye trendy i sovremennye podhody [Library in the market of services: the new trends and modern approaches] // *Bibliotekovedenie. [Russian Journal of Library Science.]* 2017. № 3. Pp. 343–349.
10. Knizhnye svidanija: a virtual community // VKontakte social network. URL: <https://vk.com/event167004137> (accessed 29.04.2020).
11. MagnitOGOrsk_Chitajushhij_Gorod_Biblioteka_Mira: a virtual community // VKontakte social network. URL: <https://vk.com/club68309615> (accessed: 29.04.2020).
12. Martinkenajte Ju. A. Ozhivajushhie knigi. Ot "spiska Brodskogo" k kofejnym aromatam // *Bibliotechnoe delo*. 2016. № 2. Pp. 28–30.
13. Matveeva I. Ju. Professional'noe soznanie bibliotechnogo specialista: ponjatie, struktura, mehanizmy formirovanija // *Libri magistri*. 2018. Issue 5. Aksiologicheskij dialog kul'tur. P. 111–116.
14. Matveeva I. Ju., Karpinskaja E. V. Vozmozhnosti ispol'zovanija informacionno-kommunikativnyh tehnologij dlja aktivizacii chitateľ'skoj dejatel'nosti pol'zovateľej bibliotek // *Libri Magistri*. 2018. Issue 5. Aksiologicheskij dialog kul'tur. Pp. 130–137.
15. Matlina S. G. Publichnaja biblioteka v jepohu prefigurativnoj kul'tury. Prostranstvo dlja vybora i tvorčestva // *Bibliotechnoe delo*. 2010. № 19. Pp. 6–10.

16. Medinskij V. R. Model'nyj standart dejatel'nosti obshhedostupnoj biblioteki: rekomendacii organam gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii i organam municipal'noj vlasti. Moskva, 2014 // Biblioteki Dona [web site]. URL: <http://donlibonline.dspl.ru/Data/Novosti/2014/0511/Model'nyj%20standart%202014.pdf> (accessed: 29.04.2020).
17. Red'kina N. S. «Nadprofessional'nye navyki» i professional'nye znaniya bibliotechnogo specialista: trebovanija vremeni // Bibliotekovedenie. [Russian Journal of Library Science.] 2019. № 6. Pp. 647–658.
18. Sokolov A. V. Noosfernyj chelovek v biblioteke budushhego // Bibliotekovedenie. [Russian Journal of Library Science]. 2019. № 1. Pp. 7–17.
19. Sto chasov schast'ja Veroniki Tushnovoj: virtual'nyj literaturnyj marafon // Biblioteka Magnitogorsk: VKontakte social network public page. URL: https://vk.com/event167004137?w=wall227029034_4017 (accessed: 29.04.2020).
20. Tjutchevskij marafon // Biblioteka Magnitogorsk: VKontakte social network public page. URL: https://vk.com/wall-167004137?offset=60&w=wall-167004137_69%2Fall (accessed: 29.04.2020).
21. Uhmanova B. M. O vershkah i koreshkah. Mirotvorcheskie proekty municipal'noj biblioteki // Bibliotechnoe delo. 2010. № 19. Pp. 24–28.
22. Festival' teatral'nyh postanovok «BRAVO!»: a virtual community // VKontakte social network. URL: <https://vk.com/event188833750> (accessed: 29.04.2020).
23. Francuzskaja mansarda: a virtual community // VKontakte social network. URL: https://vk.com/club_parlons_francais (accessed: 29.04.2020).
24. Shvec M. B. Novyj oblik bibliotek. Chto takoe konceptual'naja rekonstrukcija // Bibliotechnoe delo. 2016. № 2. Pp. 13–15.

PHILOLOGICAL SUPPORT
OF MODERN LIBRARY PRACTICES

Larisa A. Garaeva

Candidate of Sciences (Philology), Municipal budgetary cultural
institution 'Association of city libraries'
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Importance and novelty of the research are determined by the necessity of depicting the place of a modern municipal library

in the cultural and educational space of a little town, its ability and role in spreading and popularization of philological and other types of knowledge, improvement of the quality of human capital and the need to delineate the perspectives of collaboration of librarians and philologists.

Libraries have always played a major role in the enlightenment of citizens and continue to do so in the 21st century. They still function as widely accessible place to receive a wide range of cultural and educational services. In the recent years Russians of different ages, including Magnitogorsk citizens, have shown rising interest in the problems of the Russian language and literature, in reading as a form of self-development, in the study of foreign languages and cultures. A range of projects to fulfill such needs are implemented in the Branch Library № 2 of the "Ob'edinenie gorodskikh bibliotek" ("Town Libraries Union", Rus. "Объединение городских библиотек").

The article contains the first review of the original librarian projects of philological nature that are implemented in a municipal library. It describes the achievements, problems and perspectives of such projects and contains a range of issues that can lead to continuation and further extension of collaboration between a library and philologists and other specialists of higher education institutions.

The goal of this article is to share the experience of applied philological technologies in the librarianship, analyze achievements and difficulties and delineate the perspectives of further development. The results of the conducted study can be used in planning the activities of other libraries and in developing of educational programs for future librarians and philologists, as well as for students of other faculties and in teaching of various philological disciplines.

Keywords: modern library, librarianship, philology, communication, mental outlook, social networking, librarian projects, collaboration

Для цитирования: Гараева Л. А. Филологическое обеспечение деятельности современной библиотек // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 134–149.

Поступила в редакцию 05.05.2020

ДЛЯ АВТОРОВ Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в четырнадцатом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Восток и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры.
- 2) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы.
- 3) Поэтика литературы.
- 4) Философия литературы.
- 5) Филология и междисциплинарные связи. Филология и IT-технологии.
- 6) Интермедиальность: тексты культуры.
- 7) Метатекстуальность: история и типология.
- 8) Семиотика: мир как текст.
- 9) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития.
- 10) Аксиологические модели.
- 11) Современная литература в историко-культурном контексте.
- 12) Литература и другие формы общественного сознания: проблема диалога.
- 13) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы.
- 14) История и теория жанров: диалектика формы и содержания.
- 15) Лингвокультурология и страноведение.
- 16) Перевод и переводоведение.
- 17) Методика преподавания филологических дисциплин.
- 18) Выдающиеся российские и зарубежные филологи: идеи – судьбы – наследие.

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание **2 номера 2020 (двенадцатого выпуска) журнала «Libri Magistri»** планируется в июне 2020 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом **Фамилия_заявка**, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется; почтовый адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – *Times New Roman*, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полуужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия автора** (полуужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – *статус автора и сведения о нем (научная степень, звание, должность, полное название организации каждого автора, адрес электронной почты всех авторов, почтовый адрес места работы)* (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полуужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (без слова **Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования, актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – *Times New Roman*, размер – **10**). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на

английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: М. – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке. На английском языке указать **место работы**.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция (1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте elibrary https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809 и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta->

gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3(2=411.2)

УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹,

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamasu@mail.ru*

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury` [“Lomonosov Text” of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p.
2. Baraty`nskij E. A. Polnoe sobranie stixotvorenij [Full. Coll. poems] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. teksta i primech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p.
3. Rudakova S. V. Filosofiya schast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`e nauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114.
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost` v otechestvennoj literature: k probleme kul`turnogo dialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: [http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.p df](http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf) (accessed 10.01.2020).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:

«DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions, Dialogue, Epicureanism

LIBRI MAGISTRI

2020. 3 (13)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

Научный рецензируемый журнал

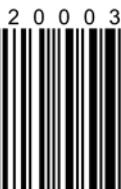
Сдано в набор 24.09.2020. Подписано в печать 30.09.2020.
Дата выхода 10.10.2020.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1
Плоская печать. Усл. печ. л. 9,75. Тираж 400 экз. Заказ 2037.

Издательство ООО «ВГ КАТРАН»
455000, Магнитогорск, ул. 50-летия Магнитки, 39–53.

ISSN 2587-6945

9 772587 694002

>